

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 1 (67), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2015**

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 17 от 4 декабря 2015 г.

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

1. **Непомнящий Андрей Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – главный редактор.
2. **Манаев Александр Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. **Герцен Александр Германович** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
4. **Ишин Андрей Вячеславович** – доктор исторических наук, доцент, кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
5. **Латышева Елена Владимировна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
6. **Науменко Валерий Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
7. **Петрова Элеонора Борисовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
8. **Платонова Надежда Игоревна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. **Романько Олег Валентинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
10. **Тихонов Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, заведующий музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. **Тункина Ирина Владимировна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. **Филимонов Сергей Борисович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
13. **Храпунов Игорь Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
14. **Щевелев Сергей Стефанович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Подписано в печать 07.12.2015. Формат 70x100 1/16
7,23 усл. п. л. Заказ № 10.

Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. академика Вернадского, 4

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 94 (47–13) «185/190»

**ИМПЕРСКИЕ ПОДХОДЫ В РЕШЕНИИ МУСУЛЬМАНСКИХ ПРОБЛЕМ:
НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «КОМИССИИ ДЛЯ
ПРИВЕДЕНИЯ В ИЗВЕСТНОСТЬ ВАКУФОВ В КРЫМУ» (1871 ГОД)**

Конкин Д. В.

**Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: denis_konkin@mail.ru**

В статье рассмотрен один из эпизодов, характеризующих внутреннюю политику Российской империи по отношению к мусульманскому населению Крыма. После Крымской войны на полуострове активизировался процесс захвата вакуфной земли частными собственниками. Исправить ситуацию, по мнению Таврического магометанского духовного правления, могло только вмешательство государственной власти. С этой целью в 1871 г. в Симферополе была учреждена «Комиссия для приведения в известность вакуфов в Крыму» под председательством князя Дадешкелиани. Комиссия произвела учет вакуфных имуществ Крыма. Однако при подсчете не были учтены незаконно проданные ранее вакуфы. Также не учитывались вакуфы без межевых планов и без утвержденных судебных решений. В итоге большинство духовных вакуфов навсегда лишилось данного статуса.

Ключевые слова: Таврическая губерния, Крым, духовный вакуф, крымские татары, мусульманское духовенство.¹

К 70-м гг. XIX в. вакуфный вопрос в Крыму стал выходить за рамки имущественных и конфессиональных противоречий отдельных собственников. Стремительный экономический рост Российской империи в пореформенный период одновременно обострил ряд проблем в государстве. К числу региональных проблем, безусловно, относилась и вакуфная. Все очевиднее становилось, что неурегулированность вакуфной сферы несет определенные угрозы экономике всего региона. И здесь мало что изменилось с конца XVIII века. По-прежнему водораздел происходил по линии: старые хозяева – новые собственники. С одной стороны крымские мусульмане, которые теряли право пользования вакуфами, с другой – российские помещики, которые покупали целостные земельные имущественные комплексы, а затем вынуждены были судиться с мусульманским духовенством из-за права владения оказавшимися внутри приобретенных участков вакуфами [1, л. 76 об.]. Естественно, данная ситуация не поощряла желания владельцев развивать аграрный сектор в Крыму.

Проблема вакуфов оказалась вплотную связана с еще одним важным моментом истории полуострова – обезземеливанием крымских татар. Дело в том, что одновременно с переходом вакуфных земель в распоряжение частных лиц начинался процесс изгнания проживавших на этих территориях крымских татар новыми собственниками. Мусульманское население, которое пользовалось вакуфами на условиях аренды, чаще всего не оформленной документально, доказать свои права было

---

¹ Работа выполнена в рамках Гос. задания № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

не в состоянии и, таким образом, пополняло и без того внушительное число безземельных крымских татар [1, л. 75 об., 76].

Необходимо отметить, что на данном этапе урегулирование вакуфного вопроса, по замыслу правительства, должно было внести ясность не только в экономическую жизнь полуострова, но и послужить преобразованиям в гуманитарной сфере.

Как отмечал в 1871 г. новороссийский генерал-губернатор П.Е. Коцебу, сбор точных сведений о крымских вакуфах преследовал со стороны правительства двоякую цель. Во-первых, предоставить министру народного просвещения (министр – Д.А. Толстой) самую полную информацию о вакуфах упраздненных мечетей, доходы от которых планировалось направить «на распространение образования между татарами в духе сближения с русским населением». Во-вторых, собрать и сообщить «полезные сведения» для учрежденной при МВД Особой Комиссии по составлению нового «Проекта управления духовными делами магометан» [2, л. 46].

В качестве комментария к первому пункту необходимо отметить, что замысел подобного сближения не случаен. В 60–70-е гг. XIX в. в целом в России отмечается усиление т. н. «русификаторской» политики [3, с. 37; 4, с. 114; 5, с. 355]. Именно в этот период происходят радикальные изменения в образовательной концепции государства в отношении всех «инородцев» империи, целью которой должно было стать «...обрусение их и слияние с русским народом» [Цит. по: 6, с. 69–72]. В Казани активизировалось православное миссионерство (деятельность Н. И. Ильминского, архиепископа Антония и созданного им «Братства Св. Гурия») [7, с. 203; 8, с. 81]. На Кавказе руководство края осуществляло радикальную идею вытеснения «опасных» горцев (проект генерала Евдокимова) [9, с. 162–163, 170–174], следствием чего стала массовая эмиграция западнокавказских мусульман [10, с. 178–179]. Слухи о возможном «наступлении» на ислам, насильственном переселении крымских татар присутствовали и в Крыму. Данный дискурс среди местных мусульман назывался современниками одной из причин эмиграции 60-х гг. XIX в. [11, с. 36–37; 12, с. 73]. О внедрении властями русского языка среди ногайцев и крымских татар и устройстве соответствующих школ в 1857–1858 гг. сообщал Г. П. Левицкий [13, с. 620–621]. В этом же контексте следует воспринимать и ряд запросов со стороны правительственных структур, обращенных к Таврическому магометанскому духовному правлению (далее – ТМДП), с требованиями предоставить информацию о вакуфных имуществах, которыми распоряжались мусульманские учебные заведения в Крыму [14, л. 1, 1 об.; 15, л. 45]. Именно к середине XIX в. относят начало активизации процесса христианизации Крыма и современные исследователи [16, с. 78; 30, с. 68–91]. Несколько позднее, в конце 60-х гг. XIX в., в рамках МВД обсуждался вопрос о принятии мер, направленных на ограничение влияния мусульманского духовенства среди крымских татар и распространения среди них образования европейского образца [17, с. 4–5], в связи с чем в Симферополе в 1867 г. заседала «Комиссия по вопросу распространения образования среди крымских татар» подробно обсуждавшая проблемы модернизации образовательного процесса [18, с. 84–156].

У царского режима за время нахождения Крымского полуострова в составе Российской империи уже выработалась своеобразная «методология» изучения и

урегулирования проблем не только в сфере местного землевладения, но и в вопросах этноконфессиональных противоречий, статусных привилегий (предоставление дворянства), экономических, административных преобразований. Важнейшим звеном такой «методологии» являлось учреждение специализированных комиссий с широкими полномочиями, которые занимались изучением проблемы.

По проверенному пути российское правительство решило пойти и в этот раз. В 1871 г. по приказу министра внутренних дел А.Е. Тимашева в Симферополе была учреждена «Комиссия для приведения в известность вакуффов в Крыму» [2, л. 26].

Для руководства Комиссией граф П.Е. Коцебу направил в Крым князя А. М. Дадешкелиани [12, с. 81–82], происходившего из древнего грузинского рода владетелей Сванетии, представители которого в середине XIX в. перешли в российское подданство¹. Полковник Александр Михайлович Дадешкелиани к тому времени уже имел богатый опыт гражданской административной работы. С 1858 г. он исполнял обязанности адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Затем, в 60-е гг. XIX в., был назначен мировым посредником в Нерчинский округ. На этой должности он проявил себя в качестве человека прогрессивных взглядов и энергичного защитника «крестьян и новых “свободных сельских обывателей” от притеснений горного ведомства», стараясь по возможности увеличить наделы бывших мастеровых [20, с. 320]. После 1865 г., получив разрешение переселиться в Европейскую Россию, князь продолжил службу в Одесском военном округе [21, с. 185–187], и здесь уже получил новое назначение в Крым. Возможно, именно положительный опыт в землеустройстве горнозаводского населения Восточной Сибири послужил одним из мотивов при утверждении его на должность руководителя крымской комиссии.

Исходя из названия Комиссии, вытекала и основная цель ее создания: сбор как можно более подробной информации о всех вакуфных имуществах Крыма – как недвижимости, так и финансов.

Комиссия начала работу 6 апреля 1871 г., а уже 18 ноября того же года завершила свою деятельность [22, с. III]. Помимо князя Дадешкелиани, в ее состав входили представители мусульманского духовенства – таврический муфтий Сеит Джелиль эфенди, таврический кади-аскер Сеит Абдулла(?) эфенди; и представители местных мурз – А. Карашайский и подполковник Булгаков [2, л. 68 об.]. Итогом деятельности Комиссии стало составление 11 описей вакуфных имуществ. Качество этих описей оставляло желать лучшего. По оценке Ф.С. Голицына, ведомости духовных вакуффов отличались «неполнотой» и «неверностью» [22, с. III], а частно-вакуфные описи и вовсе не имели «документального характера» [23, с. II; 24, с. 56–58]. На «незаконченность» частно-вакуфных описей указывал и сам князь Дадешкелиани в рапорте новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору П. Е. Коцебу [2, л. 172 об.].

---

¹ Интересно, что накануне назначения еще два представителя княжеского рода – Циох и Тенгиз Дадешкелиани – стали помещиками Таврической губернии: в феврале 1871 г. купили земли в Днепровском уезде Таврической губернии [19, доп. к т. 46, № 49254а].

Тем не менее, несмотря на краткость существования Комиссии и очевидные недостатки составленных ведомостей, сделанные ею выводы и высказанные рекомендации имели огромное значение для всей дальнейшей судьбы крымских вакуфов.

Князь Дадешкелиани в ходе работы оценил все сложности по сбору информации о вакуфах. В своем итоговом донесении о результатах деятельности Комиссии он указал на ряд проблем, которые существенно затрудняли выполнение поставленной перед ней задачи. В частности, было отмечено, что вакуфные пожертвования совершались, как правило, в устной форме, и в период существования Крымского ханства сохранность вакуфов гарантировалась силой религиозного авторитета. Но после «покорения Крыма» Российской империей как экономические, так и правовые условия изменились, и понятия о «святости и неприкосновенности вакуфов...значительно пошатнулись». Российское правительство совершило несколько попыток по урегулированию вакуфного вопроса в Крыму. Но собранные сведения, показания свидетелей, информация мусульманского духовенства были крайне противоречивы («Даже в тех случаях, где планы...находились – между заявлением духовенства о количестве и указанием по плану выходило совершеннейшее противоречие»). В то же время местная администрация при разбирательстве вакуфных вопросов, как правило, не обращалась ни к существующим планам, ни к судебным решениям. В результате общей непоследовательности местных судов и администрации, Сената, мусульманского духовенства возникла путаница, которую только усилила крымско-татарская эмиграция 1860-х гг. В итоге всех этих событий возникла ситуация, когда «множество вакуфов» путем продажи перешла в частные руки [2, л. 78–83].

Следует признать, что, в целом, князем Дадешкелиани была дана достаточно объективная оценка состояния крымских вакуфов. Но описанное положение дел не являлось секретом для российского правительства. Схожую картину, к примеру, изображало и ТМДП в докладе о состоянии вакуфных имуществ в 1870 году [25, л. 79–82].

Для нас наибольший интерес представляют дальнейшие выводы комиссионеров, а они оказались очень неоднозначными. Дело в том, что Комиссия князя Дадешкелиани не стала оценивать правильность осуществленных ранее продаж вакуфных имуществ и попросту не включила все эти многочисленные спорные вакуфы в свои итоговые описи вакуфных имуществ Крыма. Более того, Комиссия отказалась внести в описи даже те вакуфы, которые значились по «Кадиевским ведомостям 1866-68 гг.», но не подтверждались «ни планами Генерального и отдельного межеваний, ни решениями судебных мест и, главное, ни фактическим владением духовенства» [2, л. 83, 83 об.]. Все эти земли, по мнению Комиссии, необходимо было исключить из числа вакуфов по двум причинам. Во-первых, в интересах самого мусульманского духовенства, которое фактически не владело и не пользовалось данными вакуфами, не имело доказательств на право владения ими, но, тем не менее, вынуждено было платить поземельный сбор за эти участки как состоящие в числе вакуфов.

Надо сказать, достаточно странное положение, когда поземельный сбор оплачивался духовенством из-за того, что земля числилась за ним в качестве вакуфного

имущества, но фактически сам участок находился в частном владении. Это свидетельствовало о том, что в результате возможного судебного разбирательства все выглядело бы не так безнадежно для вакуфа, как это прогнозировал Дадешкелиани. Поскольку оплата духовенством поземельного сбора за вакуфный участок, а также упоминание в описи могли являться достаточно вескими обоснованиями принадлежности участка к числу вакуфов даже в судебной инстанции.

Второй причиной стало «огромное стеснение» для частных собственников крымских земель, которые при переходе земельной собственности из одних рук в другие были «поставлены в необходимость» обращаться в ТМДП за справкой о наличии в их владении вакуфных участков, а также вести обременительные судебные тяжбы с мусульманским духовенством за право обладания этими землями [там же].

В результате, по подсчетам Комиссии, духовных вакуфов в Крыму оказалось 94 626 дес. 518 саж. В том числе городских земель 344 дес. 1272 саж. По уездам эти земли распределялись следующим образом: в Перекопском уезде – 25 395 дес., в Евпаторийском уезде – 39 712 дес., в Симферопольском уезде – 11 828 дес., Феодосийском уезде – 16 644 дес. и Ялтинском уезде – 700 десятин [2, л. 83 об.].

Между тем, по спискам ТМДП, составленным уездными кадиями в 1866–1868 гг. духовных вакуфов в Крыму насчитывалось 242 128 дес. 608 саж. Как нетрудно подсчитать, несоответствие между двумя реестрами составило внушительную цифру в 147 502 дес.

Столь огромную разницу в оценках площади, занимаемой вакуфными землями, Новороссийский генерал-губернатор П. Е. Коцебу, вслед за князем Дадешкелиани, объяснял отсутствием системности при составлении предыдущих списков и упущениями со стороны ТМДП при составлении отчетности о вакуфах [2, л. 45].

Самое же интересное то, что, несмотря на критику качества составленных описей, которую разделял и сам князь Дадешкелиани, итоговая оценка Комиссии была принята властью без возражений и в дальнейшем прочно утвердилась не только в официальных документах, но и в общественном сознании. Так, Г. Р. Блюменфельд, подробно проанализировавший российское законодательство о вакуфах, говорил о 87 000 дес. вакуфной земли в Крыму, ссылаясь на официальные данные 1884 г. [26, с. 65]. Примерно такое же количество вакуфных земель называли деятели таврического земства, активно обсуждавшие вакуфный вопрос в конце XIX – начале XX века [27, с. 6; 28, с. 5]. Созданная в 1885 г. «Особая комиссия о вакуфах», сообщая в 1891 г. в губернский статистический комитет информацию о вакуфах, оценивала их количество примерно в 90 000 десятин [29, л. 2]. А. Воскресенский по состоянию на 1893 г. площадь, которую занимали духовные вакуфы в Крыму, определял в размере 88 643 дес. [11, с. 41]. Все эти оценки, так или иначе, восходили к одному источнику – подсчетам Комиссии под руководством князя Дадешкелиани.

То обстоятельство, что Комиссия Дадешкелиани во время работы, по сути, не входила в рассмотрение подробностей дел, судебных споров о вакуфах, не совещалась с местным мусульманским духовенством (ограничившись сотрудничеством с чиновниками ТМДП) и в конечном итоге своим решением исключила из числа вакуфов огромный массив земель, осталось практически незамеченным.

Получилось так, что данное решение устроило многих участников процесса. Для местных частных земельных собственников это было идеальное решение, поскольку избавляло их от угрозы судебных разбирательств. Гражданская администрация Крыма была удовлетворена, поскольку вносилась некоторая определенность в позицию государства по отношению к вакуфным имуществам. То же можно сказать и о судебных органах власти. По-видимому, устраивал такой вариант и ТМДП, для которого функции контроля и защиты вакуфных имуществ давно уже являлись настоящим бременем. Судебные же разбирательства, которые постоянно вело ТМДП, пытаясь вернуть потерянный статус проблемным вакуфам, имели своим следствием значительные финансовые затраты на судебные издержки. К тому же материальное благополучие служащим Правления обеспечивали не проблемные вакуфы, а зарплатные ведомости, в соответствии с утвержденным штатом МВД. Дополнительным надежным активом являлись легальная вакуфная недвижимость и вакуфные капиталы.

Вся описанная ситуация касалась духовно-вакуфной недвижимости. Но помимо этих действий Комиссия Дадешкелиани также произвела подсчет вакуфным капиталам и частно-вакуфным владениям.

Вакуфных денег оказалось более 80 000 рублей. Из них 67 155 р. – на руках у духовенства, 13 425 р. – на банковских счетах и в казначействе [2, л. 44 об.]. Здесь следует отметить, что параллельно с работой Комиссии государством велось следствие по поводу растрат мусульманским духовенством вакуфных средств. Как оказалось, значительная часть этих денег была вывезена духовенством в процессе эмиграции в Турцию [2, л. 84].

Что касается частно-вакуфного землевладения, то точное определение количества таких вакуфов было крайне затруднено все по той же причине отсутствия подтверждающих документов и, ввиду этого, их захвата посторонними лицами. Князь Дадешкелиани отмечал, что новые владельцы «...заинтересованы не оглашать обстоятельств и способы приобретения» данного имущества, поэтому он не считал составленные Комиссией описи «полными и законченными» [2, л. 172 об.]. Тем не менее, частных вакуфов, наличие которых доказывалось и документами, и фактическим владением оказалось около 22 000 десятин [2, л. 175–182].

Подводя итоги работы Комиссии Дадешкелиани, можно констатировать, что, с одной стороны, процесс размывания вакуфной собственности, который начался еще в конце XVIII века, в 1871 году был в основном прекращен, поскольку количество и состояние вакуфных земель было зафиксировано в конкретных цифрах и границах. Но с другой стороны, в результате решения Комиссии отказаться от судебных претензий в отношении проблемных вакуфов, по сути, были легализованы все прежние случаи неправомочного перехода вакуфных земель в разряд частных владений. В результате именно в связи с деятельностью в Крыму Комиссии под руководством князя Дадешкелиани большинство местных вакуфов навсегда лишилось данного статуса.

Таким образом, имперская власть продолжала демонстрировать в Крыму прагматичный подход (в духе М. С. Воронцова) в решении земельной проблемы в целом и вакуфного вопроса в частности, когда, внешне демонстрируя готовность позитив-

но действовать и защищать конфессиональные интересы местных мусульман, в то же время правительство исходило, в первую очередь, из интересов экономической целесообразности и максимизации выгоды для государства и частных собственников. И в этом контексте крымские татары не являлись конкурентоспособными участниками.

Список использованных источников и литературы

1. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 1194.
GARK, f. 315, op. 1, d. 1194.
2. РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 883.
RGIA, f. 821, op. 8, d. 883.
3. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 тт./ 2-е изд., испр. / Б. Н. Миронов. – Т. 1. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – 548 с.+87 ил.
Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 tt./ 2-e izd., ispr. / B. N. Mironov. – T. 1. –SPb.: Izd-vo «Dmitriy Bulanin», 2000. – 548 s.+87 il.
4. Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) / Д. Ю. Арапов. – М.: МПГУ, 2004. – 288 с.
Arapov D. Yu. Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.) / D. Yu. Arapov. – М.: MPGU, 2004. – 288 s.
5. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. – М.: Высшая школа, 1993. – 447 с.
Kornilov A. A. Kurs istorii Rossii XIX veka / A. A. Kornilov. – М.: Vysshaya shkola, 1993. – 447 s.
6. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымско-татарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в XIX – начале XX в.) / В. Ю. Ганкевич. – Симферополь: Таврия, 1998. – 164 с.
Gankevich V. Yu. Ocherki istorii krymskotatarskogo narodnogo obrazovaniya (reformirovanie etnokonfessional'nykh uchebnykh zavedeniy Tavricheskoy gubernii v XIX – nachale XX v.) / V. Yu. Gankevich. – Simferopol': Tavriya, 1998. – 164 s.
7. Каппелер А. Росія як поліетнічна імперія: Виникнення. Історія. Розпад / А. Каппелер / перекл. з німецької Х. Назаркевич, наук. ред. М. Крикун. – Львів: Вид-во Українського Католицького Університету, 2005. – XII+360 с., 11 карт.
Kappeler A. Rosiya yak polietnichna imperiya: Viniknennya. Istoriya. Rozpad / perekl. z nimets'koї Kh. Nazarkevich, nauk. red. M. Krikun. – L'viv: Vidavnistvo Ukraїns'kogo Katolits'kogo Universitetu, 2005 / A. Kappeler. – XII+360 с., 11 kart.
8. Арапов Д. Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов / Сост. и авт. вступ ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапов / Д. Ю. Арапов. – М.: Наталис, 2006. – 480 с.
Arapov D. Yu. Imperatorskaya Rossiya i musul'manskiy mir (konets XVIII – nachalo XX v.): Sbornik materialov / Sost. i avt. vstup st., predisl. i komment. D. Yu. Arapov / D. Yu. Arapov. – М.: Natalis, 2006. – 480 s.
9. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: НЛО, 2007. – 460 с., ил.
Severnyy Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii. – М.: NLO, 2007. – 460 с., il.
10. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в посл. четв. XVIII – нач. XX в. / 2-е изд., испр. и доп. / А. К. Тихонов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. – 368 с.
Tikhonov A. K. Katoliki, musul'mane i iudei Rossiyskoy imperii v posl. chetv. XVIII – nach. XX v. / 2-e izd., ispr. i dop. / A. K. Tikhonov. – SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 2008. – 368 s.
11. Воскресенский А. Татары и земельно-устроительные комиссии в Крыму / А. Воскресенский // Вестник Таврического Земства. – 1904. – № 7–8 (апрель). – С. 24–49 (окончание).
Voskresenskiy A. Tatory i zemel'no-ustroitel'nye komissii v Krymu / A. Voskresenskiy // Vestnik Tavricheskogo Zemstva. – 1904. – № 7-8 (aprel'). – S. 24–49 (okonchanie).
12. Гольденберг М. Крым и крымские татары / М. Гольденберг // Вестник Европы. – 1883. – № 11 (ноябрь). – С. 67–89.

- Gol'denberg M. Krym i krymskie tatory / M. Gol'denberg // Vestnik Evropy. – 1883. – № 11 (noyabr'). – S. 67–89.
13. Левицкий Г. П. Переселение татар из Крыма в Турцию / Г. П. Левицкий // Вестник Европы. – 1882. – № 10. – С. 596–639.
Levitskiy G. P. Pereselenie tatar iz Kryma v Turtsiyu / G. P. Levitskiy // Vestnik Evropy. – 1882. – № 10. – S. 596–639.
  14. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 1172.
GARK, f. 315, op. 1, d. 1172.
  15. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 1199.
GARK, f. 315, op. 1, d. 1199.
  16. Тур В. Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. / 2-е изд., перераб. и доп. / В. Г. Тур. – К.: ИД «Стилос», 2006. – 248 с.
Tur V. G. Pravoslavnye monastyri Kryma v XIX – nachale XX vv. / 2-e izd., pererab. i dop. / V. G. Tur. – K.: ID «Stilos», 2006. – 248 s.
  17. Объяснительная записка к проекту правил // Проект правил о порядке заведывания вакуфными имуществами Таврической губернии и об устройстве быта безземельных татар, поселенных на вакуфных землях и объяснительная к нему записка. – Симферополь: Тип. Спиро, 1892. – 29 с.
Ob'yasnitel'naya zapiska k proektu pravil // Proekt pravil o poryadke zavedyvaniya vakufnymi imushchestvami Tavricheskoy gubernii i ob ustroystve byta bezzemel'nykh tatar, poselennykh na vakufnykh zemlyakh i ob'yasnitel'naya k nemu zapiska. – Simferopol': Tip. Spiro, 1892. – 29 s.
  18. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб.: Изд-во тип. Товарищества «Общественная польза», 1869. – 522 с.
Sbornik dokumentov i statey po voprosu ob obrazovanii inorodtsev. – SPb.: Izd-vo tip. Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1869. – 522 s.
  19. ПСЗРИ. Собрание второе. – Т. 47. – Отд. 2. – СПб.: Тип. II Отделения СЕИВ Канцелярии, 1875. – 1276 + 70 с.
PSZRI. Sobranie vtoroje. – T. 47. – Otd. 2. – SPb.: Tip. II Otdeleniya SEIV Kantselyarii, 1875. – 1276 + 70 s.
  20. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 1998. – 428 с.
Matkhanova N. P. General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V. Ya. Rupert, N. N. Murav'ev-Amurskiy, M. S. Korsakov / N. P. Matkhanova. – Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 1998. – 428 s.
  21. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века / Н. П. Матханова. – М.: Сибирский хронограф, 2002. – 260 с.
Matkhanova N. P. Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX veka / N. P. Matkhanova. – M.: Sibirskiy khronograf, 2002. – 260 s.
  22. Ведомость духовным вакуфам в Крыму, составленная Высочайше учрежденною Особою Комиссиею о вакуфах в 1893 году. – Симферополь: Тип. Тавр. Губернского Правления, 1893. – 310 с.
Vedomost' dukhovnym vakufam v Krymu, sostavlennaya Vysochayshe uchrezhdennoyu Osoboyu Komissieyu o vakufakh v 1893 godu. – Simferopol': Tip. Tavr. Gubernskogo Pravleniya, 1893. – 310 s.
  23. Сравнительная ведомость частным в Крыму вакуфам, составленная Высочайше учрежденной Особой Комиссией о вакуфах в 1893 г. – Симферополь, 1893. – 237 с.
Sravnitel'naya vedomost' chastnym v Krymu vakufam, sostavlennaya Vysochayshe uchrezhdennoy Osoboyu Komissieyu o vakufakh v 1893 g. – Simferopol', 1893. – 237 s.
  24. Частно-вакуфное владение в Крыму. – Симферополь: Тип. Спиро, 1892. – 150 с. (Прил. [245 с.]).
Chastno-vakufnoe vladenie v Krymu. – Simferopol': Tip. Spiro, 1892. – 150 s. (Pril. [245 s.]).
  25. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 1221.
GARK, f. 315, op. 1, d. 1221.
  26. Блюменфельд Г. Крымско-татарское землевладение (исторический очерк) / Г. Блюменфельд. – Одесса: Тип. «Одесского вестника», 1888. – 112 с.
Blyumenfel'd G. Krymsko-tatarskoe zemlevladenie (istoricheskiy ocherk) / G. Blyumenfel'd. – Odessa: Tip. «Odesskogo vestnika», 1888. – 112 s.

27. Неручев М. В. Земельный вопрос / М. В. Неручев. – Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1906. – 40 с.
Neruchev M. V. Zemel'nyu vopros / M. V. Neruchev. – Simferopol': Tip. Tavricheskogo gubernskogo zemstva, 1906. – 40 s.
28. К вопросу об обеспечении быта безземельных татар Крыма // Оттиск. Печатано в №№ 39, 40, 41 «Крыма». – 6 с.
K voprosu ob obespechenii byta bezzemel'nykh tatar Kryma // Ottisk. Pechatano v №№ 39, 40, 41 «Kryma». – 6 s.
29. ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 1052.
GARK, f. 456, op. 1, d. 1052.
30. Калиновский В.В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый угол»: Церковное кримоведение (1837–1920) / В.В. Калиновский; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. – К.; Симферополь: Антиква, 2012. – 340 с.: ил. – (Серия: «Биобиблиография кримоведения»; вып. 18).
Kalinovskiy V.V. «Drevnostey – i zamechatel'nykh, i interesnykh, i krasivykh – nepochatuy ugolok»: Tserkovnoe krymovedenie (1837–1920) / V.V. Kalinovskiy; pod red. i vstup. st. A. A. Nepomnyashchego. – K.; Simferopol': Antikva, 2012. – 340 s.: il. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 18).

Список сокращений

ГАРК – Государственный архив Республики Крым
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГИА – Российский Государственный исторический архив

Konkin D. Imperial Strategies in Solving Islamic Problems: on the example of the establishment and works of the «Commission for Learning Waqf Lands in the Crimea» (1871) / D. Konkin // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 1. – P. 3–11.

The process of seizure of waqf lands by landowners became more active in the Crimean peninsula after the Crimean war. According to the Taurida Muhammadan Spiritual Administration's opinion, only the intervention from the central authority would help. For this purpose, the Commission for Learning Waqf Lands in the Crimea was established in Simferopol in 1871 with prince Dadashkeliani as its chair. The Commission recorded waqf properties in the Crimea. However, this registration did not include waqf lands illegally sold earlier, as well as those that did not have plot plans or approved adjudications. In result, most of public waqf lands lost their status forever.

Key words: Taurida Governorate, Crimea, public waqf, Crimean Tatars, Islamic clergy.

УДК 930.8

АНТИЧНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: indrik-u-blues@rambler.ru*

Рассматривается вопрос о рецепции античного наследия в средневековом Северном Причерноморье в сферах таких интеллектуальных профессий как зодчество, живопись, медицина, литературное творчество. Известно, что в средневековой Византии, преемнице Римской империи, все эти сферы испытывали огромное влияние античной традиции, и византийские интеллектуалы зачастую видели себя продолжателями этой традиции. Что касается Северного Причерноморья, то наиболее ясно преемственность от античности прослеживается в византийском Херсоне и, в некоторой степени, – на Боспоре и в Горном Крыму. На примере Херсона видно, как сохранялись приемы эллинистического и римского времени в градостроительстве, изобразительном искусстве, медицинской практике; в городе еще в античное время сложилась историко-литературная традиция, повлиявшая на литературу, возникшую в средневековом Херсоне. Кроме того, такие нарративные источники, как словарь «Суда» и трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» свидетельствуют о том, что труды северопричерноморских античных ученых были известны в средние века и за пределами региона.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, античная интеллектуальная традиция, средние века.

Рубеж античности и средневековья, обозначаемый чаще всего 476 годом, как известно, является условной датой. Ни политическое, ни историческое, ни культурное и интеллектуальное наследие античной эпохи в средневековой Европе не исчезли. Гарантом выживания античного интеллектуализма в средние века стал, конечно же, Второй Рим. Именно здесь долго еще сохраняются Академия в Афинах, научный центр в Александрии. В столице Византии собирают и переписывают эллинистических и римских авторов; блестящие разновременные эрудиты вроде Проэресия, Синесия, Иоанна Малалы, Евстафия Солунского, Георгия Амируци, Фотия комментируют античных авторов и свободно пользуются образами античной мифологии. Последний из названных византийских интеллектуалов, преподаватель Пандидактиона и патриарх Константинопольский, составляет «Мириобиблион» – синопсис почти трехсот книг классической древности – и во многих разделах не скрывает своего восхищения от прочитанного. Так, например, говорит он о Лукиане: «Связность слов достигает у него такого совершенства, что при чтении они воспринимаются не как слова, а словно какая-то сладостная музыка, которая, независимо от содержания песни, вливается в уши слушающих. Одним словом, повторяю, великолепен слог у него» [47, с. 43]. Для историка Прокопия Кесарийского образцом был Аппиан, для его продолжателя Агафия Миринейского – Фукидид и Полибий. Жанр античной биографии продолжил свое естественное развитие в агиографической литературе, особенно ярко черты античной биографии, сложившиеся со времени Плутарха, выступают в византийской агиографии VI–VIII вв. [51, с. 223]. Стихосложение долгое время оставалось совершенно античным по форме: тяжеловесные рече-

вые обороты Нонна Панополитанского, спорящего «с книгой Гомера» [3, с. 196], и филигранная фраза Григория Назианзина (Богослова) – это гексаметр, элегический дистих и ямбический триметр [62, с. 20].

Безусловно, спор между эллинским интеллектуализмом, ассоциировавшимся с язычеством, и новой христианской картиной мира происходил на протяжении значительного времени, но полного вытеснения античности не случилось. В «Апостольских постановлениях», памятнике III–IV вв., читаем: «Чего не достает тебе в Законе Божиим, чтобы устремляться тебе к тем басням, народным? Хочешь ли ты проходить сочинения исторические? Имеешь книги Царств. Хочешь ли проходить сочинения софистические и пиитические? Имеешь пророков, Иова, приточника, в которых найдешь гораздо больше ума, нежели в какой бы то ни было пиитике и софистике... Желает ли ты сочинений лирических? Имеешь псалмы. Древностей ли желаешь? Имеешь Бытие...» [62, с. 10].

Несмотря на это, школьные традиции у христиан Византии, как и у язычников, предписывали изучение Гомера и других поэтов. В еще более ранний период в христианском греческом романе «Климентины», или «Узнавания» (II–III вв.), герои после долгих споров приходят к выводу о том, что, «когда заложены твердые основы в соответствии со Священным Писанием, тогда можно без опасения, чтобы все больше утверждать ее в умах, воспользоваться знаниями и искусствами, которые составляли предмет изучения в детстве» [62, с. 11]. К примерам того, как пересматривалось наследие эллинской образованности на заре византийской истории, можно добавить речь, произнесенную Отцом Церкви Григорием Богословом во второй половине IV в.: «Полагаю же, что всякий, имеющий ум, признает первым для нас благом ученость, и не только эту благороднейшую и нашу ученость... но и ученость внешнюю... Так и в науках мы заимствовали исследования и умозрения, но отринули все то, что ведет к демонам, к заблуждению и в глубину погибели. Мы извлекали из них полезное даже для самого благочестия, через худшее научившись лучшему, и немощь их обратив в твердость нашего учения. Поэтому не должно унижать ученость, как рассуждают об этом некоторые; а напротив, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, придерживаясь такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве» [20, с. 137]. Его современник, Василий Кесарийский, произносит в 377 г. гомилию «О том, как юноше извлекать пользу из языческих книг», очень близкую к плутарховой речи «Как слушать юноше поэтические произведения». Гомеровы поэмы в ней истолковываются в моральном ключе: например, Навсикая не стесняется наготы Одиссея, поскольку видит, что он одет в добродетели [9, с. 118]. Ранневизантийским периодом, впрочем, спор не был исчерпан, и даже Иоанну Дамаскину, основателю «византийского аристотелизма» (VII–VIII вв.) снова приходится полемизировать с мнением о возможном вреде эллинской учености: «будем исследовать также и учения языческих мудрецов. Может быть, и у них мы найдем что-либо пригодное и приобретем что-нибудь душеполезное» [29, с. 56].

Тем не менее колоссальный корпус текстов говорит о практически непрерывной рецепции античного наследия ромеями, и спустя столетие после речи Дамаскина возникнет новый всплеск интереса к классической древности – Македонский ре-

нессанс IX–XI вв. За ним последуют Комниновский (XI–XII вв.) и, на исходе жизни империи, Палеологовский (XIII–XV вв.) ренессанс. Примечательно, что во время Македонского возрождения худшим обвинением оппонента могло служить «отречение от самого существенного в Священном Писании и от самого основательного в греческой образованности» (так один из учеников Фотия, Арефа, ругает придворного секретаря и дипломата Льва Хиросфакта за небрежение Аристотелем в памфлете «Хиросфакт или Ненавистник чародейства») [62, с. 44]. Именно на этот период приходится прежде не актуальное противопоставление платонизма и аристотелизма. В конце концов победу одержал платонизм, что было равнозначно победе исихазма – так в византийской истории эллинская образованность влияла на христианскую философию и практику [30, с. 32–36].

В античных городах Северного Причерноморья, не бывшего интеллектуальным центром империи, сложно выявить прямое наследование литературной, научной или философской традиции, хотя традиция существовала: это философы (обретшие известность вне малой родины, как Бион Борисфенит, Дифил Боспорянин и Сфер Боспорский, или же «дававшие согражданам наилучший образ мысли» на родине, как, например, Смикр, учивший «на распутьях дорог», подобно софистам и Сократу [КБН, № 118]), ученые, поэты, архитекторы, происходившие из северопричерноморских полисов.

Сохранились только три нарративных источника, по которым можно косвенно проследить такое влияние. Первый – это трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного. Последний раздел этого сочинения, содержащий пять сюжетов из истории Херсонеса римского времени, имел некий первоисточник, написанный херсонесским автором, жившим либо в позднеимперское время, либо в V–VI вв. [65, с. 5]. На этого автора явно повлияли труды античных писателей о военных хитростях, возможно, это были «Стратегемы» Полиена: в херсонесских сюжетах речь идет как раз о хитроумных уловках херсонеситов в борьбе против боспорян. Таким образом, труд эллина-интеллектуала из Северного Причерноморья стал источником для сочинения царственного византийца X века [61, с. 147].

Второй пример – это текст «Жития Семи мучеников Херсонских», авторство которого принадлежит, вероятно, местному хорошо образованному клирику. Он написал протограф сохранившихся рукописных версий «Житий» (9 греческих текстов, 9 церковнославянских, 2 армянских и 2 грузинских) около 570-х гг. (по А. Ю. Виноградову [14, с. 86]) либо в иконоборческое время – последней четверти VIII – середине IX в. (по Ю. М. Могаричеву [41, с. 364]), и, как видно, был знаком с жанром античной биографии, тесно связанным с формированием житийной традиции. В том, что автор «Жития» жил в средневековом Херсоне, у исследователей нет никаких сомнений: он дотошно описал местную топографию, некоторые объекты даже удается отождествить с известными архитектурными памятниками Херсона, как, например, Восточную базилику (№ 36) – с храмом ап. Петра [55, с. 94–98]. По замечанию А. Ю. Виноградова, на автора протографа «Житий» могла повлиять местная историческая традиция, известная по херсонесским сюжетам из 53 главы трактата Константина Багрянородного: основной конфликт правых (херсонитов в исторической хронике или епископов в «Житии...») и неправых (боспорян или

язычников) развивается сходным образом и разрешается в пользу первых. Наследованием исторической хронике автор «Житий...» пытается разрешить конфликт поллисной и христианской идеологии [14, с. 155].

И, наконец, один из античных интеллектуалов Северного Причерноморья известен по упоминанию в средневековом византийском словаре «Суда» («Свида»). В словаре, где собрано 30 000 терминов и кратких биографий, говорится о том, что Посидоний, «софист и историк», написал «об Океане и связанных с ним вещах, о стране, называемой Таврика, об истории Аттики (в четырех книгах), о Либии (в одиннадцати книгах) и о другом» [2, рi. 2109]. Время жизни Посидония, как правило, относят к эллинистическому периоду, и предполагают, что он происходил из ольвийской знати [46, с. 156–164]. Больше упоминаний о Посидонии не сохранилось, не знаем мы также, насколько широко и как долго его труды были известны в Северном Причерноморье. Очевидно, что сочинения Посидония для общеэллинистической науки не были особенно важными: мы не встречаем ни у кого из античных и средневековых авторов ни ссылок на его труды, ни цитат из них. И даже предположить, что книги Посидония хранились в одной из константинопольских библиотек во время составления словаря, мы не вправе: перечисление трудов «софиста и историка» в «Суде» выглядит как цитата из какого-то другого сборника (подобным образом сведения о книгах, написанных философами, дает Диоген Лаэртский в сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»). Тем не менее составители «Суды» сочли необходимым предоставить просвещенному читателю информацию об ученом из Ольвии. Остальных, даже косвенных, свидетельств влияния античной литературной традиции не сохранилось. Наверняка ближайшие потомки и узнавали «мудрость из книг» северопонтийских интеллектуалов, но «бесчисленные века», вопреки пожеланию составителя эпитафии рубежа I–II вв. [КБН, № 145], ее не сохранили. В таком случае представляется уместным говорить скорее об общих античных традициях в интеллектуальной жизни и интеллигентных профессиях, сохранных в последующую эпоху стараниями жителей Таврики, уже византийской. О том, что эти традиции должны были быть сохранены, свидетельствуют материалы археологических раскопок.

Несмотря на рассказ Прокопия Кесарийского о гибели от варваров городов на Европейском и Азиатском Боспоре, археологические исследования дают несколько иную картину. Пантикапей не обезлюдел и не был разрушен гуннами – на бывшем акрополе застройка велась даже в VI–VIII в. [50, с. 169]. Продолжил существовать Китей, он был покинут жителями не ранее конца VI – начала VII вв. из-за экологической катастрофы [42, с. 42–45]. Кимерик – несколько отодвинулся от моря, но продолжал существовать в средневековое время. Некрополь Илурата, существовал в VI–VIII в., и в нем не прослеживается резкой смены этнического состава [39, с. 35–38]. Гермонасса в средневековый период повторила античные очертания города [61, с. 48–49]. Кепы и Фанагурис упоминаются Прокопием как маленькие города, которые «недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания» [52, с. 163]. Тем не менее никаких следов полного разрушения Кеп в указанное время не прослеживается. В позднеантичную эпоху город остается греческим: варварские черты погребений встречаются только в 9 %

случаев погребений. Фанагория даже не изменила своего названия. Город стал хиреть только к IX веку, а в X в. был покинут жителями из-за неблагоприятной геофизической обстановки [55, с. 401]. Херсон также не переживал упадка, перестройка города VII–VIII вв. была произведена не вследствие нападений варваров и разрушений, а после серии подземных толчков; население осталось грекоязычным, и город продолжал распространять «греко-византийскую культурную традицию в регионе» [55, с. 1163–1166]. Очевидно то, что, несмотря на вторжение в Северное Причерноморье иноплеменников, античная традиция имела все возможности сохраниться в регионе. Это заметил еще в 1906 г. Ю. А. Кулаковский: «...что касается до Боспора, то в течение V века он стоял, по-видимому, вне зависимости от империи. Но за своими стенами он хранил старое население, сохранившее свой греческий язык, свою церковную связь с Византией, свои обычаи и традиции своего давнего прошлого». В качестве примера Кулаковский привел два раннехристианских склепа с текстом 90 псалма на греческом языке. Он отмечает влияние татарского языка и готского диалекта в позднесредневековое время, но языком письменности и церковной службы оставался греческий [33, с. 56–57].

Несмотря на то что очевидная мысль о преемственности античной культуры в средневековом Северном Причерноморье так или иначе неоднократно высказывалась исследователями, нам известна только одна комплексная работа, посвященная данной проблеме: это статья А. Л. Якобсона «Античные традиции в культуре ранне-средневековых городов Северного Причерноморья». Автор отказывается в наследовании городской античной традиции Боспору («в IV–V вв. некогда могущественное Боспорское царство, разгромленное гуннами, пало... Экономическим и политическим центром и наиболее крупным городом Таврики стал Херсон»), однако говорит о непрерывности этой традиции в Северном Причерноморье вообще. Наследие античной культуры в средневековой Таврике А. Л. Якобсон справедливо предлагал видеть в городском строительстве: в планировке улиц и архитектуре, самой строительной технике, вполне витрувианской; в сюжетах и технике средневековых мозаичистов Херсона; наконец, в мотивах ювелирного искусства. С выводом исследователя трудно не согласиться: «в художественной культуре ранне-средневековой Таврики – культуре, можно сказать, пронизанной античным наследием ...наследие это воспринималось отнюдь не пассивно; наоборот, оно постоянно находилось в процессе переоценки и изменения. Но вместе с тем это и были те основные камни, из которых складывалась средневековая культура городов Таврики» [67, с. 190].

Учитывая сказанное, попытаемся несколько дополнить картину существования античной традиции в средневековое время с учетом роли тех интеллигентных профессий и занятий жителей региона, которые нам известны. Мы полагаем, что наследие античных интеллектуалов следует видеть, прежде всего: в сфере слова, языка, являющегося гарантом преемственности культуры; в работах архитекторов, скульпторов, живописцев, мозаичистов, в произведениях костяной пластики; в медицине.

Речь средневековой Таврики, устная и письменная, остается по преимуществу греческой, в случае Херсона – с латинизмами и уже без доризмов. На греческом языке были составлены произведения местных писателей – херсонесский аналог «Стратегем» и «Жития семи епископов Херсонских». По всей видимости, поэмам

Гомера продолжают учить своих воспитанников дидаскалы, но, к сожалению, таких ярких свидетельств этому, как памятники античного периода (стих из «Одиссеи» на осколке чернолакового килика, два первых стиха «Малой Илиады»: на черепке – из Ольвии [11, с. 142]), мы не встречаем.

Греческими остаются строительные, посвятельные и надгробные надписи, происходящие из Херсона и его окрестностей [35, №№ 7–28, 31–40], Сугдеи [33, № 37] городищ на Тепе-Кермен, Эски-Кермен, Качи-Кальоне [35, №№ 43, 53, 61, 62, 64], Фуны, Партенита [35, № 69–71], Керченского полуострова [35 №№ 77–97]. Плиты со строительными надписями на греческом продолжают ставиться и после турецкого завоевания. Это надписи с Мангуца (1503 г.), Качи-Кальона (XVI–XVII вв.) [35, с. 62, № 54]. Из Херсона просходит пятнадцатистрочная надпись в честь императора Зинона 488 г. [35, № 7]; в нартексе Уваровской в южной стене было вмонтировано античное надгробие, с надписью «Господи, помоги всему этому Дому. Аминь»; ктиторская надпись в Восточной базилике: «Господь Иисус, говорящий Петру и спутникам: Бросьте справа от корабля сеть и поймаете» [35, №№ 7, 8.]. Из Партенита – строительная надпись 1427 г. из базилики, где сообщалось об обновлении храма, заложенного в честь апп. Петра и Павла еще «архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном Исповедником» [IOSPE, 3, V, 241]. На Тамани надпись, обнаруженная П. С. Сумароковым в 1803 г, сообщала о подвигах императора Маврикия. В оформлении этой надписи резчик, видимо, руководствуясь виденным на античных плитах, поместил двух ангелов, срисованных с подобных изображений Ники [58, с. 127–128].

Греческие надписи встречаются и на вещах, распространенных в быту: амулетах-евлогиях с надписью «Господи, помоги носящему» из Херсона VII в. [50, с. 245–246]; медальонах, крестах, глиняных штампах для литургического хлеба [21, с. 204–206]. Многочисленны находки надгробий средневекового периода с греческими надписями из Херсона, Сугдеи, Пантикапея [21, с. 45–74].

О распространении письменности позволяют судить находки стилей для письма из кости, бронзы [39, № 260], меди и памятник греческого языка в Таврике XII–XV вв. – Сугдейский синаксарь. В нем, как и в строительных надписях, немало ошибок, на которые жаловался первый русский издатель: «с подобною безграмотностию мы встретимся почти в каждой надписи», «безграмотность писца не в состоянии была передать то, что он хотел сказать»; тем не менее, греческая письменная традиция не была утрачена [5, с. 597, 606].

Длительное время не менялись и принципы градостроения. Гипподамова система в «самом греческом» из таврических городов, Херсонесе, сохранялась вплоть до перестройки города после землетрясения VII–VIII вв. Но даже после перестройки были сохранены некоторые детали планировки, унаследованной от римского времени: главная улица, пересекавшая акрополь, была шире остальных (6–7 м), имела водопровод, сложенный из керамических труб, и канализацию в виде выложенных из камня желобов [56, с. 218–229]. По мнению А. И. Романчук, эти градостроительные принципы восходили в Херсоне даже к еще более раннему времени: «уличные магистрали, оформившиеся в эллинистический период, являлись доминантами при каждом строительстве» [53, с. 274–276].

Сама техника строительства была унаследована херсонскими архитекторами от римского времени: монолитную кладку на растворе описывал Витрувий [16, с. 51]. Такой технике следовали архитекторы при возведении крепостных стен и монументальных зданий Херсона в VI в. Уваровская и Северная базилики, базилика 1935 г., Уваровская крещальня, куртина 13-я крепостной стены также демонстрируют следование архитекторами известной с I в. н. э. смешанной кладки в виде чередования кирпичика и камня (*opus mixtum*) [63, с. 595].

К античным традициям в профессии архитекторов принадлежит и возведение базилик, строившихся в Крыму в эллинистической технике (без трансепта), как Мангупская и Уваровская базилики (обе построены в последней трети VI – начале VII в.) [6, с. 77–84]. Базилика как храмовое здание полностью наследовала традиции строительства трех- и пятинефного парадного зала эллинистического времени [61, 152]. В VIII в. возводятся базилики на Эски-Кермене, на территории Каламиты и на Бакле [40, с. 39–53.]. Есть основания полагать, что базилика из инкерманского камня в Партените была построена архитекторами-икономами из Херсонеса [55, с. 686].

Уваровская базилика в Херсоне представляла собой целый комплекс из различных построек, повторявший римские культовые комплексы. Крещальня при базилике представляла собой «сильно упрощенный вариант центральных композиций римского времени», сравнимый с Стабианскими термами II в., термами Тита и Траяна, Каракаллы [67, с. 184]. В комплекс Уваровской базилики входил атриум, бывший центром и религиозной, и интеллектуальной, и общественной жизни города [55, с. 764–765].

В средневековом Херсоне действовали термы, архитектурное решение которых не изменилось с поздней античности: на «Южной площади» рядом с домом командира баня функционировала с поздней античности и, вероятно, до IX века функционировала баня, включавшая аподитерий (передняя, раздевалка), горячее помещение с гипocaustом, префурний (кочегарка), тепидарий и фригидарий, возможно, лаконик) [55, с. 937–948].

Античные архитектурные традиции в византийское время дают о себе знать и на Боспоре (где в античное время, кроме монументальных построек, известны даже несколько имен местных прославившихся архитекторов: Евтиха, Аврелия Антонина и других [КБН, №№ 1112, 1259, 1250, 1252, 1245]). Коринфский и ионический ордер использовали архитекторы для импостных колонн при возведении культового здания в Тиритаке (с территории этого здания происходит находка ионической капители с крестом, на основании чего постройку интерпретировали как базилику; впрочем, существует интерпретация культового здания как синагоги) [38, с. 28]. Нельзя не упомянуть здесь боспорскую базилику, традиционно датируемую VII–VIII вв., (Греческую церковь, церковь Иоанна Предтечи), об архитектурных особенностях которой Н. И. Брунов писал: «простой тип крестовокупольного храма с четырьмя свободными подпорами известен в византийской архитектуре вне Константинополя уже в VI в., и именно эта форма и была ею унаследована от античности» [8, с. 91].

Известно из средневековых текстов о херсонесских статуях, видимо, украшавших центральную площадь города и в византийское время: в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» говорится о двух медных статуях ге-

роины Херсонеса Гикии, на пьедестале одной из статуй было записано предание о ее подвиге в борьбе Херсонеса с Боспором [33, с. 273], а «Повесть временных лет» сообщает, что в качестве трофеев князем Владимиром из Корсуни были вывезены среди прочего «медяне две капищи» и «четыре кони медяны» (очевидно, две статуи античных божеств и скульптура полководца или императора на квадриге), но, к сожалению, судьба этих произведений искусства классической древности по прибытии в Киев неизвестна [44, с. 201]. Скульптура ранневизантийского времени из Херсона следует античным образцам (например, фрагмент скульптуры Добрый Пастырь, повторяющий тип Гермеса Кривоноса), но в большинстве случаев такие памятники интерпретируются как привозные из Восточного Средиземноморья [43, №№ 2–6]. Из Константинополя и Фессалоник происходят рельефные изображения из стеатита [43, №№ 37–41], кости [43, №№ 314, 318], бронзы [43, № 135, 136]. К малоазийским памятникам относят позолоченную медную чеканную икону свв. Лукиллиана и Кира (X–XI вв.), бронзовую чеканную икону архангела Михаила (XI–XII вв.) [41, №№ 139, 141, 137–141]. По времени эти памятники относятся к Комниновскому ренессансу, в них отображаются традиции эллинистической живописи и римского портрета: фигуры стремятся к анатомической правильности, детали лиц и одежды тщательно выписаны, в костяной пластике передана динамика фигур. Но местным мастерам была известна эта традиция: особенно отчетливо она выражена в костяной иконе св. Луки (XI в.), бронзовых иконах X–XII вв. [41, №№ 134, 137, 142, 145, 315]. Античную традицию унаследовали византийские живописцы, принципы эллинистического искусства, дополненные сирийскими, палестинскими и египетскими мотивами, сохранялись во фресковой живописи и – еще отчетливее – в книжной миниатюре [32]. Подобное влияние испытали и раннесредневековые мозаики, как в столице, так и в провинции, по определению А. Л. Яковсона, «...вряд ли можно назвать хотя бы один мотив, орнаментальный или изобразительный, который впервые появился бы именно в раннее средневековье. Наоборот, все они без исключения почерпнуты из сокровищницы римского мозаичного искусства» [66, с. 185].

Мозаики Херсона обнаружены в «Базилике 1935 г.», южном нефе Уваровской базилики, базиликах, открытых в 1889 и 1932 гг., «базилике в базилике», «базилике на холме», Загородном крестообразном храме, «дома св. Леонтия», баптистерии при ранней базилике №15, мартирии (№ 47), крестовидном храме № 27 (св. Василия); эти памятники относятся к концу V–VII в. и демонстрируют близость к мозаикам Антиохии, Палестины, Сирии, Малой Азии того же периода [64, с. 244]. Из позднеантичных сюжетов росписей склепов в раннесредневековые мозаики переносятся растительный орнамент, изображения птиц, павлинов у канфара (например, как в склепе 1909 г.) [64, с. 596]. Декоративные мотивы в виде зигзагов, плетенок, звезд, пересекающихся кругов находят аналогии в мозаиках римских вилл Италии и Греции, Малой Азии Северной Африки и Галлии, и, в особенности, Антиохии. Сюжет мозаичного пола Загородного крестообразного храма – два павлина перед канфаром – в VII в. был повторен в Партенитской базилике, очевидно, мозаичистами из Херсона [18, с. 80–87].

С наследованием античных традиций в портретной живописи на Боспоре (на то, что в Пантикапее существовала в античную эпоху художественная мастерская,

указывает роспись стенок саркофага второй половины I в. н. э., где среди прочих сюжетов изображен художник за работой, а на условной стене позади него – три портрета [54, с. 376–389, табл. 92–95.] принято было связывать такие оригинальные памятники, как полихромные лекифы с изображениями святых, бытовавшие еще в доиконоборческий период, в V–VI вв. (подобные сосуды обнаружены в Керчи, окрестностях Гурзуфа, на некрополе пещерного города Бакла). Один из керченских сосудов В. Ф. Гайдукевич связал с деятельностью боспорских мастеров, а образ святого счел портретом неизвестного боспорца [17, с. 143]. Приемы, которыми пользовались художники Боспора античного периода (в том числе и в монументальной росписи), действительно, сопоставимы с приемами мастеров, расписывавших лекифы: передача контура сплошной широкой черной линией, светотень. Но глина, из которой изготовлена, по крайней мере, часть сосудов, не позволяет говорить о местном производстве: обычно их считают привозными из Синопы и Фокиды, и, таким образом, сложно проследить непрерывную преемственность в портретной живописи Боспора [25, с. 29]. Тем не менее важно, что, как и в античную эпоху, искусство Боспора осталось тесно связанным с Малой Азией.

Наследовали достижения античных интеллектуалов и медики средневековой эпохи – «ятрософисты», мудрецы врачебной профессии. Феофилакт Симокатта в «Истории» называет медиков «людьми, испытанными в искусстве Харона и Махаона» [26, с. 187]. Не изменились ни основные формы инструментов, ни подходы к лечению. Остается должность архиатра – главного врача в больницах, – общественных, монастырских и, по выражению С. Б. Сорочана, «полусветских» [55, с. 961]. Многократно переписывались и дополнялись комментариями труды античных ученых, на их основе медики средневековой эпохи создавали свои врачебные трактаты: в VII в. врачи Иоанн Александрийский и Стефан Александрийский составили комментарии к Гиппократу и Галену; Лев Патрософист в IX веке суммировал весь предшествующий ему медицинский опыт в «Общем обзоре медицины» [27, с. 103–108].

Высочайший авторитет медиков Эллады и Рима находит отображение даже в памятниках литературы Комниновского возрождения, далеких от специфически научного жанра. В сатире XII в. «Тимарион» одноименный герой терпит страшную лихорадку, причем сам диагностирует ее, судя по всему, по Галену: «лихорадка снова воротилась и выяснилось, что она перемежающегося свойства, хорошо известно врачам. С этого часа я стал считать болезнь неопасной и, надеясь, что после пятого приступа она и вовсе пройдет (ибо такова ее природа)...» [10, с. 370]. Всевозможные типы лихорадок – однодневная, трехдневная, полутрехдневная, четырехдневная и другие – описаны в сочинении Галена «О различных лихорадках». Названия трехдневной и четырехдневной лихорадок говорят о том, на какие сутки повторяется приступ [60, с. 325]. Тем не менее, болезнь не отступила, и героя увлекают за собой «демоны-проводники», поясняющие свой произвол отнюдь не провидением, а тем, что «в аиде высечено на стеле изречение Асклепия и Гиппократ, гласящее, что человеку невозможно существовать, лишившись одного из четырех составляющих его организм элементов, хотя бы тело его было в остальном еще крепким» [10, с. 371]. С авторитетом врачей классической древности герой, рожденный Комниновским возрождением, спорить не может, но ему везет: в аиде он

встречает своего учителя-софиста Феодора, дерзнувшего помочь ученику, но только потому он надеющегося на успех, что «божественный Гален, которого я опасаюсь больше всех, по божьему, может быть, соизволению не участвует сейчас в совете врачей; причина, которой он это объясняет, как я сам недавно слышал, – его книга «О различных видах лихорадок». И теперь, поди, он сидит где-нибудь в углу и, спрятавшись от сутолоки и шума, восполняет в ней пробелы» [10, с. 373]. И впрямь, отсутствие Галена помогает Феодору и Тимариону оспорить дело. Беспристрастно судят его все те же Асклепий и Гиппократ, и, найдя нестыковки в предсмертном состоянии Тимариона с тем состоянием, какое «предписано» принять мертвому по всем правилам врачебной науки, отпускают скитальца в мир живых.

В Северном Причерноморье в античное время врачебное дело было достаточно хорошо развито: известны не только находки хирургических инструментов, происходящих с Боспора, из Ольвии, Херсонеса, но и имена врачей, практиковавших в эллинистическое и римское время. Один из таких медиков, Авл Ситесий, живший во II в. н. э., принадлежал к медико-философской школе эмпириков [КБН, № 655]. По антропологическим данным Усть-Альминского некрополя известен результат работы врача, скорее всего, из Херсонеса, проведшего успешное оперативное лечение вдавлено-оскольчатого перелома черепа (левой теменной кости) у богатого скифа. Нейрохирургическая операция была проведена в полном соответствии с указаниями Авла Корнелия Цельса, следовательно, медик был знаком и с римской врачебной традицией [49, с. 121–127]. Преемственность античной медицины в средние века прослеживается в находках из средневекового Херсона. В VI–VIII вв. здесь существует комплекс, обнаруженный возле малой агоры, южных ворот и водохранилища, который С. Б. Сорочан определил его как ятрину – стационарную больницу, из тех, какие были широко известны в крупных городах Византии [55, с. 980]. Сохранились в Херсоне и античные медицинские инструменты, правда, в меньшем количестве, нежели в античную эпоху, из-за различий в погребальных языческого и христианского периодов, плохой сохранности черных металлов. Возможно, некоторые из таких инструментов не были выявлены при описаниях и отнесены к предметам быта, ремесла [29, с. 132]. Из средневековых медицинских инструментов известны бронзовый вильчатый прижигатель с орнаментированной ручкой (НЗХТ, инв. № 154/37041), бронзовые пинцеты с плоскими (НЗХТ, инв. №1977) и Г-образными губами (НЗХТ, инв. №1978). Часто находят полые птичьи кости, заостренные на концах (НЗХТ, № 5709, 18106, 5707, 5702), которые также могут быть атрибутированы как медицинские инструменты, использовавшиеся для лечения глазных заболеваний и удаления катаракты [48, с. 45–52].

Как видим, в средневековой Таврике античные интеллектуальные традиции не были утрачены. Одним из основных факторов сохранения античного наследия стал греческий язык. Кроме того, литературная традиция, сложившаяся в Херсонесе, оказала влияние на складывание литературы византийского Херсона, была отражена в «Житиях святых епископов Херсонских», составленных местным автором, и вышла за пределы региона: отрывок из херсонесского исторического сочинения нашел свое место в трактате «Об управлении империей»; за пределами Таврики известен в средневековье эллинистический ученый из Ольвии. Нашли свое продолжение в

средневековом Северном Причерноморье и античные традиции в архитектуре, живописи, медицине, переосмысленные в рамках новой, христианской картины мира.

Список использованных источников и литературы

1. Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Societatis Archaeologicae Imperii Russici. – Vol. 1. – Petropoli, 1885. – 598 p.
2. Suda On Line: Byzantine Lexicography. – Режим доступа: <http://www.stoa.org/sol/>
3. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Coda, 1997. – 343 с.
Averincev S.S. Poetika rannevizantijskoj literatury. – М.: Coda, 1997. – 343 p.
4. Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1900. – 229 с.
Ajnalov D. V. Ellinisticheskie osnovy vizantijskogo iskusstva. – SPb.: Tipografiya I. N. Skorohodova, 1900. – 229 p.
5. Антонин, арх. Заметки XII–XV века, относящиеся к Крымскому г. Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – Одесса, 1863. – Т. 5. – С. 595–628.
Antonin, arh. Zаметki XII-XV veka, odnosyashchiesya k Krymskomu g. Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare // ZOOID. – Odessa, 1863. – Т. 5. – С. 595–628.
6. Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Античная древность и средние века. – Симферополь: Таврия, 1995. – Вып. 27. – С. 77–84.
Barmina N. I. Mangupskaya bazilika v svete nekotoryh problem krymskogo srednevekov'ya // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Simferopol': Tavriya, 1995. – Вып. 27. – С. 77–84.
7. Болгов Н. К истории средневекового Боспора // Княжа доба: історія і культура / НАНУ, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. – Львів, 2013. – Вип. 7. – С. 9–14.
Bolgov N. K istorii srednevekovogo Bospora // Knyazha doba: istoriya i kul'tura / NANU, Institut ukraїnoznavstva im. I. Krip'yakevicha. – L'viv, 2013. – Vip. 7. – С. 9–14
8. Брунов Н. И. Памятники ранневизантийской архитектуры в Керчи // Византийский временник. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – Т. 25. – С. 87–105.
Brunov N. I. Pamyatniki rannevizantijskoj arhitektury v Kerchi // Vizantijskij vremennik. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1928. – Т. 25. – С. 87–105.
9. Василий Великий. Беседы. – М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. – 136 с.
Vasilij Velikij. Besedy. – М.: Izd-tvo Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troickoj Sergievoj Lavry, 2001. – 136 p.
10. Византийская сатира «Тимарион» / Пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, предисл. Е. Э. Липшиц // Византийский Временник. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 6. – С. 365–386.
Vizantijskaya satira «Timarion» / Per. S. V. Polyakovoj i I. V. Felenvskoj, predisl. E. E. Lipshic // Vizantijskij Vremennik. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1953. – Т. 6. – С. 365–386.
11. Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии // Вестник древней истории. – М.: Наука, 1969. – № 3. – С. 142–150.
Vinogradov Ju. G. Kiklicheskie poehmy v Ol'vii // Vestnik drevnej istorii. – М.: Nauka, 1969. – № 3. – С. 142–150.
12. Виноградов А. Ю. К вопросу о средневековой эпиграфике юго-западного Крыма // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – К.; Судак: Академперіодика, 2002. – С. 55–58.
Vinogradov A. Yu. K voprosu o srednevekovoj ehpigrafike yugo-zapadnogo Kryma // Surozh, Sugdeya, Soldajya v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy. – К.; Sudak: Akademperiodika, 2002. – С. 55–58.
13. Виноградов А. Ю., Джанов А. В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. – К.; Судак: Академперіодика, 2004. – С. 13–35.
Vinogradov A. Yu., Dzhanov A. V. Grecheskie nadpisi Sugdei // Sugdejskij sbornik. – К.; Sudak: Akademperiodika, 2004. – С. 13–35.
14. Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...»: Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 224 с.

Vinogradov A. Yu. «Minovala uzhe zima yazycheskogo bezumiya...» Cerkov' i cerkvi Hersona v IV veke po dannym literaturnyh istochnikov i ehpiigrafiki. – М.: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010. – 224 p.

15. Виноградов. А. Ю. Строительные надписи византийского Крыма: Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – № 4. – С. 217–253.

Vinogradov. A. Yu. Stroitel'nye nadpisi vizantijskogo Kryma: Addenda et corrigenda // Voprosy ehpiigrafiki. – М.: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2011. – № 4. – С. 217–253.

16. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. – М.: Изд-во Акад. архитектуры-туры, 1936. – 332 с.

Vitruvij. Desyat' knig ob arhitekture / Per. s lat. F.A. Petrovskogo. – М.: Izd-vo Akad. arhitektury, 1936. – 332 p.

17. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – 591 с.

Gajdukevich V.F. Bosporskoe carstvo. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – 591 p.

18. Гайдуков Н.Е. Декоративные программы напольных мозаик некоторых храмов Херсонеса: литургический аспект // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. – Вып. 1 (14). – С. 80–87.

Gajdukov N.E. Dekorativnye programmy napol'nyh mozaik nekotoryh hramov Hersonesa: liturgicheskij aspekt // Vestnik PSTGU: Bogoslovie. Filosofiya. – М.: Izd-vo PSTGU, 2005. – Вып. 1 (14). – С. 80–87.

19. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – Симферополь: Таврика, 1990. – Вып. 1. – С. 95–96.

Gercen A.G. Krepostnoj ansambl' Mangupa // MAIET. – Simferopol': Tavrika, 1990. – Вып. 1. – С. 95–96.

20. Григория Богослова, свт. Собрание творений: в 2 т. – М.: АСТ, 2000. – Т. 2. – 688 с.

Grigoriya Bogoslova, svt. Sobranie tvorenij: v 2 t. – М.: AST, 2000. – Т. 2. – 688 p.

21. Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак : Академперіодика, 2004. – С. 45–74.

Dzhanov A. V. Sugdeya v III–VII vv. // Sugdejskij sbornik. – К.; Sudak : Akademperiodika, 2004. – С. 45–74.

22. Демьянова О. А. О реставрации церковных древностей из коллекции Херсонесского заповедника // Мат-лы II международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского, посвященной 150-летию Свято-Космо-Дамиановского монастыря 15–16 июля 2006 г. – Симферополь, 2008. – С. 137–169.

Dem'yanova O. A. O restavracii cerkovnyh drevnostej iz kollekcii Hersonesskogo zapovednika // Mat-ly II mezhdunarodnoj cerkovno-istoricheskoy konferencii «Duhovnoe nasledie Kryma» pamyati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfskogo, posvyashchennoj 150-letiyu Svyato-Kosmo-Damianovskogo monastyrya 15–16 iyulya 2006 g. – Simferopol', 2008. – С. 137–169.

23. Ермолин А. Л. Еще раз к вопросу о позднеантичном храме в Тиритаке: синагога // Научные ведомости БГУ. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – № 13 (132). – Т. 23.

Ermolin A. L. Eshche raz k voprosu o pozdneantichnom hrame v Tiritake: sinagoga // Nauchnye vedomosti BGU. – Belgorod: Izdatel'skij dom «Belgorod», 2012. – № 13 (132). – Т. 23.

24. Залеская В. Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // Византийский Временник. – М.: Наука, 1988. – Т. 49 (74). – С. 204–207.

Zalesskaya V. N. Pamyatniki srednevekovoj grecheskoj ehpiigrafiki iz Severnogo Prichernomor'ya (novye postupleniya vizantijskogo otdeleniya Ermitazha) // Vizantijskij Vremennik. – М.: Nauka, 1988. – Т. 49 (74). – С. 204–207.

25. Иванина О.А., Федосеев Н.Ф. К вопросу об атрибуции лекифов с изображениями святых // Тезисы «VII музейных чтений» Керченского историко-культурного заповедника, 18 декабря 2012 г. – Керчь, 2012. – С. 29–32.

Ivanina O.A., Fedoseev N.F. K voprosu ob atribucii lekifov s izobrazheniyami svyatyh // Tezisy «VII muzejnyh chtenij» Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika, 18 dekabrya 2012 g. – Kerch', 2012. – С. 29–32.

26. Иванов И. А. Благотворительность и медицина в Византии // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – СПб: Астеріон., 2010. – Вып. 3. – С. 186–189.

- Ivanov I. A. Blagotvoritel'nost' i medicina v Vizantii // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. – SPb.: Asterion, 2010. – Вып. 3. – P. 186–189.
27. Иванов И. А. Античная медицинская литература в контексте византизма // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. – СПб.: Астерион, 2011. – Вып. 2. – С.103–108.
- Ivanov I. A. Antichnaya medicinskaya literatura v kontekste vizantizma // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. – SPb.: Asterion, 2011. – Вып. 2. – P.103–108.
28. Иоанн Дамаскин. Источник знания / Пер. с греч. и коммент. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. – М.: Индрик, 2002. – 416 с.
- Ioann Damaskin. Istochnik znaniya / Per. s grech. i komment. D. E. Afinogenova, A. A. Bronzova, A. I. Sagardy, N. I. Sagardy. – М.: Indrik, 2002. – 416 p.
29. Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура (I–III вв. н. э.). – Харьков: Бизнес-информ, 1996. – 237 с.
- Kadeev V. I. Hersones Tavricheskij: Byt i kul'tura (I–III vv. n. e.). – Har'kov: Biznes-inform, 1996. – 237 p.
30. Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 238 с.
- Knabe G. S. Russkaya antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii. – М.: Ros. gos. gumanit. un-t., 2000. – 238 p.
31. Кондаков Н. П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. – Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1876. – 276 с. Kondakov N.P. Istoriya vizantijskogo iskusstva i ikonografii po miniatyuram grecheskih rukopisej. – Odessa: Tipografiya Ul'riha i Shul'ce, 1876. – 276 p.
32. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М.: Наука, 1991. – 493 с.
- Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej / Pod red. G. G. Litavrina, A. P. Novosel'ceva. – М.: Nauka, 1991. – 493 p.
33. Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве. – М.; Л.: Наука, 1965. – 950 с.
- Korpus bosporskih nadpisej / Red. V. V. Struve. – М.; L.: Nauka, 1965. – 950 p.
34. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. – К.: Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев, 1906. – 186 с.
- Kulakovskij Yu. A. Proshloe Tavridy. – К.: Tipolitografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev, 1906. – 186 p.
35. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. – 143 с.
- Latyshev V.V. Sbornik grecheskih nadpisej hristianskih vremen iz yuzhnoj Rossii. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1896. – 143 p.
36. Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских: Исследования и тексты. – СПб., Типография Императорской Академии наук, 1906. – 82 с.
- Latyshev V.V. Zhitiya sv. episkopov Hersonskih: Issledovaniya i teksty. – SPb., Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1906. – 82 p.
37. Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // *Советская археология*. – М.: Наука, 1982. – № 4. – С. 91–100.
- Makarova T. I. Arheologicheskie dannye dlya datirovki cerkvi Ioanna Predtechi v Kerchi // *Sovetskaya arheologiya*. – М.: Nauka, 1982. – № 4. – P. 91–100.
38. Макарова Т. И. Плетнева С. А. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. – М.: Институт Археологии РАН, 2003. – 533 с.
- Makarova T. I. Pletneva S. A. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epohu srednevekov'ya IV–XIII veka. – М.: Institut Arheologii RAN, 2003. – 533 p.
39. Маслеников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. – М.: Наука, 1990. – 232 с.
- Maslennikov A. A. Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervyh vekah n. e. – М.: Nauka, 1990. – 232 p.
40. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1997. – 384 с.
- Mogarichev Yu.M. Peshchernye cerkvi Tavriki. – Simferopol': Tavriya, 1997. – 384 p.

41. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, Т. Э. Саргсян., С. В. Сорочан, А. К. Шапошников // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. – Харьков: Антиква, 2012. – Т. 1. – 416 с.
- Zhitiya episkopov Hersonskih v kontekste istorii Hersonesa Tavricheskogo / Yu. M. Mogarichev, A. V. Sazanov, T. E. Sargsyan., S. V. Sorochan, A. K. Shaposhnikov // Narteks. Byzantina Ucrainensis. – Har'kov: Antikva, 2012. – Т. 1. – 416 p.
42. Молев Е. А. Основные этапы истории Китея // Таманская старина. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. – С. 42–45.
- Molev E.A. Osnovnye etapy istorii Kiteya // Tamanskaya starina. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2000. – P. 42–45.
43. Наследие византийского Херсона. – Севастополь; Остин, 2011. – 708 с.
- Nasledie vizantijskogo Hersona. – Sevastopol'; Ostin, 2011. – 708 p.
44. Никитенко Н. Н. Рецепция Херсонеса в идейной программе Софии Киевской // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции – К.; Судак: Академперіодика, 2002. – С. 201–203.
- Nikitenko N. N. Receptsiya Hersonesa v idejnoy programme Sofii Kievskoj // Sugdeya, Surozh, Soldajya v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy. Materialy nauchnoj konferencii – K.; Sudak: Akademperiodika, 2002. – P. 201–203.
45. Никифора, патриарха Константинопольского, Краткая история со времени после царствования Маврикия / Пер. с греч. и коммент. Е. Э. Липшиц // Византийский Временник. – М.; Л.: Наука, 1950. – Т. 3 (28). – С. 349–387.
- Nikifora, patriarha Konstantinopol'skogo, Kratkaya istoriya so vremeni posle carstvovaniya Mavrikiya / Per. s grech. i komment. E. E. Lipshic // Vizantijskij Vremennik. – M.; L.: Nauka, 1950. – Т. 3 (28). – P. 349–387.
46. Николаев Н. И. Аксиома ольвийской просопографии IV–I вв. до н. э. // Историчний архів: Наукові студії: 36. наук. пр. – Миколаїв: ЧДУ ім. Петра Могили, 2014. – Вип. 12. – С. 156–164.
- Nikolaev N. I. Aksioma ol'vijskoj prosopografii IV–I vv. do n. e. // Istorichnij arhiv: Naukovi studii: Zb. nauk. pr. – Mikolaiv: ChDU im. Petra Mogili, 2014. – Vip. 12. – P. 156–164.
47. Памятники византийской литературы IX–XIV веков / Ред. Л. А. Фрейберг. – М.: Наука, 1969. – 458 с.
- Pamyatniki vizantijskoj literatury IX–XIV vekov / Red. L. A. Frejberg. – M.: Nauka, 1969. – 458 p.
48. Пархоменко М. В. О медицине в византийском Херсонесе –Херсоне // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна / ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2011. – № 982: Сер. Історія. – Вип. 44 – С.40–52.
- Parhomenko M. V. O medicine v vizantijskom Hersonese –Hersone // Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina / HNU im. V. N. Karazina. – Harkiv, 2011. – № 982: Ser. Istoriya. – Vip. 44 – S.40–52.
49. Пономарев Д. Ю. К вопросу о последователях медицинской школы Авла Корнелия Цельса в Крыму (по палеопатологическим данным) // Проблемы истории, филологии и культуры / Отделение историко-филологических наук РАН. – М.; Магнитогорск, 2001. – Вып. 11. – С. 121–127.
- Ponomarev D. Yu. K voprosu o posledovatelyah medicinskoj shkoly Avla Korneliya Cel'sa v Krymu (po paleopatologicheskim dannym) // Problemy istorii, filologii i kul'tury / Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN. – M.; Magnitogorsk, 2001 – M.; Magnitogorsk, 2001. – Vyp. 11. – P. 121–127.
50. Пономарев Л. Ю. К топографии раннесредневекового Боспора (VI–XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С.202–205.
- Ponomarev L. Yu. K topografii rannesrednevekovogo Bospora (VI–XII vv.) // Bospor Kimmerijskij, Pont i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. – Kerch', 2002. – P.202–205.
51. Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 218–265.
- Popova T. V. Antichnaya biografiya i vizantijskaya agiografiya // Antichnost' i Vizantiya. – M.: Nauka, 1975. – P. 218–265.
52. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 519 с.

- Prokopij iz Kesarii. Vojna s gotami / Per. s grech. S. P. Kondrat'eva. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 519 p.
53. Романчук А. И. Херсон XIV в.: Каким могли видеть свой город херсониты // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева. – Харьков: Бизнес-Информ, 1997. – С. 272–289.
- Romanchuk A. I. Herson XIV v.: Kakim mogli videt' svoj gorod hersonity // Antichnyj mir. Vizantiya: K 70-letiyu professora V. I. Kadeeva. – Har'kov: Biznes-Inform, 1997. – P. 272–289.
54. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России / Издание Императорской Археологической Комиссии. – СПб., 1914. – Т. 1: Описание и исследование памятников. – 537 с.
- Rostovcev M. I. Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii / Izdanie Imperatorskoj Arheologicheskoy Komissii. – SPb., 1914. – T. 1: Opisaniye i issledovaniye pamyatnikov. – 537 p.
55. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и материальной культуры. – Харьков: Майдан, 2005. – 1642 с.
- Sorochan S. B. Vizantijskij Herson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.) Ocherki istorii i material'noj kul'tury. – Har'kov: Majdan, 2005. – 1642 p.
56. Сорочан С. Б. О «так называемой малой агоре» и воротах мертвых византийского Херсона / Херсонеса // Сугдейский сборник. – К.; Судак: Академперіодика, 2012. – Вып. 5. – С. 218–229.
- Sorochan S. B. O «tak nazyvaeмой maloj agore» i vorotah mertvyh vizantijskogo Hersona/Hersonesa // Sugdejskij sbornik. – K.; Sudak: Akademperiodika, 2012. – Vyp. 5. – P. 218–229.
57. Спиридонов Д. С. Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли // ИТУАК. – Симферополь: Типография Тавр. губ. земства, 1918. – № 54. – С.187–233.
- Spiridonov D. S. Urozhency severnogo berega Chernogo morya v istorii drevnegrecheskoj mysli // ITUAK. – Simferopol': Tipografiya Tavr. gub. zemstva, 1918. – № 54. – P.187–233.
58. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. – СПб.: Императорская типография, 1803. – Ч. 1. – 276 с.
- Sumarokov P. I. Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu Pavla Sumarokova. – SPb.: Imperatorskaya tipografiya, 1803. – Ch. 1. – 276 p.
59. Струве В. В. Древнейший историк СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – М.; Л.: Наука, 1968. – С. 147–199.
- Struve V. V. Drevnejshij istorik SSSR // Etyudy po istorii Severnogo Prichernomor'ya, Kavkaza i Srednej Azii. – M.; L.: Nauka., 1968. – P. 147–199.
60. Теологумены арифметики: Theologoumena arithmeticae / Пер. А. И. Щетникова // СХОЛН: Философское антиковедение и классическая традиция / Центр изучения философии и классической традиции. – Новосибирск, 2009. – Т. 3. – Вып. 1. – С.292–335.
- Teologoumeny arifmetiki: Theologoumena arithmeticae / Per. A. I. Shchetnikova // SХОЛН: Filosofskoe antikovedeniye i klassicheskaya tradiciya / Centr izucheniya filosofii i klassicheskoy tradicii. – Novosibirsk, 2009. – T. 3. – Vyp. 1. – P. 292–335.
61. Финогенова С. И. К вопросу о границах и планировке античной Гермонассы // Таманская старина. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. – Вып.3 – С.48–49.
- Finogenova S. I. K voprosu o granicah i planirovke antichnoj Germonassy // Tamanskaya starina. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2000. – Vyp.3 – P.48 – 49.
62. Фрейберг Л. А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 5–52.
- Frejberg L. A. Antichnoye literaturnoye naslediye v vizantijskuyu ehpoху // Antichnost' i Vizantiya. – M.: Nauka, 1975. – S. 5–52.
63. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. – Харьков: Майдан, 2004. – 729 с.
- Hersones Tavricheskij v seredine I v. do n. eh. – VI v. n. e.: Ocherki istorii i kul'tury. – Har'kov: Majdan, 2004. – 729 p.
64. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М.: Наука, 1980. – 214 с.
- Chichurov I. S. Vizantijskie istoricheskie sochineniya: «Hronografiya» Feofana, «Breviarij» Nikifora. – M.: Nauka, 1980. – 214 p.
65. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Х. // Памятники христианского Херсонеса. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1908. – Вып. 3. – С. 143–250.

Shestakov S. P. Ocherki po istorii Hersonesa v VI–X vv. po R. N. // Pamyatniki hristianskogo Hersonesa. – М.: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, 1908. – Вып. 3. – P. 143–250.

66. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // Очерки истории материальной культуры. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 362 с.

Yakobson A. L. Rannesrednekovyj Hersones // Ocherki istorii material'noj kul'tury. – М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – 362 p.

67. Якобсон А. Л. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 182–190.

Yakobson A. L. Antichnye tradicii v kul'ture rannesrednekovykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya // Antichnyj gorod. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – P. 182–190.

Leybenson J. T. Anyique Intellectual Tradition in the Northern Black Sea region in the Middle Ages / J. T. Leybenson // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 1. – P. 12–27.

This issue is on the reception of the antique inheritance in medieval Black Sea region in the field of such intellectual professions as architecture, painting, medicine, literature. It is known that in medieval Byzantium, the successor of the Roman Empire, all those fields had a great repercussion of the antique tradition, and Byzantine intellectuals considered themselves continuators of that tradition. As to North Pontic region, the most clearly the succession of the antiquity is traced in the Byzantine Cherson and in some degree Bosphorus and Mountain Taurica. In terms of Cherson it can be seen how the modality of the Hellenistic and Roman times were continued in town planning, arts, medical practice; in the city as far back as antique times developed the historical and literary tradition which affected the literature and appeared in the medieval Cherson. Besides, such narrative sources as the dictionary of the "Suda" and the tractate "On the Administration of the Empire" witness that the proceedings of the North Pontic region erudite were known in the middle ages even beyond the region.

Keywords: Northern Black Sea region, antique intellectual tradition, the Middle Ages.

УДК 908 (477.75) (470+571)

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ КРЫМА
(1935–1937): ПРОВАЛ ПРОЕКТА СОВЕТСКОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

Рассмотрена попытка партийного регулирования в Крыму краеведческого движения, имевшего к тому времени стойкие классические традиции. Идеи отлучения от участия в краеведческом обществе крупнейших знатоков истории края – представителей досоветской группы крымоведов, навязывания объектов исследования, искусственное привлечение в состав организации рабочих и школьников привело к полному провалу деятельности организации. Отдельные краеведы на местах, как и ранее, продолжали кропотливую работу по изучению региональных аспектов истории. Однако это не было централизованно оформлено, отсутствовал обмен научной информацией, не издавался печатный краеведческий орган.

Ключевые слова: Крым, краеведение, Научно-исследовательское общество изучения Крыма, история науки.

Академическая жизнь в столицах в 30-е года проходила под грустные аккорды так называемого «Дела Академии наук». Арестованный академик С. Ф. Платонов, непосредственно сотрудничавший со многими крымоведами с полуострова, уже на первых допросах «признался» в своих связях с немецкими политиками и вынужден был взять на себя роль руководителя этого мифического союза. Именно от него следствие получило информацию об «агентурной сети» по всей стране, в частности, в Крыму, где сразу был арестован научный сотрудник Севастопольского музея краеведения Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947). 3 февраля 1931 года взяли и директора Херсонесского музея Виктора Федоровича Смолина (1890–1932), которому инкриминировали «контрреволюционную пропаганду», проводимую в лекциях по археологии. По проекту ОГПУ «разоблачалась» крупная антисоветская организация старой гуманитарной интеллигенции, которая была для новой власти априори подозрительной политически. Все яснее очерчивалась грустная перспектива для когорты историков-краеведов.

В этой обстановке краеведческие исследования на полуострове замерли. Прекратились публикации «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии», а само Общество было закрыто. В реалиях закрытие общественных научных объединений имело вид реорганизации. Все расформированные в Крыму научные общественные объединения по замыслу партийного руководства вливались в Крымское областное бюро краеведения, руководителем которого был избран (читай – назначен) Алексей Георгиевич Максимович¹. Собранная по этому поводу Все-

---

¹ Алексей Георгиевич Максимович (род. в 1902 г.) – сын историка, профессора Крымского университета (педагогического института им. товарища М. В. Фрунзе) Георгия Андреевича Максимовича

крымская краеведческая конференция прошла в пединституте. Областное краеведческое бюро создавалось, по официальной версии, «для перестройки всей системы краеведческой работы», чтобы путем «ликвидации мелких обществ» «проникать в широкие массы рабочих». Иными словами, чтобы жестко контролировать и направлять работу краеведов на местах.

Центральное бюро краеведения РСФСР в это время ратовало исключительно за проведение на местах линии партии, за борьбу против правого уклона, «лево-троцкистских загибов» и «право-левацких тенденций», переключение всех разработок «на обслуживание текущих задач социалистического строительства». При этом краеведам категорически запрещалось проводить научно-исследовательские экспедиции, «не занимающиеся изучением нашего социалистического строительства». Именно тогда – в 1930–1931 годах – настал конец всем провинциальным организациям, реальная, живая работа которых была прекращена окриком из Москвы.

Однако в Крыму делались попытки создать контролируемый инструмент для реализации задач изучения отдельных направлений в краеведении. В начале 30-х годов XX столетия время развернулась работа по организации на полуострове Научно-исследовательского общества изучения Крыма. Практически полная бездеятельность созданного в 1931 году на базе расформированных краеведческих обществ Областного бюро краеведения [1] побудила местных подвижников изучения крымской старины и обществоведов (новоявленная категория знатоков учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, без которых в это время уже ничего не происходило, создать другую, дееспособную краеведческую организацию. В Государственном архиве Республики Крым отложился корпус документов, освещающих эту попытку [2]. Как свидетельствует выписка из параграфа 20 протокола № 26 заседания бюро Областного комитета ВКП(б) от 29 августа 1934 года, идею создания нового общества партийные деятели видели в следующем: «В целях более широкого развития научно-общественного движения и вовлечения в первично-исследовательскую работу широких слоев рабочих, колхозников, специалистов, учителей и учащихся Крыма, реорганизовать Крымское областное бюро краеведения в Научно-исследовательское Общество изучения Крыма» [3]. Партийное руководство 15 октября 1934 года обсудило возможный персональный состав оргбюро Общества и предложения по проведению конференции для принятия устава Общества и избрания его руководящих органов. Документ был подписан Первым секре-

---

(1877 – после 1960). Семья переехала в Симферополь в декабре 1923 – январе 1924 года из Нежина, где Г. А. Максимович был профессором Нежинского института народного образования, деканом, руководил секцией Нежинской научно-исследовательской кафедры истории, культуры и языка. В Крымском университете профессор Г. А. Максимович читал курсы политической экономии, экономической географии, русской истории и географии России. К сожалению, его фамилия не вошла во второе издание справочника о профессорах этого вуза. (См.: Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / сост. В. В. Бобков.– [2-е изд.: испр. и доп.]– Киев: Либідь, 2007. – 172 с.) Алексей Георгиевич Максимович, согласно данным справочника «Научные работники Крыма» (1927 г.), – обществовед, работал на рабочем факультете. В 30-е годы XX века А. Г. Максимович заведовал кафедрой всеобщей истории Высшей крымской коммунистической сельскохозяйственной школы. (См. его личное дело как исследователя в местном архиве: ГААРК, ф. Р-415, оп.1, д. 564). После Великой Отечественной войны – полковник, проживал в Москве, сотрудник Главного политического управления Советской Армии.

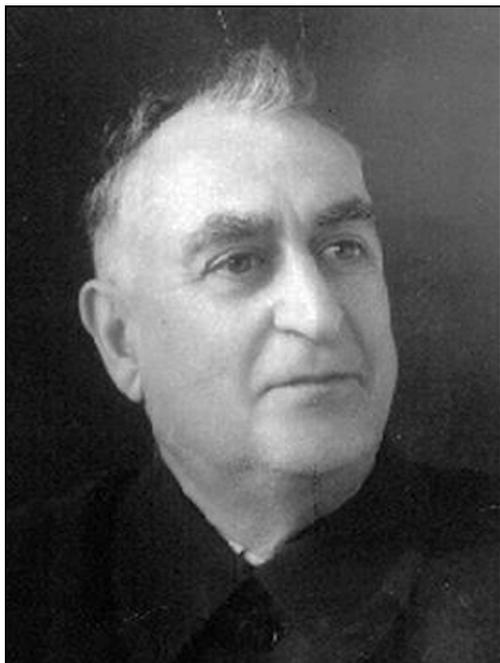
тарем ОК ВКП(б) Б. А. Семеновым. В состав оргбюро предлагались представители крымской власти. Единственным признанным к тому времени краеведом в этом списке значился Александр Иванович Полканов, занимавший в тот момент должность заместителя директора Центрального антирелигиозного музея. Предполагалось, что он станет секретарем в создаваемой организации [4].

К действенным шагам по выполнению данного решения Областного комитета ВКП(б) местные историки приступили только через год. 22 августа 1935 года организационное бюро воссоздаваемого Общества подало в Президиум КрымЦИКа состав оргбюро, согласованный до этого в Областном комитете ВКП(б). В нем фигурировали: Милюков-Меметов – председатель Госплана Крымской АССР (председатель Общества), А. Н. Павловский – управляющий Центральным административным управлением ЦИК Крымской АССР (заместитель председателя), А. И. Полканов – заместитель директора Центрального антирелигиозного музея (ученый секретарь), И. Г. Генов – заведующий организационным отделом КрымЦИКа, Щербаков – заведующий областным кабинетом партийной работы, А. С. Рабинович – сотрудник Истпарта [5]. Такой состав был, безусловно, согласован в Областном комитете партии и в КрымЦИКе. 27 августа 1935 года он был окончательно утвержден ЦИКом Крымской АССР [6].

22 декабря 1935 года Президиум КрымЦИКа рассмотрел вопрос об утверждении устава Научно-исследовательского общества изучения Крыма и утвердил его [7]. Документ декларировал, что в организацию входят «широкие трудящиеся массы рабочих, колхозников, служащих, специалистов, учителей, красноармейцев, учащихся». Среди задач Общества главными назывались изучение природных богатств, производительных сил и экономики автономии, что характерно для научных исследований периода первых пятилеток. Среди планируемых тем изучения появились история революционного движения, Гражданской войны, фабрик и заводов, совхозов и колхозов. Организация ориентировалась на популяризаторскую деятельность, предполагались широкие мероприятия по привлечению неспециалистов, рядовых представителей Общества к региональным исследованиям [8].

Обозначалась следующая структура нового объединения. Первичными организациями становились ячейки, которые в составе не менее трех человек могли создаваться при фабриках, заводах, колхозах, совхозах и учебных заведениях. В школах предполагались «кружки юных краеведов», которыми руководило бы Общество. Далее следовали городские и районные организации, во главе которых стоял Совет в количестве не менее 21 человека, избираемый на конференции Общества каждый год. Членом Общества мог стать каждый, кто достиг восемнадцатилетнего возраста и имел избирательные права. Любой член Общества также имел право решающего голоса и мог быть избран в руководящие органы [9].

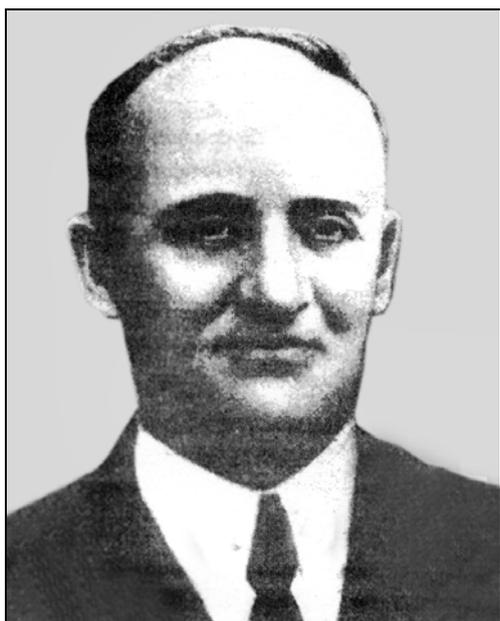
Отношения с органами власти осуществлялись через Совет организации. Состав этого органа должен был утверждаться КрымЦИКом. В структуре Совета избирался президиум из пяти человек для оперативной деятельности организации. Для контроля над расходованием средств Общества создавалась Ревизионная комиссия из трех человек, не имевших права занимать какие-либо должности в Обществе.

Николай Степанович Барсамов

Ян Петрович Бирзгал

Петр Абрамович Двойченко

Александр Иванович Полканов

Александр Федорович Слудский

Николай Львович Эрнст

Юлий Юльевич и Евдокия Андреевна Марти

Отчитываться о работе организации, согласно уставу, полагалось перед КрымЦИКом. Кроме того, крымские власти своим решением могли прекратить деятельность Общества. Создаваемая организация автоматически становилась членом Всероссийской ассоциации обществ изучения местного края и была обязана отчитываться перед ней [10].

Помимо текста Устава в архивных фондах сохранились списки членов Советов региональных отделений Общества, в которых представлены краеведы Бахчисарая, Евпатории, Краснопереконска, Керчи, Севастополя, Судака, Феодосии и Ялты, а также список более чем тридцати делегатов, выбранных для участия в областной конференции Общества от отделений Армянска, Евпатории, Керчи, Севастополя, Судака, Феодосии, Ялты. Характерно, что председателем Феодосийского отделения становился некий служащий, член ВКП(б) Низкородов, его заместителем – беспартийный педагог, член Российского общества по изучению Крыма С. К. Ибянский, а бессменный глава местных краеведов, директор Феодосийского краеведческого музея, беспартийный «научный работник» Николай Степанович Барсамов (1892–1976) смог занять лишь должность ученого секретаря. Аналогичная ситуация складывалась и в Керчи: председателем становился член ВКП(б) Иванов, заместителем – учитель Шулика, а многолетний руководитель Керченского историко-археологического музея, авторитетный археолог, краевед Юлий Юльевич Марти (1874–1959) утвержден секретарем отделения [11].

Непосредственным продолжением мероприятий по организации работы Научно-исследовательского общества изучения Крыма стал созыв 5–6 января 1936 года областной краеведческой конференции. В выступлениях краеведов преобладала партийная риторика, были отправлены традиционные приветствия в адрес И. В. Сталина, председателя КрымСовнаркома Абдураима Самединова, главы ЦИК Крымской АССР Ильяса Умеровича Тархана, Первого секретаря Обкома ВКП(б) Бориса Александровича Семенова [12]. Основное внимание уделялось озвученным до этого и отредактированным властями тезисам устава о приоритете исследований производительных сил и экономики региона, отдельным пунктом исследований организации становилось стахановское движение, колхозное строительство и курортное дело [13]. Главным итогом форума стала окончательная формализация организации и принятие очередного варианта устава Общества, который условно можно назвать его новой редакцией 1936 года. От предыдущей – 1935 года – она отличалась лишь стилистически.

В Совет Научно-исследовательского общества изучения Крыма вошел 31 человек. Одно место было зарезервировано для «представителя Красной Армии». Остальные позиции заняли номенклатурные работники от различных органов власти, ученые и активисты из региональных центров. Среди последних все же нашлось место в руководящем органе для преподавателя Крымского педагогического института имени товарища М. В. Фрунзе Алексея Георгиевича Максимовича, директора Крымского научно-исследовательского института Абдул-Гамита Нухаевича Батырмурзаева, директора Алупкинского государственного дворца-музея Яна Петровича Бирзгала, известных ученых-крымоведов Петра Абрамовича Двойченко, Юлия Юльевича Марти, Александра Ивановича Полканова, Александра Федоровича

Слудского, Николая Львовича Эрнста, директора Судакской метеостанции Евгения Федоровича Карповича [14].

По окончании конференции, 7 января 1936 года, состоялось первое заседание избранного Совета Общества. На нем решались кадровые вопросы. Председателем организации избран заместитель председателя СНК Крымской АССР Милуков. На заседании был образован Президиум Совета из девяти человек, в котором преобладали сотрудники Совета Народных комиссаров Крымской АССР и Истпарта при местном обкоме партии. Должности первого заместителя и заместителя главы Общества получили Генов и Щербаков. Интересная ситуация сложилась при избрании ученого секретаря. Предложенный на эту должность на безальтернативной основе А. И. Полканов пытался отказаться от баллотирования, мотивируя это решение загруженностью на основной работе и предстоящей заграничной командировкой. Однако по результатам голосования, один голос «против» (как зафиксировал протокол – самого А. И. Полканова), Александр Иванович был избран ученым секретарем организации. Совет Общества на своем первом заседании определил время проведения следующего собрания – конец февраля, запланировал на нем решение вопросов о календарном плане мероприятий на текущий год и урегулирование распределения членских взносов [15].

Для выполнения решений Совета был составлен «План работ Президиума Совета Общества изучения Крыма на первый квартал 1936 года». В нем определялись первоочередные направления конкретной деятельности организации. Они предполагали такие действия, как, например, редактирование текста устава, его окончательное утверждение, распечатка и распространение, утверждение формы членского билета, производство учета членов Общества в районах, выработка типовой сметы для отделений, организация государственного финансирования отделений Общества, утверждение издательского плана организации и т. д. В рамках организации исследовательской работы Общество выступало с инициативой создания генерального плана археологических раскопок в Крыму, регистрации всех экспедиций, работающих в Крыму, в органах власти, ставило задачей открытие новых отделений и ячеек на производстве. Как приметы эпохи следует отметить наличие в планах Общества пунктов о создании «Мичуринской комиссии» и «Комиссии по изучению Стахановского движения». Не забывали и об организации ячеек краеведов в школах, и средних специальных учебных заведениях. Предполагалась постоянная коммуникация руководителей организации с активистами в регионах. Непосредственно исследовательская работа должна была включать изучение Крыма во всех сферах жизни общества, приоритет оставался за социально-производственной экономической тематикой [16].

Представленные в архивных делах сметы для материального обеспечения деятельности, как Совета Общества, так и его отделений показывают, что работа в организации велась на госбюджетной основе (зампредседателя, ученый секретарь, специалист по краеведению, библиотекарь, руководители секций, бухгалтер). Общая сумма трат на работу Общества в 1936 году составила 64 897 рублей, третья часть которых ушла, как свидетельствует бухгалтерская ведомость, на организацию исследовательской работы и издание трудов членов Общества по крымоведению. Сотрудники отделений также получали зарплату и располагали достаточными сред-

ствами для различных организационных и исследовательских мероприятий. Размер выделяемых средств определялся удаленностью региона и количественным составом организации в нем. Годовые расходы каждого отделения варьировались от 4300 до 8500 рублей [17].

7 апреля 1936 года КрымЦИК принял постановление (№ 2/22 § 22) об окончательном утверждении текста устава Общества [18]. На этом активная деятельность его организаторов, увы, закончилась. Никаких реальных исследований Общество не предпринимало, не имело оно и печатного органа.

Активное «привлечение» к краеведческой работе военнослужащих, рабочих, учащихся, санитаров, буфетчиц и других категорий трудящихся, которые «не видели» свой досуг без региональных исследований, привел к тому, что с этого времени сам термин «краеведение» в глазах профессиональных ученых и просто образованных людей приобрел некий вненаучный, даже предосудительный смысл. Ведь так называемое краеведение той эпохи являлось фактически беззастенчивым перекраиванием исторических фактов в угоду идеологическим схемам. Именно в это время в краеведческих исследованиях утвердилось устойчивая компилятивность, переходящая в плагиат, и элементарная безграмотность [19].

Несмотря на все усилия поставить краеведческое движение под контроль, его руководители в итоге вынуждены были констатировать провал планов тотального вовлечения широких масс трудящихся в краеведческое движение. Так, на первое января 1937 года Научно-исследовательское общество изучения Крыма включало 1980 человек, из них взрослых – 762 (!) [20]. Как не пытались новые идеологи выжечь «буржуазный национализм», наиболее авторитетными и в это время признавались «контрреволюционные труды – старые работы профессора А. И. Маркевича о роли царского правительства в освоении края» [21]. О бездействии крымского краеведческого объединения, формализации приема в Общество, завышенных показателях членства в это время сообщал орган Областного комитета ВКП(б) «Красный Крым» [22]. 10 июня 1937 года было принято постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР, которое официально запрещало функционирование краеведческих обществ в стране. В документе говорилось: «Признать дальнейшее существование центрального и местных бюро краеведения нецелесообразным». Наркомат просвещения 16 июля 1937 года разослал на места «Инструкцию о работе комиссии по ликвидации Бюро краеведения», которая предписывала передать местным органам народного образования все книги, рукописи, научное и хозяйственное оборудование, прочие материальные ценности краеведческих объединений.

Таким образом, попытка партийного регулирования на полуострове краеведческого движения, имевшего стойкие классические традиции, отлучения от участия в нем крупнейших знатоков истории края – представителей досоветской группы крымоведов, навязывания объектов исследования, искусственное привлечение в состав организации рабочих и школьников, привело к полному провалу. Отдельные краеведы на местах, как и ранее, продолжали кропотливую работу по изучению региональных аспектов истории, однако это не было централизованно оформлено, отсутствовал обмен научной информацией, не издавался печатный краеведческий орган.

Список использованных источников и литературы

1. Миллер М. А. Археология в СССР.– Мюнхен, 1954.– С. 81.
Miller M. A. Arheologija v SSSR.– Mjunhen, 1954.– S. 81.
2. ГАРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 83; д. 85; оп. 8, д. 93; д. 400.
GARК, f. R-663, op. 7, d. 83; d. 85; op. 8, d. 93; d. 400.
3. Там же, д. 85, л. 2.
Tam zhe, d. 85, l. 2.
4. Там же.
Tam zhe.
5. Там же, л. 1.
Tam zhe, l. 1.
6. Там же, д. 83, л. 2.
Tam zhe, d. 83, l. 2.
7. Там же, л. 1.
Tam zhe, l. 1.
8. Там же, л. 4.
Tam zhe, l. 4.
9. Там же, л. 5.
Tam zhe, l. 5.
10. Там же, л. 6.
Tam zhe, l. 6.
11. Там же, л. 14–15.
Tam zhe, l. 14–15.
12. Там же, оп. 8, д. 400, л. 14, 15, 16, 25.
Tam zhe, op. 8, d. 400, l. 14, 15, 16, 25.
13. Там же, л. 18–18 об.
Tam zhe, l. 18–18 ob.
14. Там же, л. 8.
Tam zhe, l. 8.
15. Там же, л. 17.
Tam zhe, l. 17.
16. Там же, л. 1–2.
Tam zhe, l. 1–2.
17. Там же, л. 4, 21.
Tam zhe, l. 4, 21.
18. Устав Научно-исследовательского общества изучения Крыма.– Симферополь, 1936.– 16 с.
Ustav Nauchno-issledovatel'skogo obshhestva izucheniya Kryma.– Simferopol', 1936.– 16 s.
19. Щавелев С. П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов: Курский филиал / Курский гос. мед.ун-т.– Курск, 2007.– С. 79.
Shhavel'jov S. P. «Delo kraevedov CChO» 1930–1931 godov: Kurskij filial / Kurskij gos. med.un-t.– Kursk, 2007.– S. 79.
20. Никольский С. В тихой заводи: о краеведческой работе в Крыму // Красный Крым.– 1937.– 10 апреля.– С. 3.
Nicol'skij S. V tihoj zavodi: o kraevedcheskoj rabote v Krymu // Krasnyj Krym.– 1937.– 10 aprelja.– S. 3.
21. Там же.
Tam zhe.
22. Там же.
Tam zhe.

Nepomnyashchii A. A. Research Society for the Study of Crimea (1935–1937): the failure of the project of the Soviet regional studies organizations / A. A. Nepomnyashchii // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 1. – P. 28–37.

There was considered an attempt of party regulation of the regional ethnographical movement in the Crimea that had by then resistant classical traditions. Ideas of an excommunication from participation in regional

*НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ КРЫМА
(1935–1937): ПРОВАЛ ПРОЕКТА СОВЕТСКОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ*

---

ethnographical society of the largest experts on region's history, which are representatives of pre-Soviet group of people who study Crimean history, imposing of research's objects, artificial attraction of workers and school students in structure of the organization, led to a total failure of activity of the organization. Certain local historians in the places, as well as earlier, continued laborious work on studying of regional historical aspects, however it wasn't centrally issued, there was no exchange of scientific information, the regional ethnographical publication wasn't published.

Keywords: Crimea, study of local lore (regional ethnography), research society of studying of the Crimea, science history.

УДК 94(477.75)

О ПРОБЛЕМАХ ИНТЕГРАЦИИ КРЫМА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II¹

Никифоров М.А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: ftvneapol@mail.ru*

В статье изучается политика российских властей в Крыму в первые годы после его присоединения Российской империи. В работе проводится анализ указов Екатерины II, который позволяет утверждать, что императрица стремилась провести интеграцию бывших владений Крымского ханства в Российскую империю наиболее безболезненно для старожильческого населения. Российские власти пошли на большие уступки местному населению. Крымско-татарская элита получила равные российскому дворянству права и заняла ключевые посты гражданской власти. Рядовому населению были предоставлены обширные льготы, в частности в вопросах военной службы и налогообложения. Есть все основания утверждать, что политика российских властей в Крыму не преследовала цель спровоцировать новых поданных империи на бегство за пределы полуострова.

Ключевые слова: Крым, Екатерина II, Российская империя, интеграция.

Стремительные события начала 2014 года, получившие название «Крымской весны», привели к воссоединению Крыма с Россией. Празднично и торжественно отметив это событие, российские и крымские власти приступили к кропотливой работе по интеграции полуострова в состав Российской Федерации, которая до конца не завершилась и спустя почти два года с момента воссоединения.

События Крымской весны подстегнули интерес к истории полуострова, в которой тема присоединения владений Крымского ханства к Российской империи в 1783 году представляется сейчас одной из наиболее актуальных. Тогда, после Манифеста Екатерины II от 8 апреля 1783 года², перед Российской империей, так же, как сейчас перед Российской Федерацией, стала задача интеграции бывших владений Крымского ханства и Османской империи в другое государство. Несмотря на явные отличия проблем, с которыми столкнулись российские власти тогда и сейчас, наблюдаются и схожие моменты, характерные для двух исторических периодов.

Российскую политику в отношении бывших владений Крымского ханства в первые годы после их присоединения в историографии оценивают по-разному. С одной стороны, Екатерина II задекларировала стремление охранять и защищать мусульманское население Крыма, с другой – на полуострове возникали многочисленные конфликты, в частности в земельном вопросе, и массовая эмиграция мусульманского населения. В данной работе предлагается рассмотреть политику Российской империи в отношении бывших владений Крымского ханства в период правления Екатерины II. Проследим, как «охранялись и защищались» права новых под-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

² Здесь и далее даты по старому стилю.

данных империи на практике и очертим круг проблемных вопросов, с которыми российские власти столкнулись в первые годы после присоединения Крыма.

8 апреля 1783 года Екатерина II издала Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». Крымское ханство, получившее независимость от Османской империи по Кучук-Кайнарджийскому договору в 1774 году, вошло в состав Российской империи. В Манифесте Екатерина II за себя и за своих преемников дважды обещала населению Крымского ханства равные с другими подданными империи права, охранять и защищать их лично, их имущество, храмы и природную веру. От новых подданных императрица ожидала верности и прекращения мятежей [1].

В историографии высказывались разные мнения в отношении политики Российской империи в Крыму при Екатерине II. Брайан Уильямс хотя и отмечал определенные успехи российских властей в ассимиляции крымско-татарской элиты, считал, что для большинства жителей бывшего Крымского ханства вхождение в состав Российской империи явилось трагедией, ломкой сложившихся традиций, что, в конечном счете, и привело к последующей массовой эмиграции [2]. Ему вторит С. В. Бахрушин, по мнению которого политика Российской империи в Крыму привела к «беспощадному разорению красивой и яркой туземной цивилизации» и превращению полуострова в колонию, подобной Индии для Великобритании [3]. С. П. Дерий признавала желание российских властей завоевать симпатии местного населения, но при этом подчеркивала отсутствие цельной политической доктрины в отношении будущего Крыма и его мусульманских жителей в составе Российской империи [4]. Д. В. Конкин отмечал, что российские власти желали с максимальной мягкостью отнестись к местным жителям, причиняя им минимум неудобств при интеграции в состав Российской империи, и при этом констатировал отсутствие достаточных знаний для достижения этой цели [5].

При составлении Манифеста от 8 апреля 1783 года Екатерина II большое внимание уделила объяснению причин, побудивших ее принять решение о присоединении владений Крымского ханства к империи. Она подчеркивала, что военные успехи в последней русско-турецкой войне позволяли включить ханство в состав России еще в 1774 году, однако крымские татары получили независимость ради восстановления дружеских отношений России с Турцией. По мнению императрицы, татары не воспользовались благами предоставленной им независимости, и, попав под турецкое влияние, изгнали своего хана Шагин-Гирея, который смог восстановить власть только благодаря вмешательству русских войск. В 1782 году русским войскам снова пришлось выступить на стороне Шагин-Гирея и подавить очередное вспыхнувшее в Крыму восстание.

По мнению Екатерины, восстания показали неспособность Крымского ханства быть независимым. Поддержание мира в нем слишком дорого обходилось России. Кроме того, существенное значение на окончательное решение императрицы оказала агрессивная и провокационная политика Турции, войска которой вторглись в пределы Крымского ханства на Тамани [6].

Любопытно, что спустя почти год после публикации Манифеста о присоединении Крымского ханства к Российской империи, 8 марта 1784 года, утверждается

герб Таврической области: в золотом поле – двуглавый орел, в груди которого в голубом поле – золотой восьмиконечный крест. По мысли авторов герба, золотой восьмиконечный крест указывал на то, что крещение во всей России произошло через Херсонес [7]. Таким образом, символическое значение для отечественной истории Херсонеса также послужило обоснованием присоединения Крымского полуострова к России.

Присоединив владения Крымского ханства к России, Екатерина II первым делом добивается присяги от местного населения. Известие о принятии жителей Крымского ханства в российское подданство императрица получает 28 июля 1783 года [8]. Уже зимой следующего, 1784, года российские власти уравнивают в правах татарскую знать с российским дворянством [9]. Исполнение этого решения в Крыму столкнулось с большими сложностями, так как в связи с определенными национальными традициями крымско-татарская элита зачастую не имела никаких документов, подтверждающих ее высокий статус [10]. Войдя в положение новых подданных, представители российской власти в Крыму идут на нестандартный шаг и фактически разрешают подтверждать права той или иной семьи на дворянские привилегии устными свидетельствами или неофициальными записками. В итоге в списки дворян из жителей бывшего Крымского ханства входят 334 фамилии [11]. Позже, 9 апреля 1784 года, для дворян и губернских чиновников Таврической области был установлен специальный мундир [12]. Привилегии получили и крымско-татарские крестьяне, так и не ставшие крепостными.

Второй важной задачей российских властей на полуострове становится приведение управленческого аппарата на территории бывшего Крымского ханства к российским стандартам. Первоначально на полуострове попытались совместить традиционную для Крымского ханства структуру государственного устройства с нормами, принятыми в Российской империи, для чего создавались параллельные органы власти [13]. Центральным органом местной гражданской власти становится сформированное в 1783 году Крымское правительство, в том числе и из представителей крымско-татарской знати. Крымское правительство выбирало каймаканов и кадиев, которые осуществляли власть в шести районах полуострова – т. н. каймаканствах. Каймаканы и кадии заведовали судом, исполняли поручения высших властей и выполняли полицейские функции в вверенных им районах Крыма [14].

Гражданские органы власти подчинялись командующему российскими войсками, размещенными на полуострове. С 15 августа 1783 года таким главнокомандующим становится О. А. Игельстром. С самого начала перед ним ставится задача собрать как можно больше сведений о традиционном укладе жизни на территории бывшего Крымского ханства. Это было необходимо для проведения глубокого анализа, который позволил бы вести взвешенную и аккуратную политику в отношении новых подданных империи. Результатом такой работы стало обширное статистическое обозрение Крымского полуострова [15].

11 июня 1784 года на смену Крымскому правительству приходит Таврическое областное правление, которое возглавляет В. В. Коховский. Перед этим правительством уже ставится задача обустройства и развития Крыма.

Для развития сельского хозяйства на полуострове, в частности хлебопашества, виноделия и садоводства, при областном правлении в 1784 году учреждается «Особая контора земледелия и домоводства Таврической области». Развивать сельское хозяйство Крыма планировали при помощи передовых европейских технологий, для чего на полуостров приглашались известные специалисты из Франции, Италии и Англии [16].

Параллельно с развитием сельского хозяйства российские власти не забывают и о промышленности. Любопытно, что даже в этом деле Екатерина II указывает на необходимость осторожного реформирования промышленности, чтобы ни в коем случае не уничтожить традиционные для Крыма отрасли хозяйства [17].

С присоединением Крыма Российская империя получала широкий выход к Черному морю и возможность вести морскую торговлю. Поэтому нет ничего удивительного в том, что большое внимание империя уделялось развитию портов. 22 февраля 1784 года Екатерина II издала Манифест, которым объявила морские порты Севастополя и Феодосии свободными для торговли с любыми странами [18]. Крымские пристани с 1 января 1786 года освобождались от пошлин на 5 лет при условии устройства таможенного контроля между полуостровом и сопредельными российскими территориями. В указе подчеркивалось, что распоряжение дается для пользы края, но не должно быть в ущерб таможенных доходов [19].

В Севастополе приказывалось начать строительство крепости с адмиралтейством. В Евпатории – возобновить старый замок с небольшими наружными укреплениями, а в Феодосии – батареи и приморские укрепления. На все эти строительные работы отпускалось 3 млн рублей из доходов Екатеринославского наместничества и Таврической области. Отмечалось, что недостающие средства могут быть выделены в будущем из общих государственных доходов [20].

С момента присоединения Крыма и до февраля 1784 года на полуострове сохранялась административное деление, принятое еще в Крымском ханстве [21]. 2 февраля 1784 года Екатерина II учреждает Таврическую область. В пояснении к такому решению императрица еще раз подчеркивает желание, чтобы жители Крыма имели возможность свободно исповедовать свою веру, владеть своими именными и пользовались такими же привилегиями, как и жители других регионов империи.

В границы новой области вошли Крымский полуостров, земли от Перекопа до пределов Екатеринославского наместничества и остров Тамань. Екатерина II подчеркивала, что территории бывшего Крымского ханства объединялись в область, пока увеличение населения и появление разных нужных заведений не дадут возможности сделать из нее губернию. Управление областью поручалось Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Г. А. Потемкину, который должен был до конца года разделить область на уезды [22]. И уже 8 февраля 1784 года Екатерина II повелела составить Таврическую область из 7 уездов: Симферопольского, Левкопольского, Евпаторийского, Перекопского, Днепровского, Мелитопольского и Фанагорийского. Правда, последние три уезда созданы так и не были [23]. 2 апреля 1787 года вместо Левкополя уездным городом назначалась Феодосия, и уезд получал название Феодосийского [24]. Г. А. Потемкину поручалось устроить

областной и уездные города и открыть в них присутственные места соответственно количеству жителей [25].

Указом от 4 апреля 1784 года Екатерина II в очередной раз подчеркнула необходимость предоставления привилегий крымским татарам и распорядилась при составлении штатов местных органов управления благоприятствовать в получении должностей местным жителям. На место губернского предводителя был назначен Мехметша-бей Ширинский, которому определялось жалование в 2 тыс рублей в год из местных доходов. При этом оговаривалось, что власть Мехметша-бея Ширинского не должна превосходить полномочия, положенные губернскому предводителю [26]. Необходимые в Таврической области присутственные места были созданы 29 января 1787. Об их создании Г. А. Потемкин отчитался в Сенате через три месяца [27].

Одна из главных проблем, с которой столкнулась Российская империя в Крыму, была связана с земельными отношениями. После Манифеста в Крыму образуются довольно обширные казенные земли. Они формируются, главным образом, из ханского домена, который полностью отошел российскому государству, а также «пустопорожних земель» – участков эмигрировавших из Крыма землевладельцев [28]. Казенные земли в большом количестве раздавались различным категориям переселенцев [29]. Обширные земельные участки получали как вновь прибывшие русские дворяне, так, еще в большей степени, местные беи и мурзы [30]. Распределение земель происходило с массовыми злоупотреблениями, на которые зачастую закрывали глаза местные власти, и путаницей, которая приводила к фактическому захвату земель у старых владельцев [31]. Очень скоро эти злоупотребления и неразбериха достигли таких размеров, что заставили отреагировать центральные власти. Екатерина II сначала распоряжается остановить раздачу казенных земель, которые предназначались переселенцам [32]. Затем сенат издал указ, который закреплял за всеми жителями полуострова право на наследственное владение земельной собственностью [33]. Оба указа свидетельствуют о желании государства урегулировать накопившиеся в Крыму земельные проблемы [34], однако второй документ также вводил ограничение на приобретение новых земельных участков. Хотя ограничения касались всех категорий старожильческого населения Крыма, кроме дворян и чиновников, Д. В. Конкин справедливо отметил, что главным образом указ был направлен на ограничение роста земельных владений мусульманского духовенства. Документ позволял российскому дворянству, местным чиновникам, татарским беям и мурзам устранить серьезного конкурента в борьбе за приобретение новых земельных участков. Таким образом, ограничение прав мусульманского духовенства в области земельных отношений надо рассматривать не как целенаправленную политику имперских властей, а как злоупотребление со стороны местных властей и крымско-татарской знати [35]. Многочисленные жалобы старожильческого населения привели к изданию ряда указов и распоряжений имперских властей прямо предписывающих отбирать землю у новых владельцев, если старые предоставляли доказательства своих прав на нее [36]. В ноябре 1796 года для разбора конфликтных ситуаций в земельной сфере предпринимается попытка создания особой комиссии по разбору

земельных споров в Крыму. Впрочем, эта комиссия приступает к работе лишь после смерти Екатерины II.

Особое отношение российских властей к жителям бывшего Крымского ханства выражалось и в налоговой политике, которая по указанию Екатерины II не должна быть «в тягость народную». Екатерина II разрешает крымским татарам вместо традиционной для России подушной подати, платить поземельную и десятинную, а мусульманское духовенство вообще освобождает от уплаты каких-либо налогов и податей [37]. Налоговые льготы в отношении крымских татар просуществовали с 1783 по 1821 г. и были даже несколько сокращены наследниками Екатерины [38].

Несмотря на льготную систему налогообложения, некоторые распоряжения российских властей вызвали недовольство местного мусульманского населения. В частности, собранные налоги направлялись, в том числе и на «нескудное» содержание школ, публичных зданий, фонтанов и мечетей. Это шло в противоречие с местными религиозно-правовыми традициями, поскольку для содержания религиозных и общественных зданий существовал специальный институт – вакф, находящийся в ведении духовенства. Таким образом благие цели, которые преследовали российские власти, фактически нарушали мусульманские традиции, по которым жили крымские татары [39].

Особый статус жителей бывшего крымского ханства распространялся и на военную службу, на которую мусульмане принимались исключительно добровольно. Императрица повелела татарских мурз и людей, желающих вступить на военную службу, принимать и награждать чинами обер-офицерскими и штаб-офицерскими не выше премьер-майора. Однако по усмотрению Г. А. Потемкина татары могли получать и более высокие чины [40]. 1 марта 1784 года указом императрицы были образованы национальные воинские части, составленные из подданных, живущих в Таврической области [41]. Планировалось создать пять дивизионов, однако в итоге сформировано было три [42]. Национальные воинские соединения несли службу внутри Крыма: сопровождали почту, властей, охраняли леса, преследовали беглых, разбойников и исполняли курьерские поручения. Во время посещения Крыма Екатериной II дивизионы участвовали в ее торжественной встрече на Перекопе и сопровождали в остальном путешествии [43].

Краткий анализ указов Екатерины II позволяет утверждать, что она действительно стремилась провести интеграцию бывших владений Крымского ханства в Российскую империю наиболее безболезненно для старожильческого населения. С целью недопущения резкой ломки традиционных устоев жизни мусульманского населения местные власти вели кропотливую и обширную работу по сбору данных, касающихся всех сфер жизни в бывших владениях Крымского ханства. Российские власти пошли на большие уступки местному населению. Крымско-татарская элита получила равные российскому дворянству права и заняла ключевые посты гражданской власти. Рядовому населению были предоставлены обширные льготы, в частности в вопросах военной службы и налогообложения.

Между тем российским властям в Крыму не удалось избежать и некоторых промахов, причиной которых, однако, была не целенаправленная политика, а злоупотребления местных управленцев и незнание местных традиций. В этом отноше-

нии показательно, что одними из главных получателей выгоды от таких злоупотреблений становились крупные крымско-татарские землевладельцы. Также стоит подчеркнуть, что возникающие в Крыму проблемы не игнорировались имперскими властями, ярким примером чего служит проект создания особой комиссии по разбору земельных споров в Крыму. Трудно сказать, в какой степени действия российских властей в Крыму послужили причиной массовой эмиграции мусульманского населения с полуострова, начавшейся практически сразу после присоединения. Однако проведенный анализ документов вполне очевидно указывает, что политика российских властей не преследовала цели спровоцировать новых поданных империи на подобное бегство.

Список использованных источников и литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXI, – № 15708; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXI, – № 15798.
Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie pervoe. – SPb., 1830. – V. XXI. – № 15708; Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie pervoe. – SPb., 1830. – V. XXI. – № 15798.
2. Williams B. G. The Crimean Tatars. The diaspora experience and the forging of a nation. – Leiden-Boston-Köln, 2001. – P.74, 83.
3. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства / С. В. Бахрушин // МАИЭТ. – 1993. – Вып III. – С. 337.
Bahrushin S. V. Osnovnye moment istorii Krymskogo hanstva /S.V. Bahrushin. // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 337.
4. Дерий С. П. К вопросу о деятельности комиссии по разрешению земельных споров (1802–1810) / С. П. Дерий // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 161–162.
Deriy S. P. K voprosu o deyatelnosti komissii po razresheniyu zemelnyh sporov (1802–1810) / S. P. Deriy // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 161–162.
5. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) / Д. В. Конкин // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 628–629.
Konkin D. V. Zakonodatelnoe oformlenie zemelnoy sobstvennosti v Krymu (1783–1796 gg.) / D. V. Konkin // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 628–629.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXI. – № 15708.
Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie pervoe. – SPb., 1830. – Т. XXI. – № 15708.
7. Там же, Т. XXII. – № 15953.
8. Там же, Т. XXI. – № 15798.
Ibid, T. XXI. – № 15798.
9. Там же, Т. XXII. – № 15936.
Ibid, T. XXII. – № 15936.
10. Прохоров Д. А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) / Д. А. Прохоров // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V. – С. 220.
Prohorov D. A. Organy upravleniya Tavricheskoj oblasti posle prisoedineniya Kryma k Rossii (1783–1787 gg.) / D. A. Prohorov // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V. – С. 220.
11. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 / Е. И. Дружинина. – М., 1959. – С. 47, 97.
Druzina E. I. Severnoe Prichernomorie v 1775–1800 / E. I. Druzina. – М., 1959. – С. 47, 97.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. – Т. XXII. – № 15975.
Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie pervoe. SPb., 1830. – Т. XXII. – № 15975.
13. Рославцева Л. И. Система государственного устройства и общественный быт / Л. И. Рославцева // Тюркские народы Крыма. – М.: Наука, 2003. – С. 184.

- Roslavzeva L. I. *Systema gosudarstvennogo ustroystva i obshestvennyi byt* / L. I. Roslavzeva // *Tyurkskie narody Kryma*. – М.: Nauka, 2003. – С. 184.
14. Лашков Ф. Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // *ЗООИД*. – Т.14. – 1886. – С. 91–156.
- Lashkov F.F. *Statisticheskie svedeniya o Kryme, soobshennye kaymakanami v 1783 godu* // *ZOOID*. – Т. 14. – 1886. – С. 92.
15. Там же. – С. 97–98.
Ibid. – С. 97–98.
16. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 / Е.И. Дружинина. – М., 1959. – С. 134.
Druzhina E.I. *Severnoe Prichernomorie v 1775-1800* / Е.И. Druzhina. – М., 1959. – С. 134.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. – Т. XXI. – №15814.
Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. *Sobranie pervoe*. SPb., 1830. – Т. XXI. – №15814.
18. Там же, Т. XXI. – № 15935.
Ibid, Т. XXI. – № 15935.
19. Там же, Т. XXII. – № 16239.
Ibid, Т. XXII. – № 16239.
20. Там же. – № 16239.
Ibid. – № 16239.
21. Крючков А. В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство / А. В. Крючков / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Саратов, 2006. – С. 145.
Kryuchkov A. V. *Prisoedinenie Kryma k Rossii i nachalnyy etap ego vklycheniya v obcheimperskoe prostranstvo* / A. V. Kryuchkov / *Dissertaziya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. – Saratov, 2006. – С. 145.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXII. – № 15920.
Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. *Sobranie pervoe*. – SPb., 1830. – Т. XXII. – № 15920.
23. Прохоров Д. А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) / Д. А. Прохоров // *МАИЭТ*. – 1996. – Вып. V. – С. 215.
Prohorov D. A. *Organy upravleniya Tavricheskoy oblasti posle prisoedineniya Kryma k Rossii (1783–1787 gg.)* / D. A. Prohorov // *MAIET*. – 1996. – Вып. V. – С. 215.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXII. – № 16525.
Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. *Sobranie pervoe*. – SPb., 1830. – Т. XXII. – № 16525.
25. Там же, Т. XXII. – № 15924.
Ibid, Т. XXII. – № 15924.
26. Там же, Т. XXII. – № 15988.
Ibid, Т. XXII. – № 15988.
27. Там же, Т. XXII. – № 16531.
Ibid, Т. XXII. – № 16531.
28. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) / Д. В. Конкин // *МАИЭТ*. – 2006. – Вып. XII. – С. 631.
Konkin D. V. *Zakonodatelnoe oformlenie zemelnoy sobstvennosti v Krymu (1783–1796 gg.)* / D. V. Konkin // *MAIET*. – 2006. – Вып. XII. – С. 631.
29. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXII. – № 15988, № 16130, № 16249, № 16559. – Т. XXIII. – 17191.
Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. *Sobranie pervoe*. – SPb., 1830. – Т. XXII. – № 15988, № 16130, № 16249, № 16559. Т. XXIII. – 17191.
30. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства / С. В. Бахрушин // *МАИЭТ*. – 1993. – Вып III. – С. 337; Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения / Ф. Ф. Лашков // *ИТУАК*. – 1896. – № 24. – С. 58–60.

Bahrushin S. V. Osnovnye moment istorii Krymskogo hanstva / S. V. Bahrushin. МАИЕТ. – 1993. – Вып. III. – С. 337; Lashkov F. F. Istoricheskiy ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya / F. F. Lashkov // ИТУАК. – 1896. – №24. – С. 58-60.

31. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. – М., 2005. – Т. 2. – С. 216; Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения / Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. – 1896. – № 24. – С. 62.

Smirnov V. D. Krymskoe hanstvo pod verhoventsvom Ottomanskoj Porty. – М., 2005. – Т. 2. – С. 216; Lashkov F. F. Istoricheskiy ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya / F. F. Lashkov // ИТУАК. – 1896. – № 24. – С. 62.

32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXIII. – № 17228.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie pervoe. – SPb., 1830. – Т. XXIII. – № 17228.

33. Там же, Т. XXIII. – № 17265.

Ibid, Т. XXIII. – № 17265.

34. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) / Д. В. Конкин // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 638.

Konkin D. V. Zakonodatelnoe oformlenie zemelnoy sobstvennosti v Krymu (1783–1796 gg.) / D. V. Konkin // МАИЕТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 638.

35. Конкин Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. / Д. В. Конкин // МАИЭТ. – 2007. – Вып. XIII. – С. 485–486, 488.

Konkin D. V. Nekotorye aspekty zemelnyh otnosheniy v Krymu v poslednem desyatiletii XVIII v. / D. V. Konkin // МАИЕТ. – 2007. – Вып. XIII. – С. 485–486, 488.

36. Кирпенко Г. К. О прошениях депутатов Таврической области на Высочайшее имя в 1796 году и Высочайшем Указе 17 сентября 1796 г. / Г. К. Кирпенко // ИТУАК. – № 2. – 1897. – С. 16–17.

Kirpenko G. K. O prosheniyah deputatov Tavricheskoy oblasti na Vysochajshhee imya v 1796 godu I Vysochayshem Ukaze 17 stntjabrja 1796 g. / G. K. Kirpenko // ИТУАК. – № 2. – 1897. – С. 16–17.

37. Там же. – С. 17.

Ibid. – С. 17.

38. Тур В. Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) / В. Г. Тур // МАИЭТ. – 2007. – Вып. XIII. – С. 507.

Tur V. G. Privilegii musulman Tavricheskoy gubernii (po archivnym materialam XIX v.) / V. G. Tur // МАИЕТ. – 2007. – Вып. XIII. – С. 507.

39. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) / Д. В. Конкин // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 629–630.

Konkin D. V. Zakonodatelnoe oformlenie zemelnoy sobstvennosti v Krymu (1783–1796 gg.) / D. V. Konkin // МАИЕТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 629–630.

40. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXI. – № 15861.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie pervoe. – SPb., 1830. – Т. XXI. – № 15861.

41. Там же, Т. XXI. – № 15945.

Ibid, Т. XXI. – № 15945.

42. Муфтизаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 гг. / И. Муфтизаде // ИТУАК. – 1899. – № 30. – С. 3.

Muftizade I. Ocherk voennoj slujby krymskyh tatar s 1783 po 1899 gg. / I. Muftizade // ИТУАК. – 1899. – № 30. – С. 3.

43. Там же. – С.4

Ibid. – С.4.

Nikiforov M.A. About the problems of integrating the Crimea to the Russian Empire during the reign of Catherine II / M.A. Nikiforov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 1. – P. 38–47.

This paper is aimed to research Russian authorities' policies in the Crimea in the first years after its joining the Russian Empire. The paper analyses Catherine II's orders to claim that the Empress wanted to integrate the former land of the Crimean Khanate into the Russian Empire in a way which would be most painless for

the traditional populations. Russian authorities made important drawbacks to the locals. Crimean Tatar elite got the rights equal to those of Russian gentry and took key positions in the civil administration. The ordinary people were granted wide facilities, particularly concerning military service and taxation. There are good reasons to suppose that the Russian authorities' policies towards the Crimea never dared to provoke the Empire's new subjects to escape from the Peninsula.

Keywords: Crimea, Catherine II, Russian Empire, integration.

УДК 908(047.2):910.4(282.247.412.2:1–924.71):929(–057.68)«18»

**СЕВАСТОПОЛЬ И ЕГО БЛИЖАЙШАЯ ОКРУГА
В СОЧИНЕНИЯХ МОСКОВСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО КРЫМУ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Петрова Э.Б.¹, Прохорова Т.А.²

*¹Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

*²ГБУК г. Севастополя Национальный заповедник «Херсонес Таврический»,
Севастополь, Российская Федерация
E-mail: grejfrut@mail.ru*

Исторические судьбы городов-побратимов Москвы и Севастополя были неразрывно связаны на протяжении последних двух столетий. Начало многолетней дружбе двух российских городов было положено в конце XVIII века, когда первые гости из Москвы (среди них государственные деятели П. И. Сумароков и И. М. Муравьев-Апостол, ученый К. И. Габлиц, историк Н. Н. Мурзакевич, писатели П. П. Свиньин, В. В. Пассек) посетили Севастополь и осмотрели историко-архитектурные памятники, располагающиеся вблизи него. В своих сочинениях вояжеры рассказывали современникам о своем пребывании в южной столице российского флота. Сегодня это ценный исторический источник, переносящий нас в Севастополь и его округу двухсотлетней давности.

Ключевые слова: Москва, Севастополь, путешественники по Крыму конца XVIII – первой половины XIX в., историко-архитектурные памятники Севастополя и его округа.

К годовщине воссоединения Крыма с Россией

*Мы в России не имеем ничего похожего на Севастополь:
это не столица, не губернский город и даже не уездный,
а между тем он приличен, как сама столица.*

В. Ф. Ливанов. 1874 г.

Летопись Крыма в Новое время была написана преимущественно людьми приезжими. Крым до конца XVIII века территориально входил в состав владений крымских ханов, но фактически подчинялся Османской империи. С присоединением к России полуостров стал частью могущественной державы. Своей российской ученой и культурной элиты здесь практически не существовало, крымско-татарские деятели покидали Крым и переселялись в Турцию, поэтому осваивать и изучать южные регионы империи приезжали жители крупных российских городов, в том числе столичных. Образованные, деятельные, интересующиеся, они вдохновенно знакомились с новыми российскими провинциями и были пионерами в их изучении. Яркая природа, богатая история полуденного края увлекала их, не оставляя даже места для воображения. Здесь были написаны эмоциональные письма, научные отчеты, статистические справки, лирические пассажи, ученые труды, поэтические строки – тысячи страниц уже за первые полвека русской истории Крыма.

Авторами всех этих разнообразных по содержанию и по форме сочинений были путешественники, ученые, чиновники, литераторы, военные, офицеры, поэты, дипломаты – российские и иностранные. Так, в Севастополе побывали выходцы из различных европейских и российских городов, и далеко не последнее место среди них занимали москвичи.

Уроженцы Москвы и жители первой столицы преодолевали расстояние в 1200 верст, отделявших их город от южного форпоста Российской империи. Долгий путь, предстоявший путешественникам, был далеко не единственной и не самой опасной сложностью в предпринимавшейся поездке. К этому следует добавить отсутствие удобств в пути, проволочки на таможне, задержки на почтовых станциях, зависимость от гражданских властей города и нередко стесненность в средствах. И, тем не менее, всегда находились смельчаки, готовые оставить столичные салоны и отправиться за новыми знаниями и впечатлениями. К тому же в России в XIX веке уже прокладывались дороги, строились гостевые дома, и на больших трактах угроза стать жертвой нападения разбойничьих шайк становилась все меньшей.

К началу XIX столетия путешествовать в Европе стало модно. Одно время воляжи и дальние поездки были даже обязательной частью образовательного курса европейской молодежи. Получая практический опыт в путешествиях, молодые люди расширяли свой кругозор, знакомились с другими странами и народами. Россияне не были исключением и путешествовали как за границей, так и по широким просторам своей страны. Для этого требовалось много сил, выдержки и здоровья – только так в те времена можно было справиться с трудностями пути. Но, как оказалось, не только молодые и энергичные вояжеры посещали Крым. Например, императрица Екатерина II Великая совершила поездку в южные провинции России в возрасте 58 лет. Вопреки трудностям сюда приезжали и маститые ученые, и умудренные опытом чиновники, военные, дипломаты. Нередко они ехали в Крым, чтобы там и остаться – в имениях, пожалованных им Короной.

Приезжая издали на полуостров, человек попадал в другой мир: средиземноморский климат, живописные ландшафты в духе Южной Италии, колорит средневекового Востока существенно отличались от заснеженных равнин его родных мест. Здесь путешественника ждала экзотика: вместо русского мужика он встречал медлительного татарина и пугливых восточных женщин, вместо чая ему подавали кофе и лепешки, повсюду была слышна непривычная для слуха речь. Знакомство с обитателями Крыма происходило на фоне не только восхитительной природы, но и причудливой архитектуры. Вместе с тем путешественник находил здесь уже и что-то знакомое: строились усадьбы новых владельцев, полуостров обустроивался по российскому и европейскому образцу с участием опытных зодчих, садоводов и военных. Крым ехали изучать, Крым ехали осваивать, Крымом ехали наслаждаться...

Нужно сказать, что участие москвичей в жизни Севастополя было значительным уже с первых дней существования базы Черноморского флота. Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739–1791), занимавшийся первоначальным обустройством Новороссии, долгое время жил в Москве. Там он воспитывался, посещал учебные заведения, изучал науки в Московском университете. Уроженцем Москвы также был выдающийся российский полководец Алек-

сандр Васильевич Суворов (1730–1800). Его имя является одним из центральных в истории Севастополя: именно он в 1776–1779 годах командовал русскими войсками в Крыму и защищал полуостров от высадки турецкого десанта, одним из первых он отметил преимущества Ахтиарской бухты для будущего флота и принимал участие в разработке системы береговых укреплений на ее берегах. Невозможно переоценить вклад генералиссимуса в развитие русского военного искусства и формирование российского патриотизма, столь близкого севастопольцам. И в дальнейшем уроженцы и жители Москвы приезжали в Крым и Севастополь по делам государственной важности, но и по собственному почину тоже.

Кого же из посетивших полуостров в конце XVIII – первой половине XIX века мы можем назвать собственно путешественниками? Термину «путешественник» по смыслу близки такие понятия, как «вояжер», «дорожный», «землепроходец», «паломник», «пилигрим», «путник», «скиталец», «странник» и др. [1, с. 125]. Путешественник часто совершает этот нелегкий путь ради самого путешествия, ради опыта странствования, это преимущественно поездка на дальние расстояния – в другое государство или малознакомый регион своей страны, цель его зачастую сводится к ознакомлению с населением, природой, историей, оно предполагает возвращение в исходный пункт, чтобы быть описанным или рассказанным. Немаловажно, что главным определяющим фактором в данном случае является возможность исследователя открыть что-либо новое.

Почему важно акцентировать на этом внимание? Существует тонкая грань между собственно путешественником и, скажем, исследователем, который по долгу службы или исходя из научных интересов занимается целенаправленными изысканиями, нередко обретая в изучаемом крае вторую родину. Ярким примером служит Петер Симон Паллас (1741–1811), который был одним из первых ученых-натуралистов, исследовавших южные окраины Российской империи. После своего первого путешествия, осуществленного в 1793–1794 годах, он вернулся в Крым через год, превратившись из путешественника в жителя полуострова. Ученый побывал во многих уголках Крыма, основательно исследуя Terra Tavrīka. Его книги стали на долгое время едва ли не единственным путеводителем для путешественников по Крыму первой половины XIX века и до сих пор остаются ценным историческим источником для исследователей [2, с. 20–23].

Обратимся за формулировкой термина «путешественник» к словарям конца XVIII – начала XIX столетия. «Словарь франко-провансальского языка, или Оксинского языка» С. Ж. Гонората (1847) трактует слово «путешествие» как поездку «из одной страны в другую», как «перевозку человека из того места, где он находится, в другое, расположенное достаточно далеко» [3, р. 1414]. В «Словаре Французской Академии» (1835) дается разъяснение: путешествие совершается обязательно в течение довольно длительного времени и в место отдаленное, как например, в Индию, Персию, Иерусалим. Между путешествием и поездкой существует разница: последняя, по мнению авторов, – это нечто не столь грандиозное, например, поездка из Парижа в Версаль. Путешествия же совершаются в отдаленные места, они продолжительны по времени («в путешествии можно провести целую жизнь»), ориентированы на познание окружающего мира («из путешествий мы узнаем о мире») или

же предпринимаются в определенных целях (например: «совершаются вояж-миссии по делам торгового дома») [4, р. 956].

В результате путешествия часто, хотя и не всегда, рождалось описание вояжа. Сегодня эти сочинения, по большей части ставшие библиографической редкостью, ценны для нас в качестве источника информации о Крыме – его природе, обитателях, его городах и исторических памятниках, то есть об облике полуострова двухсотлетней давности. Часто эти сочинения универсальны и содержат информацию по многим вопросам. В них говорится и о Юго-Западном Крыме с его удивительной природой и богатой историей. Особый интерес к этой части полуострова был связан также с грандиозным проектом России на Черном море – строительством южного флота и военно-морской базы в Севастополе [5, с. 6].

Произведения мемуарного характера не лишены субъективизма, в них обычны преувеличения, авторские домыслы, а порой и художественный вымысел. Научные знания о Крымском полуострове в ту пору только зарождались, литературы о Крыме было очень мало. А путешественники зачастую были просто образованными людьми, следовательно, дилетантами в области наук (лишь некоторые специально занимались науками). В тексты вояжеров закрадывались ошибки, встречаются огрехи в датировках исторических памятников и событий, в написании имен собственных (уровень современной науки позволяет их исправить). Все это, однако, не умаляет значения записок путешественников как ценного источника наших знаний о Крыме.

«Наш городок – Москвы уголок»

Среди визитеров в Севастополь были и уроженцы Москвы, и те, кто перебрался из родных мест в первую столицу Российского государства в молодом или зрелом возрасте. Другие часто наезжали в Москву или (преимущественно иностранцы) бывали в ней проездом. Но были и такие, кому посчастливилось родиться, жить и работать в Москве. Это П. И. Сумароков и В. В. Измайлов.

Крупный российский государственный чиновник, писатель **Павел Иванович Сумароков** (около 1767–1846) родился в Москве, обучался в благородном пансионе при Московском университете. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, служил гвардейским офицером в Преображенском полку под начальством князя С. Ф. Голицына и женился на его двоюродной сестре Марии Васильевне Голицыной [6, с. 132].

На долю Сумарокова выпали два путешествия в Крым. Первое продолжалось с 15 мая по 7 августа 1799 года; маршрут пролегал через Николаев, Перекоп, Акмечеть, Карасубазар, Каффу, Керчь, Евпаторию. В Крыму он пробыл около месяца. Знакомство с полуостровом нашло отражение в его книге «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году», изданной в Москве в 1800 году. Второе путешествие состоялось в 1802 году и было связано с назначением Сумарокова членом правительственной комиссии для разрешения земельных споров в Крыму. Жил он в Симферополе, на правом берегу Салгира. В этот приезд ему довелось побывать в Перекопе, Акмечети, Евпатории, Бахчисарае, Чуфут-Кале, Севастополе (где он стал землетрясение). В дальнейшем Павел Иванович путешествовал в сопровождении рисовальщика, посетил Байдары, Тепе-Кермен, Мангуп-Кале, Старый Крым,

Судак, Феодосию, Керчь, Еникале. Результатом этих поездок стала книга «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», изданная в двух частях в Санкт-Петербурге в 1803 и 1805 годах.

Сочинения Сумарокова, наполненные лирическими отступлениями и сентиментальными размышлениями, украшенные гравюрами с видами Крыма художника А. Н. Деспалдо, обладали сильным эмоциональным зарядом, многие с удовольствием их читали и видели в них своего рода пособие по истории Крыма (рис. 1). Составляя исторические, археологические и этнографические пассажи, автор руководствовался трудами известных исследователей и ученых разных эпох: Страбона, Платона, Арриана, Саллюстия, Сестренцевич-Богуша и других. Это придало определенную глубину и научность некоторым его теоретическим рассуждениям. Но в те времена знания о Крыме носили весьма поверхностный характер, что не могло не отразиться на произведениях Сумарокова.

Из рассказа Павла Ивановича следует, что в конце XVIII – самом начале XIX века Крым пребывал в полуразрушенном состоянии, в пепле лежали не только древние, но и современные постройки. В 1799 году наш путешественник побывал в Ахтиаре, в недавнем прошлом называвшемся Севастополем. Он показался ему *«очень хорошим городом»*, построенном в *«глухой степи в новейшем европейском вкусе»*, что контрастировало с *«прочими азиатскими в Крыму городами»*. Уже тогда в нем были морской арсенал, казармы, карантин, слобода *«поселенных невольников»*, две церкви – *«российская и греческая»* (должно быть, православная и русско-католическая), 741 дом (*«610 морских, 45 отставных штаб- и обер-офицерских, 68 купеческих, мещанских, поповских и 18 невольничьих»*), 86 лавок. Глубокие, удобные для захода и стоянки кораблей бухты *«придают городу весьма приятный вид»*, однако *«местоположение его единообразно и некрасиво»*, постройки каменные, *«по большей части принадлежат казне... сделаны с весьма малой издержкой из остатков древнего и именитого Херсонеса»*. Ахтиар – *«настоящий военный город»*, в нем совсем немного гражданских жителей, *«приближение к нему по бухте защищено огромными батареями»*, сделанными, как и пристань, из белого камня. Морской торговлей жители города не занимаются, *«дороговизна в нем для жизни чрезмерна»* [7, с. 120–122]. Однако во время второй поездки Севастополь предстал пред взором путешественника в ином свете: величественным и красивым, им может гордиться каждый русский [8, с. 192].

Павел Иванович подробно описал древние развалины прежних поселений на Гераклеийском полуострове. Двигаясь из Балаклавы, *«древнего пристанища тавроскифов и греков»*, он, проехав шесть верст, попал в *«первый» Херсонес*, расположенный на *«веселом и вдавшемся в море мысу»*. *«Попирая ногами ничтожность»*, наш путешественник смог разглядеть длинные ряды из камней, место древнего маяка [8, с. 198–200].

СЕВАСТОПОЛЬ И ЕГО БЛИЖАЙШАЯ ОКРУГА В СОЧИНЕНИЯХ МОСКОВСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО КРЫМУ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

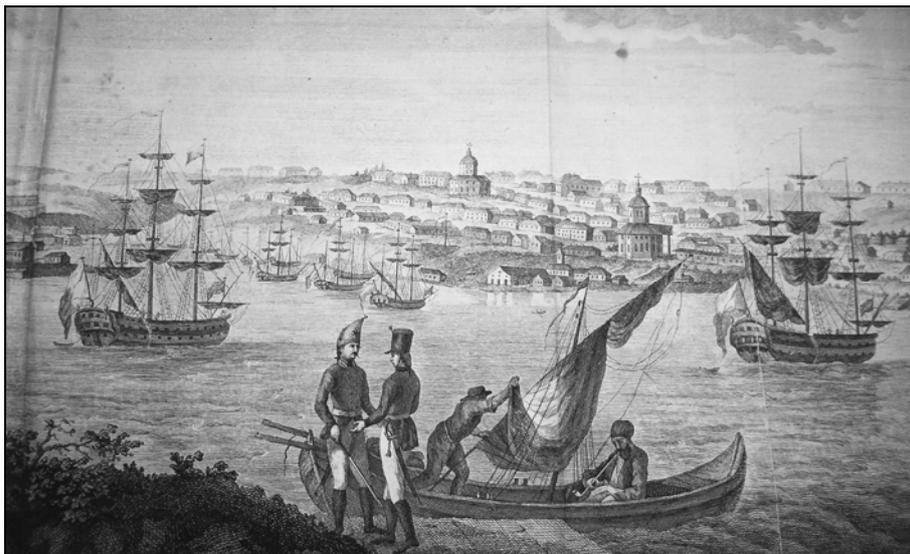

Рис. 1. А. де Палдо. Вид Севастополя, или Ахтияра. Гравюра. Около 1800 г.
Из книги: Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду.
СПб., 1803–1805.

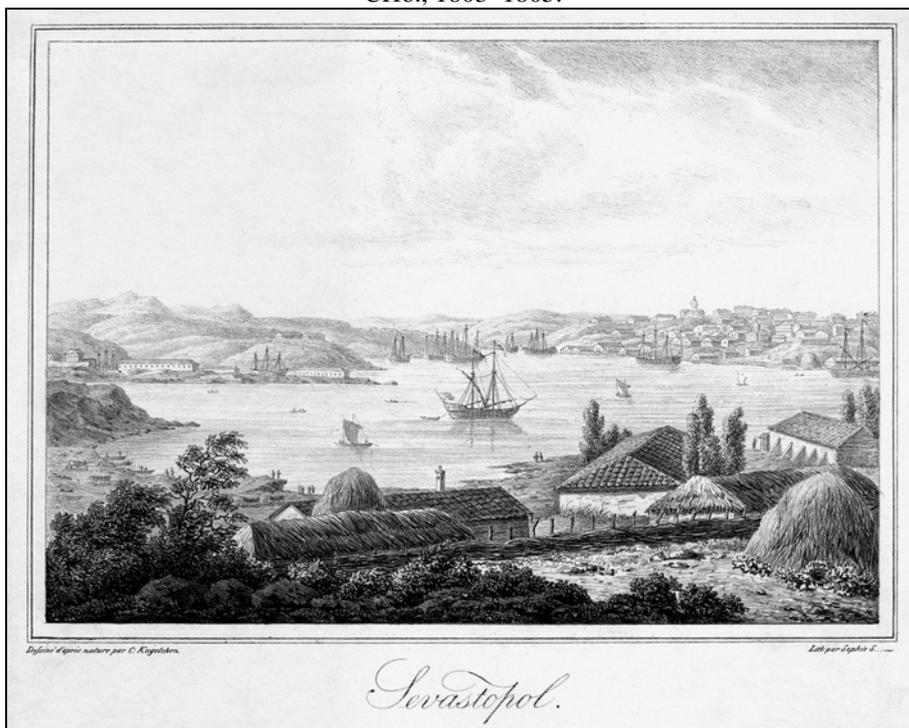

Рис. 2. К. Кюгельхен. Севастополь. Литография. 1804–1806 гг. Из книги: Мальгина М. Р.
Виды Крыма первой половины XIX века: каталог литографий из собрания Крымского рес-
публиканского краеведческого музея. Симферополь, 2006.

Сумароков стоял у истоков многолетней дискуссии о локализации первоначального поселения древнегреческих колонистов в Юго-Западном Крыму (в историографии это поселение называют «первым», Старым, Древним, «страбоновским, страбоновым») [О проблеме Старого и Нового Херсонесов см.: 9–16; 17, с. 25 слл.; 18, с. 12–18, 69–73, 157 слл.]. Упоминание Страбоном (VII, 4, 2) некоего «*Древнего Херсонеса, лежащего в развалинах*», за которым следует «*потом гавань с узким входом, где тавры обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался бегством*», заставляло историков размышлять о возможном месторасположении, времени основания и типе поселения указанного древнегреческим географом пункта. Примечательно, что Павел Иванович обратил внимание на сообщение Плиния Старшего (Естеств. история, IV, 85) о поселении Мегарика: «*Кажется, что приданное Херсонису еще иное название Мегариче, как о том объявляют Плиний и другие, принадлежало древнему, и оно потом вместе с падением его исчезло*» [8, с. 199]. Сумароков, которому еще довелось видеть остатки Старого Херсонеса, утверждал, что город этот существовал с V в. до н. э. в течение трех веков, а после (то есть во II в. до н. э.) был перенесен на другое место (так появился Новый Херсонес) [8, с. 204]. Споры относительно места расположения, времени возникновения и существования Старого Херсонеса стали основанием для давней дискуссии. Первые исследователи Крыма, в числе которых был и П. И. Сумароков, имели в распоряжении лишь одно упоминание Страбона о Старом Херсонесе, на основании этого строились их представления (о том, что сначала возник «древнейший» Херсонес, гибель коего побудила его жителей переселиться на новое место и основать «новый» Херсонес у Карантинной бухты). В первой половине XIX в. Старый Херсонес искали на Маячном полуострове (или на его перешейке, что вероятнее всего), на мысе Херсонес, на Южном берегу Крыма. Раскопки конца XIX – начала XX века и исследования последних десятилетий позволяют думать, что оба Херсонеса – «старый» и «новый» – появились почти одновременно, во второй половине V в. до н. э.

Во «втором», или Новом, Херсонесе Сумароков наблюдал такое же запустение: изрытые ямы, груды «*тесаных диких камней*», фрагменты «*обезображенных стен*». Его внимание привлекли «*приметы двух городских ворот, ограды из больших камней*», городские улицы, «*основание церкви, в которой крестился Владимир, с лестницею под нею к вырытому колодезю*» [8, с. 205]. Наш автор был одним из первых, кто в полной мере осознал величие древнего города: бродя среди развалин сокрытого под землей Херсонеса, он угадывал места, где могли располагаться его агора, пританей, театр, палестра [8, с. 206–208].

Помимо двух Херсонесов, путешественник видел также предместья города – следы усадеб и дорог, мыс Ифигении (Парфенион, Парфений – «девичий»), который помещал в районе Георгиевского монастыря (до сих пор локализация этого мыса вызывает споры среди ученых, но большинство все же думает так, как некогда думал Сумароков), сам Георгиевский монастырь и пещеры Инкермана, являющие собой «*нечто чудесное*» [7, с. 123–129; 8, с. 213–216].

Сочинения о Крыме П. И. Сумарокова, несмотря на некоторую сумбузность, отрывочность свидетельств, всевластие авторских чувств и эмоций, сохраняют значимость для историков. Важно то, что Сумароков, проштудировав сочинения древ-

них писателей и авторов Нового времени и исследовав сохранившиеся на поверхности остатки Старого и Нового Херсонесов, одним из первых попытался объяснить причины их упадка исходя из общеисторического контекста эпохи. Небезуспешны его топонимические рассуждения, представляют интерес и его пересказы древнегреческих мифов.

Яркий представитель русского сентиментализма **Владимир Васильевич Измайлов** (1773–1830) родился, жил и умер в Москве. Известность пришла к нему после выхода в свет его книги «Путешествие в полуденную Россию» [См. о нем: 19–23]. Она издавалась трижды: в 1800, 1802 и 1805 годах. Первые два издания почти идентичны друг другу, третье – переработано и представляет собой новую редакцию текста.

Владимир Измайлов был в Крыму в одно время с Павлом Сумароковым, но Севастополь (Ахтиар) увидел по-своему (рис. 2). Величественный город, имевший стройный и парадный вид, автор называет классическим примером «Екатерининового века»: «*В сем городе живет еще Екатерина II. Она дышит в каждом камне. Я видел образ ее славы*» [24, с. 85]. Наследник Греческой империи, Севастополь был продолжателем легендарной древней истории. Построенный на месте и из камней древнего Херсонеса, он должен был стать центром возрожденной Греции. По замечанию автора, город живет за счет торговли и иностранных жителей в нем даже больше, чем русских [24, с. 86–87]. Вопрошая: «*Где цветущий Херсонес?*», Измайлов мог видеть лишь руины древнего города, тщетно пытаясь найти акведуки, церкви св. Василия (место крещения Владимира) и св. Иоанна, городские дороги и стены. В таком же, как у Сумарокова, сентиментальном духе он сетует по поводу безвозвратной гибели Херсонеса [24, с. 87–89].

По случаю посещения Георгиевского монастыря Владимир Васильевич написал сентиментальное эссе, подарив читателю, пожалуй, самый романтичный пересказ легенды об Ифигении, дочери микенского царя Агамемнона, по воле богини Артемиды служившей жрицей в таврском святилище. Балаклава показалась ему скучной, не произвели впечатления на него даже крепость и удивительная бухта с узким входом – все то, что так ярко и подробно описывали другие путешественники [24, с. 90–98]. Зато его воображение разыгралось при виде пещерных сооружений в Инкермане. Сочтя их делом рук генуэзцев, путешественник с удивлением осматривал скальные помещения, рисуя в воображении картины войны и мира [24, с. 78–83].

Сочинение Измайлова можно рассматривать в разных контекстах: культурно-идеологическом, конкретно-историческом, литературном. Исторический аспект его творчества в целом положительно оценил крымский исследователь В. Н. Даниленко. «*В. В. Измайлов, – пишет он, – неплохо знал историю своей страны*», сведущ во всемирной истории, знает древнегреческий язык и латынь, знаком с древними писателями – Хрисиппом, Диодором, Страбоном, Плутархом, Афинеем, Саллюстием, Овидием. Измайлов высказывает собственные соображения по поводу легенд, имевших отношение к древним памятникам. У него были реалистические понятия об исторических и археологических памятниках, по крайней мере, никто из прочих путешественников (ни О. Мармон, ни Н. С. Всеволожский, ни А. Н. Демидов) не предполагал, что курганы – это «*могилы, где скрываются следы войны и ос-*

татки человечества». Так же смело Измайлов рассуждает о «пещерных городах» как месте укрытия генуэзцев от турок и татар, о колонизации берегов Черного моря. Наш автор питает нескрываемый интерес к философии, побуждая читателей задуматься о прошлом, о смысле жизни и пользе истории, знакомит читателей с остроумными мыслями и догадками, которые, впрочем, были не более чем итогом его собственных умозаключений [25, с. 61–65].

«Москва ни по ком не плачет»

Судьбы многих известных людей того времени складывались так, что приходилось оставлять Москву на длительное время, а порой и навсегда. Родиться в Москве, но провести большую часть жизни вдалеке от родного города выпало на долю путешествовавших по Крыму А. Н. Демидова, Г. В. Геракова, А. С. Грибоедова.

Драматург, писатель, дипломат, **Александр Сергеевич Грибоедов** (1795–1829) странствовал по Крыму в 1825 году. Его путевые заметки, написанные после этого вояжа, были опубликованы в «Русском слове» в мае 1859 года (№ 5).

Грибоедов прибыл на полуостров около 20 июня 1825 года и пробыл там до середины сентября. Обосновался он в симферопольской гостинице «Афины» на улице Салгирной (ныне ул. Кирова, 25), периодически гостил в имениях своих крымских знакомых, в частности в имении Саблы (ныне с. Каштановое, *Симф.*) Андрея Михайловича Бороздина. Александр Сергеевич встречался в Крыму со многими культурными и общественными деятелями: Н. Н. Оржицким, советником казенной палаты в Крыму Н. В. Сушковым [26, с. 12–13; 27, с. 525], А. Н. Муравьевым [28, с. 9], П. П. Свиныным, чиновниками В. Д. Офреном, Ф. Д. Ревелиотти, помещиками А. К. Боду, П. И. Лангом, А. И. Султан Крым-Гиреем, возможно, с поэтом А. Мицкевичем.

С 24 июня по 12 июля Грибоедов проделал большое путешествие по полуострову, ознакомившись с крымскими предгорьями Симферополя и Алушты, Южным берегом – от Алушты до Фороса, побывал в Байдарской долине, посетил Балаклаву, Георгиевский монастырь и Севастополь, осмотрел «пещерные города» – Инкерман, Мангуп-Кале, Чуфут-Кале. Весь этот путь он описал в своих лаконичных дорожных заметках. За оставшееся до сентября время побывал в Судаке, Феодосии и Керчи.

Александр Сергеевич серьезно подготовился к своему путешествию: изучил карты и вышедшие на тот момент работы о Крыме – «Родословную историю о татарах» Албугази-Баядур-Хана (Пер. с фр. СПб., 1768), поэму С. С. Боброва «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонесе» (Николаев, 1798), «Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсонеса в 1781 и 1782 годах» В. Ф. Зуева (СПб., 1787), «Топографическое описание Таврической области» П. С. Палласа (СПб., 1795), «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола (СПб., 1824).

Вопреки расхожему мнению поездка в Крым была для Грибоедова не неожиданной случайностью, он прибыл сюда в поиске сведений для своих новых драматических произведений, посвященных крещению князя Владимира в Корсуни в 988 году и князю Федору Рязанскому [29, с. 113, 114]. Эти замыслы, которым, однако, не суждено было сбыться (см. письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 9 и 12 сентября 1825 г.), привели поэта в Севастополь и на древнюю землю Херсонеса. 1 и 2 ию-

ля он провел в Балаклаве. Ему понравился небольшой, но опрятный городок, в особенности тихая, как пруд, бухта и прекрасный вид, открывающийся с горы на местечко и окрестности. Вечером 2 июля Александр Сергеевич достиг Севастополя, посетив по пути Георгиевский монастырь. На следующий день состоялась морская поездка в Инкерман. Мост, названный автором ханским, церковь, пещеры в горе, древняя крепость проходят перед глазами путешественника, который не берется рассуждать об их происхождении. В вопросах исторических он досконален и ставит под сомнение даже устоявшееся мнение о существовании монастыря в Инкермане. Вечером путники вернулись в Севастополь и посетили древнее селение у карантина – Херсонес. Здесь видели стены и башни, улицы и акведуки, пещеры загородного некрополя, множество холмов и земельные наделы древних херсонеситов. Посвятив следующий день путешествию к западному мысу Херсонеса, Грибоедов покинул Севастополь 5 июля и отправился в Бахчисарай.

Свой крымский вояж он тщательно задокументировал, так что мы имеем бесценные записки о «грибоедовской» Тавриде.

Анатолий Николаевич Демидов (1812/1813–1870), третий сын Николая Никитича Демидова и Елизаветы Строгановой, князь Сан-Донато, родился в Москве. Долгое время жил в Париже, в Россию вернулся в 1830 году. Будучи наследником огромных богатств и целой металлургической империи, молодой Анатолий осваивал свои капиталы и службу действительного статского советника в Министерстве иностранных дел, выделял крупные суммы на благотворительность. Он состоял при русском посольстве во Флоренции, Риме, Вене, Лондоне и Париже вплоть до 1836 года. Из-за проблем со здоровьем вышел в отставку и остался за границей, где, собственно, и прожил большую часть своей жизни [30, с. 210; 31].

В 1837 году в Крыму работала большая группа французских специалистов, исследования которых стали значительным шагом в изучении юга России и Крыма. В результате вояжа было написано сочинение, в работе над которым трудились все участники экспедиции: «Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, членом Императорской С.-Петербургской Академии наук и искусств, Императорского С.-Петербургского университета, и академий Парижской, Мюнхенской, Стокгольмской». Книга несколько раз издавалась на французском языке в Париже; в переводе на русский язык она увидела свет в Москве в 1853 году. Ее украшали рисунки, сделанные одним из членов экспедиции – художником Огюстом Раффе – и запечатлевшие облик Крыма и его обитателей почти двухсотлетней давности.

Получив приглашение в Крым от генерал-губернатора края Михаила Семеновича Воронцова, путешественники во главе с А. Н. Демидовым не замедлили отправиться на обозрение полуострова. Они объехали Южный берег Крыма (Алушта, Ялта, Алупка, Кастропуло – одно из владений отца Анатолия Демидова), осмотрели Симферополь, Бахчисарай, Севастополь и его округу, Евпаторию, Карасубазар, Феодосию, Керчь.

Севастополь на страницах сочинения Демидова представлен как крупнейший военно-морской порт не только Крыма, но и всей Южной России. Путешественники стали свидетелями рождения Черноморского флота, им выпала возможность увидеть

крупнейшие военные корабли в полной боевой готовности, а некоторые даже посетить (например, фрегат «Бугас»). (В тот момент флот готовился к смотру, который планировалось провести после прибытия в Севастополь военно-морского министра А. С. Меншикова.) Побывали они и в казармах, которые показались им муравейником, где проживало около 30 тыс. солдат, обслуживавших *«превосходные доки для починки кораблей»*. Видели *«замечательные здания»* в Севастополе – соборы, адмиралтейство, башни. Посетили дом севастопольского архитектора и инженера И. И. Уптона, благодаря стараниям которого город превратился в надежную и прекрасно обустроенную крепость, сочетающую четкую функциональность и изящество.

Из Севастополя А. Н. Демидов предпринял поездку в Инкерман. Автор ошибочно называет Инкерман Стеносом (Ктенос, Ктенунт – гавань, упоминаемая Страбоном; ее обычно отождествляют с Большой Севастопольской бухтой) и Феодосией (имеется в виду Феодоро, поскольку античная Феодосия находилась там, где расположена нынешняя Феодосия, что по масштабам Крыма далеко от Инкермана) и констатирует: *«Теперь от него остались только развалившиеся стены и башни да множество маленьких пещер, высеченных на отвесной стороне горы»* [32, с. 160].

Покидая Севастополь, путешественники сетовали на отсутствие гостиниц, а в остальном город им понравился. Демидов был поражен его строгой атмосферой: здесь не было мест для общественных гульбищ, жители ложились спать не позднее 10 часов вечера. Среди прочих особенностей он отметил многочисленность жителей – около 60 тыс. человек – и полное отсутствие татарских домов. Демидов фиксировал все объекты, которые встречались ему и его спутникам по пути. К таковым, в частности, относится санаторий, устроенный неподалеку от Севастополя.

Взору путешественников предстали памятники старины – еще не столь разрушенные, как в наше время. Херсонес был *«сильной и долго процветавшей греческой колонией»*, исчезнувшей *«задолго до нашей эры»* (и в этом А. Н. Демидов ошибается – ведь Херсонес существовал вплоть до XV в. н.э.) [32, с. 162]. Осматривать Херсонес путешественники не стали и, продолжив путь через *«доли пашен»* древних владельцев (участки граждан на сельской территории их государства-полиса), прибыли в Георгиевский монастырь. Предавшись поэтическим размышлениям о мифических героях Ифигении, Оресте и Пиладе, А. Н. Демидов искал здесь следы храма *«Таврополианской Дианы»* (то есть храм Артемиды, где служила Ифигения). Но, не найдя никаких *«данных для исследований, кроме некоторых камней, разбросанных там и сям»*, решил двигаться дальше – в Балаклаву.

Балаклава предстала пред путешественниками в виде *«кучки хижин, обнесенной полуразвалившимися стенами»* [32, с. 166]. Здесь их привлекла генуэзская крепость. Взобравшись на вершину горы, Демидов осмотрел башни, цистерны для воды, *«водопроводные трубки»*, получив *«высокое понятие о построениях, какие мог некогда могущественный народ воздвигать для упрочения своего владычества в основанных им поселениях»* [32, с. 167].

Демидов, как и другие авторы его времени, в своих описаниях склонен к некоторой идеализации и преувеличениям.

«За делом и в Москву невелик проезд»

В XIX веке Москва наряду со столичным Петербургом оставалась главным научным и культурным центром России, местом сосредоточения образованной светской публики. Попасть в круг этих людей стремились выходцы из провинций, пополняя ряды жителей столиц; приезжали сюда и иностранцы. Москвичами в течение определенного периода своей жизни могли называть себя К. И. Габлиц, В. В. Пассек, Д. М. Перевошиков, Н. Н. Мурзакевич, И. М. Муравьев-Апостол, П. П. Свиньин.

Немецкий и российский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, географ, почетный академик Петербургской Академии наук **Карл Иванович (Карл-Людвиг) Габлиц** (1752–1821) славен своими научными экспедициями по территории России, благодаря которым он обогатил мировую и российскую науку. Уроженец Кенигсберга, Габлиц обрел в России вторую родину, когда его семья в 1758 году переселилась в Москву. По окончании гимназии Московского университета он был зачислен в студенты медицинского факультета, с 17 лет участвовал в научных экспедициях от Академии наук.

В Крыму Габлиц оказался по приглашению Григория Александровича Потемкина. Ему было поручено заняться описанием новоприобретенных Россией земель. Некоторое время он жил в Крыму (в 1786 году Потемкин пожаловал Габлицу виноградный сад в Судакской долине и одну из лучших дач около Балаклавы, которую называли Карловкой), изучал особенности его живой и неживой природы.

Путешествие Габлица по полуострову состоялось весной 1784 года. Он объехал степную и горную части Таврики. Свои исследования изложил в монографии «Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы», увидевшей свет в Санкт-Петербурге в 1785 году (эту книгу Габлиц готовил к приезду Екатерины II в Крым, состоявшемся в 1787 году). В 1803 году там же вышел еще один его труд – «Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии»; в нем собраны свидетельства древних и средневековых авторов о Крыме. Книга ценна не только уникальными сведениями о полуострове, но и редким для своего времени иллюстративным материалом. В нее вошли «Карта полуострова Таврического и около лежащих мест, сочиненная по известиям генуэзских писателей», «Карта полуострова Таврического и около лежащих мест, сочиненная по известиям греческих писателей древних и средних времен» и «Карта полуострова Таврического и около лежащих мест с означением татарских наименований мест, городов, рек, морей» [См. о нем: 33, с. 115; 34; 35, с. 211–212; 36; 37, с. 18–21; 39].

Для нас представляет интерес та часть «Географических известий», в которой Карл Иванович касается «следов древнего греческого города Херсона» [14]. Одним из первых он собрал все известные ему названия города и совершил этимологический анализ имен, которые давали Херсонесу прежние владыки, – «Херсонисос», «Хероне», «Херсон», «Ираклия Херсонисос», «Мегарице», «Корсунь», «Сарсона», «Чорчина», «Сары-Кирман» [39, с. 145–146]. Опираясь на труды Страбона и Плиния, Габлиц выяснил местоположение древнего города (между двумя бухтами – Балаклавской и Севастопольской), определил его размеры, реконструировал ход древ-

ней истории Херсонеса. По всей видимости, ученый был знаком с сочинением «Крымское ханство» И. Тунманна, вслед за которым к числу херсонских провинций он отнес область Кастра тон Климатон (или крепости Климатов – область между Судакком и Балаклавой), населенную готами [39, с. 149; 40]. Габлиц подробно описал средневековую историю города, в этот пассаж вошли сведения о системе управления Херсона, внутренней политике византийской администрации в отношении этой области, об отношениях херсонитов с хазарами и о крещении в Корсуни князя Владимира [39, с. 151–153].

Поездка Карла Ивановича за пределы древнего городища Херсонеса заставила его вновь обратиться к «Географии» Страбона. С ее помощью Габлиц пытался определить местоположение стены, построенной понтийским военачальником Диофантом, и города Ктенуса (помещал его в устье Севастопольской бухты); полагал, что древний храм Таврической Дианы (Артемиды, Девы) находился на месте Георгиевского монастыря, а длинные каменные стенки в округе Херсонеса служили древним жителям для хозяйственных нужд и укрепления склонов холмов [39, с. 154–155].

Собранные и систематизированные автором материалы составили базис исторических знаний о Крыме для последующих поколений путешественников, а его выводы часто ложились в основу исторических рассуждений многочисленных исследователей Крыма.

Другим иностранцем, переехавшим в Россию и некоторое время жившим в Москве, был шотландец **Роберт Лайелл** (1790–1831), перу которого принадлежит замечательный образец путевой литературы и ценный источник по истории Крыма первой четверти XIX века [См. о нем: 41–45]. Выпускник Эдинбургского университета, Лайелл, имевший медицинское образование, с 1815 года жил и занимался врачебной практикой в России. Сочинение «Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии», вышедшее в Лондон в 1825 году, было написано им после поездки в Крым и на Кавказ, состоявшейся в 1822 году.

В этом путешествии Лайелл сопровождал в качестве врача и секретаря трех богатых и знатных иностранцев (маркиза Пуччи, графа Салазара и Эдварда Пенрина). К поездке в Крым он готовился, вероятно, памятуя о том, что ему предстоит стать для них ученым гидом. В связи с чем составил своеобразный историографический обзор работ о Крыме. В его сочинении фигурируют труды древних и современных ему авторов: Страбона, П. С. Палласа, А. Маршалла фон-Биберштейна, доктора Киммеля, Н. С. Всеволожского, А. М. Щекатова, Г. де Кастельно, М. Хоулдернесс, Э. Д. Кларка, он использовал карты, изготовленные в Картографическом депо в Санкт-Петербурге. Чаще прочих авторов Лайелл упоминает в своем труде П. С. Палласа, ссылается на его авторитет при описании Перекопского перешейка, Симферополя, Ханского дворца в Бахчисарае, «пещерных городов» Крыма, Севастополя, Инкермана, Ялты, Гурзуфа, Аю-Дага, Алушты, Судака, Феодосии – практически всех мест, которые попадались на пути его маршрута. Помимо того, Лайелл владел классическими языками и мог читать античные надписи.

По дороге в Севастополь Лайелл остановился в Инкермане, видел описанную Палласом часовню, которая со времен путешествия последнего находилась все так

же «в плачевном состоянии» [46, р. 279]. Немецкий ученый, по всей видимости, описал храм № 2 в скале на левом берегу реки Черной, который уже в конце XVIII века пострадал от обвала скалы [47, с. 51]. В настоящее время этот храм, условно называемый часовней, отремонтирован – его северная стена, бывшая прежде скальной, сложена из камня, алтарная часть заложена каменной кладкой. Так же, как и во времена Лайелла, на стенах видны следы греческой надписи [48, с.89].

Повторяя маршрут Палласа, Лайелл переправился на правый берег реки Черной и оказался у подножия Монастырской скалы. Описывая многочисленные кельи и пещеры, он повторяет Палласа, сравнивая гроты с огромным улеем [46, р. 279]. Лайелл не гонится за оригинальностью в описаниях и не растрчивает внимание читателей на излишние лирические отступления – это говорит о том, что для него главное – правдивая историческая картина, которую он находит в труде Палласа, авторитетнейшего ученого своего времени.

Осмотр инкерманских пещер англичанин продолжил на противоположном берегу реки Черной. Идя по пути Палласа, Лайелл отправился к церкви, расположенной восточнее храма «Вознесения» Загайтанской скалы; церковь эту описал и зарисовал П.С. Паллас [47, с. 50–51]. В настоящее время эта церковь почти разрушена, от нее сохранились лишь восточная и северная стены и часть потолка у алтаря [48, с. 82]. Этот храм более всего пострадал от обвала, случившегося в 1794 году.

Аналогичные пещеры автор видел недалеко от деревни Карани¹, возле Балаклавы, в районе Каракобы², возле Мангупа, в деревне Шулы³, на Тепе-Кермене, Кыз-Кермене, возле Чуфут-Кале. Соглашаясь в целом с мнением Палласа об арианском происхождении пещерных комплексов в крымских горах, Лайелл не исключает и такую вероятность, что «пещеры были вырыты местными жителями для укрытия от летней жары или воинами Боспорского царства во времена войн с Херсонесом и таврами для защиты от непогоды» [46, р. 280–283].

Внимание путешественника привлекли стены, башни, храмы, акведуки и общественные здания древнего Херсонеса. «Память о Херсонесе осталась только в книгах, – пишет он. – Сейчас Севастополь узурпировал его место. Наши потомки несколько лет могут быть заняты в области сбора и описания колонн, капителей, арок, в расшифровке надписей с камней и мраморных плит» [46, р. 298]. Средневековый Херсонес-Херсон известен ему прежде всего как место крещения Владимира, но, к удивлению путешественника, «правительство России или сами русские не чувствуют религиозное величие города, где их великий князь стал членом той веры, которую он впоследствии ввел на своей территории и которую они до сих пор исповедуют» [46, р. 298].

Лайелл отправился осматривать Георгиевский монастырь и крепость Балаклавы. По мнению Палласа, последняя «была построена греками, но подновлена генуэзцами» [47, с. 67]. Однако наш путешественник уверен в том, что ее возвели гену-

¹ Карстовая пещера, известная также как Харанлых-Хоба, в районе совр. с. Флотское (Севаст.).

² Длинный скальный обрыв, протянувшийся от с. Терновка (Бахч.) к западу, в направлении Мекензиевых гор.

³ В районе современного с. Терновка (Бахч.) находятся пещеры монастыря Чилтер, или Челтер-Мармара, в скальном обрыве Чилтер-Кая.

эзцы. Он говорит о частых обвалах и обрушениях крепости, «*чему подвержены стены и зубцы ее*» и что угрожает маяку, построенному среди руин [46, р. 305].

Имея богатый опыт странствий и зная европейские объекты, Лайелл мог сравнивать крымские древности с виденным в Европе. Свежий взгляд иностранного воюжера открывает новые грани в описании привычных для нас мест.

В Москве периодически жил **Иван Матвеевич Муравьев-Апостол** (1762–1851), государственный деятель и писатель, отец декабристов. Служба в Коллегии иностранных дел открыла ему путь к дипломатической карьере: он был полномочным министром в Копенгагене, затем членом государственной комиссии иностранных дел, далее последовало его назначение на пост вице-президента иностранной коллегии, а в 1802 году он стал полномочным министром в Испании. Отечественная война 1812 года застала Муравьева-Апостола в Петербурге, откуда он уехал в Нижний Новгород, а после войны вернулся в Москву. Участие в общественной и литературной жизни Москвы стало основным содержанием следующих лет его жизни. После подавления восстания 1825 года и смерти сыновей Иван Матвеевич покинул родину.

Путешествие Муравьева-Апостола в Крым состоялось в 1820 году. Готовясь к поездке, он в течение нескольких лет изучал труды Геродота, Страбона, Плутарха, Плиния [49, с. 214]. Итогом его вояжа стало сочинение «Путешествие по Тавриде в 1820 году», увидевшее свет в Санкт-Петербурге в 1823 году. Это путевые записки, облаченные в форму сентиментальных писем. Их 25, они повествуют о поездках автора из деревни Саблы в Севастополь, Феодосию, Керчь, Судак, Бахчисарай, Старый Крым.

Иван Матвеевич был восхищен Севастополем – его живописным местоположением, удобной гаванью, прекрасными видами, сравнивал город с Лиссабоном и Неаполем. Он совершил путешествие через весь Гераклейский полуостров, подтвердил верность сообщений Страбона, кое-что, однако, уточнив в описаниях древнегреческого географа. Так, например, он предположил, что пассаж Страбона о Херсонесе дошел до нас не полностью (утерян параграф с описанием Севастопольской бухты), а то, что ученые изучили, истолковано неверно. Взгляды на локализацию древних объектов, основанные на анализе текстов сочинений древних историков и географов и на наблюдениях путешественников, по мнению Муравьева-Апостола, не подкреплены археологическими данными, поэтому требуют корректив. Он в целом соглашался с общеустоявшимся мнением о местоположении древних памятников: Новый Херсонес локализовал на берегах Карантинной бухты; гавань Символов – в Балаклаве; древний Ктенус – в Севастопольской бухте (причем писал о гавани Ктенус, сомневаясь в существовании города с таким же именем) [50, с. 96].

Особый интерес вызывают его доказательные рассуждения о месте расположения храма и капища Девы на Святом мысу [50, с. 86–92]. Иван Матвеевич оспаривает мнение П. С. Палласа о том, что их следует искать в окрестностях Георгиевского монастыря. У Страбона, пишет он, ясно сказано, что священный мыс находился перед развалинами древнейшего Херсонеса, стало быть, искать храм надо на крайнем западном мысу Гераклейского полуострова.

Муравьев-Апостол описал древние стены Херсонеса, его некрополь, загородные усадьбы [50, с. 55–86]. Побывал на мысе Фиолент, посетил Георгиевский монастырь,

а в завершение своей поездки по Гераклеяскому полуострову – Инкерман и Балаклаву [50, с. 93–105] (рис. 3). В Инкермане его внимание привлекли Монастырская скала, церковь под основанием крепости и ее интерьер, ведущие наверх две каменные лестницы, а также сама крепость: стены, башни, глубокий ров. Перейдя речку Узень (Черную) по каменному трехарочному мосту, автор очутился на противоположном берегу у «южной» инкерманской горы, отметив в ней схожую церковь, пещеры и похоронные погребки [50, с. 99]. Вкушая прелести гостеприимства полковника Ревелиотти и размышляя о наименовании Балаклавы, Иван Матвеевич описывал ее как греческий город, населенный арнаутами. Он видел стены и башни крепости Чембало, построенной греками и перешедшей впоследствии в руки генуэзцев. Ее название – Чембало – автор связывает с искажением итальянцами имени Символон [50, с. 100].

«Путешествие...» И. М. Муравьева-Апостола уже современниками было названо одним из первых научных историко-географических трудов о Крыме, существенно дополнивших сведения древних авторов о полуострове.

В Москве прошли юношеские и молодые годы историка и географа, писателя, публициста **Павла Петровича Свиньина** (1787–1839). Будущий издатель и журналист, двоюродный дядя Михаила Юрьевича Лермонтова, он родился в усадьбе Ефремово Костромской области. Учился в Благородном пансионе при Московском университете, состоял в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Он был членом Общества истории и древностей российских, созданного при Московском университете в 1804 году.

Свиньин имел богатый опыт путешествий – Европа, США, но, по его словам, «России не знал», поэтому у него «проснулся интерес к национальному прошлому» [51]. На страницах своего знаменитого литературного детища – журнала «Отечественные записки» – Павел Петрович публиковал впечатления от своих путешествий, среди которых была и поездка по южным областям России в поисках археологических памятников [52, с. 86]. В 1826 году вышло продолжение «Обозрения путешествия издателя “Отечественных записок” по России в 1825 году относительно археологии», посвященное Крыму [53]. Автор рассказывает о древних памятниках, которые ему довелось увидеть на Южном берегу Крыма, в Балаклаве, Инкермане, Севастополе.

Первой из памятников Юго-Западного Крыма на пути Свиньина оказалась Балаклава. Краткая справка о ней содержит упоминание о гавани Символов, где промышляли разбоем тавроскифы, о генуэзской крепости и современному автору городе греков-арнаутов. Георгиевский монастырь назван им древнейшим в Крыму, построенным греками [53, с. 111]. Прежде, пишет он, здесь были «драгоценные следы Дианы храма, прославленного Ифигенией» [53, с. 112].

Пространство между монастырем и Севастополем, как полагал Свиньин, было местом расположения древнейшего (Старого) Херсонеса. А в городе, что на берегу Карантинной бухты, то есть в Новом Херсонесе, путешественник видел насыпи, остатки стен, улиц, колодцев, акведуков. Церковь на центральной площади города он, как и К. И. Габлиц, считал местом крещения Владимира. Оценил он по заслугам роль адмирала Грейга в раскопках Херсонеса и в устройстве Севастополя. Современный Севастополь, говорит Свиньин, построен «по мановению Потемкина» [53, с. 117]. Специально отмечает, что в городе есть хорошая библиотека.

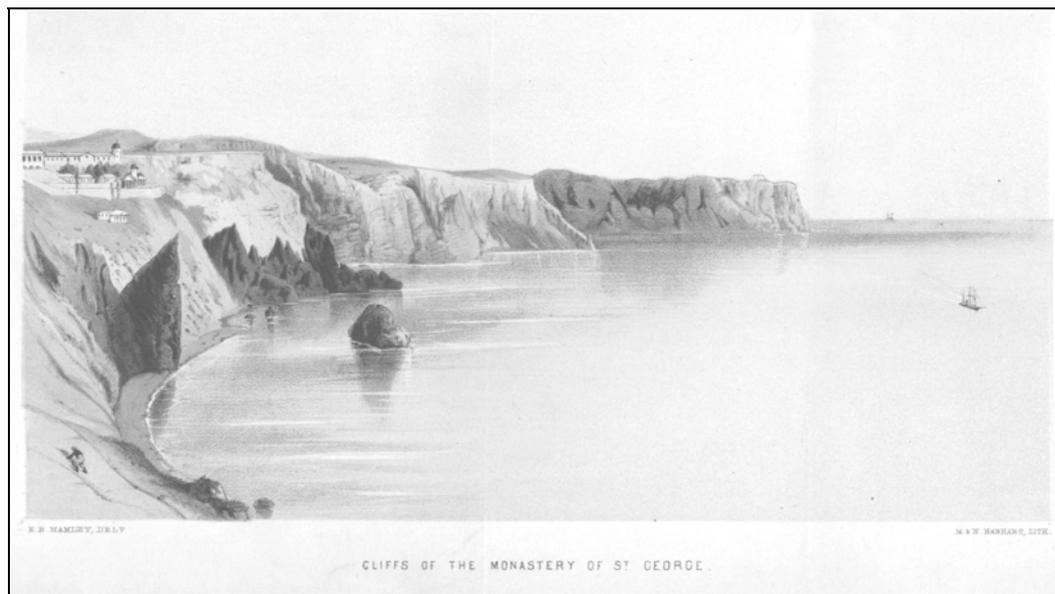

Рис. 3. Эд. Хамли. Георгиевский монастырь. Литография. 1850-е гг. Из книги: Hamley E. B. The story of the campaign of Sevastopol, written in the camp by leut.-col. E. Bruce Hamley. Edinburgh and London, 1855.

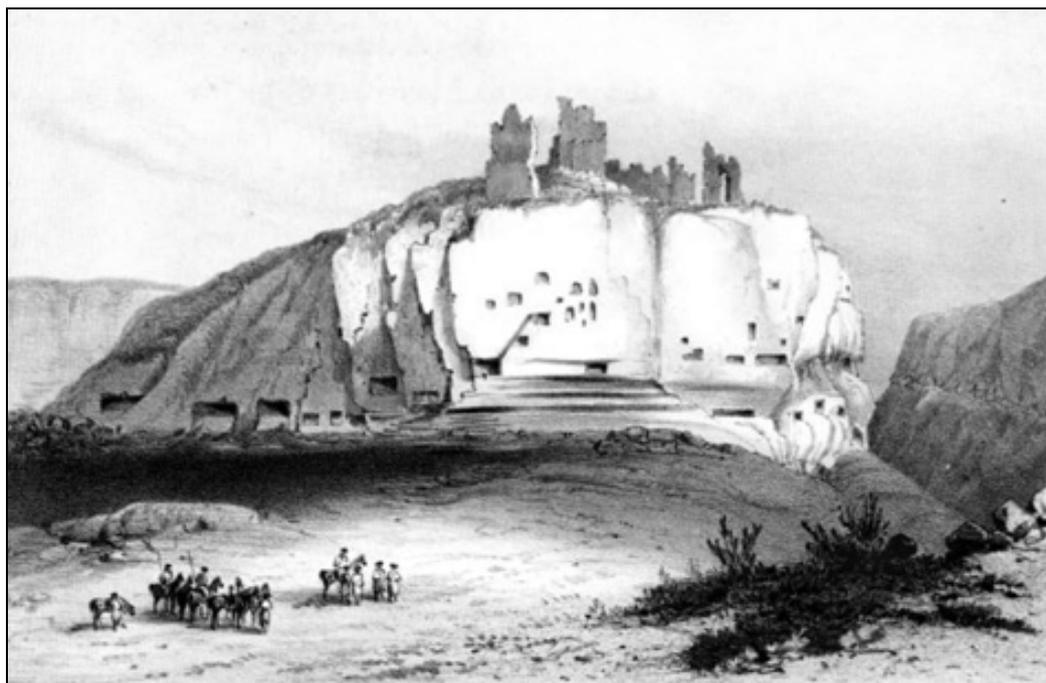

Рис. 4. В. Руссен. Крепость Каламита (Инкерман). Литография. Начало 1850-х гг. Из книги: Villeneuve de E. Album historique et pittoresque de la Tauride. Paris, 1853.

Следующим пунктом путешествия был Инкерман – «крепость Дори», «подземное царство, ископанное в высоких берегах Черной речки» [53, с. 117–118]. Инкерманские пещеры Свиньин называет жилищами первобытных обитателей Крыма, которые позже служили убежищем для христиан. Так он попытался примирить противоречивые мнения об их назначении. Отечественная наука о древностях на тот момент была на этапе становления, поэтому даже дилетанты в области истории позволяли себе делать смелые предположения относительно некоторых сложных вопросов истории края (рис. 4).

Вопрос о функциональном назначении скальных вырубов в Инкермане волновал многих путешественников. Например, француз Ш. Ж. Ромм полагал, что виденные им сооружения могли быть возведены греческими мореплавателями, которые строили жилье на скале и под ней в условиях отсутствия дерева; по другой версии, высказанной им же, пещеры строили славяне, оказавшиеся в этих местах во время похода князя Владимира и осаждавшие с ним Херсон [54, с. 115–116]. В начале XIX столетия исследователи продолжали связывать возникновение столь большого количества искусственных пещер с воинским контингентом, который размещался здесь для защиты от набегов неприятелей. Именно такую формулировку решения вопроса встречаем мы в сочинениях россиянина В. Б. Броневского [55, с. 18] и француза Ж. Ф. Гамбы. Последний полагал, что пещеры Эктенуса (искаж. Ктенуса; Гамба имел ввиду Инкерман) были частью республики Херсонес и появиться могли только благодаря усилиям его жителей; количество пещер было столь велико, что в них мог поместиться целый город; пещеры могли служить убежищем в военное время [56, р. 34]. Англичанин Ч. Б. Эллиот считал, что пещеры, вырытые под крепостью, составляли отдельный город, который использовался местными жителями для хранения продуктов и в качестве убежища [57, р. 324].

Очевидно, что эти путешественники видели в пещерах средство защиты населения от внешних опасностей или считали их местом хранения припасов. С подобным мнением соглашался российский писатель, историк и путешественник В. В. Пассек, хотя и считал, что наиболее уязвимыми были жители древнейших («доисторических») времен – именно они создавали и использовали пещеры; защищаясь от непогоды, диких зверей и врагов, древнейшие обитатели полуострова подсажали «более поздним племенам» средство спасения от преследований. Следовательно, в Инкермане, по мнению Пассека, есть пещеры как доисторические, так и те, что «приходятся на память истории» [58, с. 159].

Однако большая часть вояжеров повторяла П. С. Палласа, считавшего, что «секта ариев», потерпевшая «многие преследования в Византии», искала в Крыму спасения [47, с. 50]. А по мнению П. П. Свиньиного, многочисленность вырытых пещер свидетельствовала о том, что в них жили не просто беглецы-переселенцы, а обитало постоянное население, причем многомиллионное, поскольку эти пещеры находят не только в Крыму, но также на Кавказе и в Анатолии [53, с. 119–120].

С Москвой и Крымом связаны краткие эпизоды биографии историка и археолога **Николая Никифоровича Мурзакевича** (1806–1883). Родом из Смоленска, он в 1825 году поступил на философский факультет Московского университета, по окончании одного недолго работал домашним учителем в Москве. В 1830 году пере-

ехал в Одессу, поступил на службу в Ришельевский лицей, где преподавал всеобщую историю и географию. В 1838 году Мурзакевич защищает в Московском университете магистерскую диссертацию, посвященную истории генуэзских колоний в Крыму. В Москву он неоднократно приезжал также для участия в работе научных собраний, археологических съездов, на заседания Московского общества истории и древностей российских и Московского археологического общества, членом которых являлся. Николай Никифорович был одним из главных организаторов Одесского общества истории и древностей, основанного в 1839 году и сыгравшего большую роль в жизни крымских музеев и в деле сохранения памятников истории и культуры Крыма [59; 60, с. 79–113; 61; 62, с. 105–143; 63, с. 74–92; 64, с. 240–243].

Его научные взгляды оформились благодаря регулярным поездкам и путешествиям по югу России. Крым он посещал множество раз. Бывал в Симферополе, Бахчисарае, Евпатории, Севастополе, Балаклаве, на Южном берегу, особенно часто – в Судаке, Феодосии, Керчи. После первого путешествия издал отрывки из своих путевых записок в «Одесском вестнике» в 1836 году, а в следующем году – большую работу «Поездка в Крым в 1836 году» в «Журнале Министерства народного просвещения». В дальнейшем регулярно посещая Крым, он публиковал отчеты о своих поездках в «Записках ООИД», боролся с разрушениями средневековых памятников Феодосии, Судака, Алушты, изыскивал средства на их ремонтные и реставрационные работы, на археологические раскопки в Херсонесе, много внимания уделял крымским музеям.

Его путешествие в Крым, состоявшееся в 1836 году, было морским (из Одессы до Евпатории, из Феодосии до Керчи) и сухопутным (на повозках и верхом на лошадях). Он обращается к прошлому и настоящему полуострова, проявляя особенный интерес к памятникам истории и культуры.

Внимание Мурзакевича привлекали надписи античного и средневекового времени, которые он сам видел, переводил и публиковал. В Херсонесе он заинтересовался надгробием Феагена и плитой с надписью в честь византийского императора Зинона [32, с. 39, 41]. Осматривая Севастополь, заметил древние мраморные плиты в основаниях новых домов.

Развалины Херсонеса Николай Никифорович называет драгоценными для всякого русского, так как с ними связано крещение Руси. Здесь он видел остатки древних стен, улиц, площадей, водопроводов, башен, но главное – остатки византийской церкви, по поводу коей вопрошает: не остатки ли это храма Дианы и не здесь ли свершилось Святое крещение Владимира? Недалеко от этих руин он заметил насыпь и предположил, что она была образована в ходе осады города киевским князем. Древние христианские святыни описываются Мурзакевичем с любовью и благоговением, например, Инкерманский и Георгиевский монастыри. Древнейший (Старый) Херсонес он помещал на берегах бухты Фанари, у западного Херсонесского маяка.

Во многом наш автор вторит наблюдениям и выводам И. М. Муравьева-Апостола, в первую очередь, когда речь заходит о древностях, поиске древних городов и поселений [32, с. 39].

Путешествие 1836 года в Крым особенно запомнилось Н. Н. Мурзакевичу, благодаря чему и родились его столь ценные для современных исследователей записки о Крыме.

В том же, 1836 году Крым посетил историк, писатель и типограф **Николай Сергеевич Всеволожский** (1772–1857). В Москве он жил с перерывами. В 1808 году был назначен вице-президентом и управляющим московским отделением Медико-хирургической академии. В 1809-м основал типографию. В 1839 году было опубликовано его двухтомное сочинение «Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836–1837 годах».

Автор отмечает, что полуостров «слишком отдален от столицы» и «ничто не привлекает туда селиться богатых» [65, с. 81]. Между тем, осмотрев Симферополь и проехав по южнобережным имениям, он убедился в том, что «Крым оживает» благодаря стараниям М. С. Воронцова, который «любит Крым и лелеет его как свое милое дитя» [65, с. 81].

Севастополь, Балаклаву и Херсонес путешественник видел только с борта корабля по пути в Одессу. Без комментариев он упоминает генуэзское укрепление в Балаклаве, Георгиевский монастырь, маяк на мысе Херсонес, а также сам древний город Херсонес, где «Владимир Великий познал христианскую веру» [65, с. 85]. Севастополь, гавань «превосходная и необходимая» [65, с. 82], лишь мелькнул вдалеке.

Поэт, критик и переводчик **Василий Андреевич Жуковский** (1783–1852) учился и некоторое время жил в Москве. Его поэтическая и писательская карьера началась после окончания Московского университетского благородного пансиона. В Москве же состоялась проба пера. Отсюда в 1812 году он отправился в ополчение.

В Крыму поэт бывал дважды – в 1832 и 1837 годах, в ходе второго вояжа он сопровождал цесаревича Александра, осмотрел побережье от Алушты до Севастополя, побывал в Бахчисарае, создал альбом акварелей и рисунков [См. о нем: 66; 67].

О пребывании на полуострове Жуковский рассказывает в своем дневнике, отрывки из которого были напечатаны в «Русской старине» в июне 1902 году и в этом же году – в «Известиях ТУАК» (№ 34). Эти лаконичные записи сделаны для того, чтобы позже восстановить ход событий. Обращаясь к ним, читатель может пометать, пофантазировать о Крыме, нанизывая свое воображение на основу, созданную поэтом.

Прогуливаясь по Севастополю, Василий Андреевич нарисовал акварель с бухтой. Побывал он в Георгиевском монастыре и в Балаклаве. В его дневнике – краткие, но точные и образные отметки: «Приезд поздно в Севастополь. Переезд на катере на мокрых шинелях. Остановился в комнатах Барановой. 13, понедельник. Поутру с архитектором бродил по городу. Вид с башни телеграфа. На башне адмиралтейской. Рисовал бухту. Потом в монастырь св. Георгия. Дорога пустынная. Излишняя колокольня; митрополит гостеприимный. Возвратился в 7 часов, поехав в 12» [32, с. 299].

Долгое время в Москве жил **Вадим Васильевич Пассек** (1807/1808–1842), историк, этнограф, писатель. Уроженец города Тобольска, он учился на этико-политическом отделении философского факультета Московского университета. Окончательно переехал в Москву в 1839 году [См. о нем: 68, с. 329–340; 69; 70].

Одним из первых Пассек стал совершать археологические путешествия. Тогда в практику входили поездки к местам, где сохранились древности, чему способствовали начавшиеся археологические раскопки на юге России. Потребность в изучении истории объяснялась тем, что *«в жизни каждый возраст есть пояснение другого»*, а значит, только так можно постичь *«сущность и картину жизни»* [71, с. 181]. Древние народы рассматривались как члены одной семьи, при этом греки – самые *«поэтичные и изящные»* – возвышались над всеми прочими народами из-за своего *«врожденного сочувствия ко всему гармоничному и прекрасному»* [71, с. 182]. В 1837–1838 годах Вадим Васильевич с целью *«исторических обозрений»* предпринял поездку *«от Дона до Днепра и от Харькова до Черного моря»* [72, с. 209–215; 73, с. 61–69]. В Крыму изучал статистику, а заодно – историю и археологические памятники. Их описания оформились в *«Отрывки из путешествия по Крыму»* [58, с. 151–175]. Это короткие эссе: «Таврида», «Бахчисарайский фонтан слез и памятник Марии», «Памятник крымских ханов: Хаджи-Герая и Менгли-Герая» (сочинение посвящено Эски-Юрту). Среди достопримечательностей Юго-Западного Крыма автор называет пещеры первобытных людей, *«вырытые в камне от непогоды, врагов и зверей»*; храм Дианы на мысу, что неподалеку от монастыря Св. Георгия; *«остатки колонн и стен Херсонеса»* у Севастопольской гавани [58, с. 159–161]. Сведения о древностях у Пассека, однако, крайне скудны, изложены в общем историческом очерке, но очевидно, что памятники старины интересовали его не меньше, чем других путешественников.

Некоторое время жил в Москве беллетрист **Николай Федорович Туровский** (1811–1884). Родился он в селе Покровское Задонского уезда Воронежской губернии (ныне село Репец Задонского района). Его детство прошло в Липецке, а юность – в Москве, где он учился в Университетском благородном пансионе. С 1832 года служил в Петербурге. В 1841 году по делам службы был откомандирован в южные районы России. Воспоминания об этой поездке стали поводом для написания *«Дневника поездки по России в 1841 году»*, опубликованного в «Русской старине» в 1913 году (Т. 155). В Москву Туровский не вернулся, но город этот знал, любил, имел там много знакомых.

6 августа 1841 года Николай Федорович прибыл в Крым по Азовскому морю. Керчь, Феодосия, Карасубазар, Симферополь, Алушта, Ялта, другие места Южного берега, Перекоп сразили его своей живописной природой, восточным обликом. К сожалению, Евпатория, Севастополь, Балаклава и даже Бахчисарай остались лишь в его мечтах: попасть туда он так и не смог, не сумев уговорить на эту поездку своего спутника [74]. Интерес Туровского к памятникам древности был огромен, и если бы он оказался в Херсонесе, то наверняка детально описал бы место древнего города, как сделал это в Керчи.

Служебную поездку из Петербурга в Крым совершил математик, писатель, экстраординарный академик Императорской Академии наук **Дмитрий Матвеевич Перевоицков** (1788–1880). Уроженец Саранска (по другим сведениям – города Шишкеева Пензенской губернии), он отучился в казанской гимназии и был принят в Казанский университет. В 1818 году переехал в Москву, преподавал в Московском университете. Выйдя в отставку, переселился в Петербург.

Рис. 5. К. Боссоли. Общий вид Севастополя. Литография. 1840-е гг. Из книги: *Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли*. Симферополь, 2014.

Во время петербургского периода жизни он совершил путешествие на юг России и описал его в небольшом сочинении «Путешествие из Петербурга в Крым и обратно», напечатанном в «Современнике» в 1853 году (№ 1. Отд. 6). Вояж начался 18 сентября 1853 года. В Симферополь он прибыл 3 октября и путешествовал по Крыму до середины ноября 1853 года. Побывал в Перекопе, Бахчисарае, Севастополе, Балаклаве, Алушке, Ялте, Алуште. Весь путь детально описал, рисуя картины предвоенного Крыма (уже в октябре 1853 года началась Крымская война).

Севастополь, великолепный, по его словам, город, был надежно защищен береговыми батареями, его население состояло почти полностью из мужчин (рис. 5). Среди достопримечательностей автор называет красивые улицы, доки, адмиралтейство, арсенал, публичную библиотеку, театр, дом благородного собрания, памятник Казарскому и, конечно, развалины Херсонеса. Из Севастополя он отправился в Балаклаву. С этими местами у Дмитрия Матвеевича были связаны некоторые курьезы: в Севастополе его спутник отравился устрицами, а в Балаклаве они заблудились во время вечерней прогулки и вынуждены были заночевать на станции, оставшись без чая, ужинали крымской луковицей. Во время этой прогулки путешественники, вполне возможно, видели остатки древних сельских наделов херсонеситов [75].

Сочинения, написанные о Севастополе и его округе в конце XVIII – первой половине XIX века людьми приезжими, представляли интерес для их современников и во многих отношениях ценны для нас. В них довоенный Севастополь выглядит неприступной морской крепостью, городом, жившим торговлей. В сознании гостей Крыма он еще не был местом русской воинской славы. Очаровывала его размерен-

ная жизнь, восхищали остатки старины. Все здесь способствовало размышлениям о смысле человеческой жизни, судьбах народов и государств. Такими размышлениями наполнены сочинения многих путешественников. Связь между Москвой и Севастополем в это время крепла, и подтверждение тому – записки о Крыме и Севастополе столичных вояжеров. Крымская (Восточная) война стала переломным этапом в ходе истории Крыма. Иным с тех пор стало и восприятие полуострова как в России, так и за ее пределами. Многие изменилось в жизни Крыма и Севастополя после 1856 года, но неизменным оставался интерес к полуострову, и сюда продолжали ехать все новые и новые путешественники, оставляя свои записки современникам и потомкам.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамов А. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / сост. А. А. Абрамов. – 2-е изд. : доп. – СПб. : типо-лит. Лурье, 1904. – 171 с.
Abramov A. A. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy / sost. A. A. Abramov. – 2-e izd. : dop. – SPb. : tipo-lit. Lur'e, 1904. – 171 s.
2. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий; Ин-т укр. археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – Киев : [б.и.], 1999. – 211 с. – (Сер. : «Научно-справочные издания по истории Украины» ; вып. 46).
Nepomnyashchiy A. A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX veka) / A. A. Nepomnyashchiy; In-t ukr. arkhologii i istochnikovedeniya im. M. S. Grushevskogo NAN Ukrainy. – Kiev : [b.i.], 1999. – 211 s. – (Ser. : «Nauchno-spravochnye izdaniya po istorii Ukrainy» ; vyp. 46).
3. Honnorat S.-J. Dictionnaire provençal-français : ou, Dictionnaire de la langue d'oc, Ancienne et Moderne suivi d'un vocabulaire français provençal [in 3 t.] / par S.-J. Honnorat. – Digne : Repos, 1846–1848. – Т. 3 : P–Z. – 1420 p.
4. Dictionnaire de l'Académie française / Institut de France. – 6 ed. – Paris : Firmin-Didot frères, 1835. – Т. 2. – 961 p.
5. Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX века / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Таврида, 1998. – 207 с.
Nepomnyashchiy A. A. Ocherki razvitiya istoricheskogo kraevedeniya Kryma v XIX – nachale XX veka / A. A. Nepomnyashchiy. – Simferopol' : Tavrida, 1998. – 207 s.
6. [Вигель Ф. Ф.] Воспоминания : [в 7 ч.] / Ф. Ф. Вигель. – М. : Университетская тип., 1864–1865. – Ч. 5. – 1865. – 218 с.
[Vigel' F. F.] Vospominaniya : [v 7 ch.] / F. F. Vigel'. – M. : Universitetskaya tip., 1864–1865. – Ch. 5. – 1865. – 218 s.
7. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / П. И. Сумароков ; предисл. и комм. Т. М. Фадеевой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2012. – 208 с.
Sumarokov P. I. Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu / P. I. Sumarokov ; predisl. i komm. T. M. Fadeevoy. – Simferopol' : Biznes-Infom, 2012. – 208 s.
8. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду : в 2 ч. / П. И. Сумароков. – СПб. : печ. в Имп. тип., 1803–1805. – Ч. 1. – 1803. – [4], 244 с.
Sumarokov P. I. Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu : v 2 ch. / P. I. Sumarokov. – SPb. : pech. v Imp. tip., 1803–1805. – Ch. 1. – 1803. – [4], 244 s.
9. Штерн Э. Р. О местонахождении древнейшего Херсонеса / Э. Р. Штерн // ЗООИД. – 1896. – Т. 19. – С. 99–103.
Shtern E. R. O mestonakhzhdenii drevneyshego Khersonesa / E. R. Shtern // ZOOID. – 1896. – Т. 19. – С. 99–103.
10. Зедгенидзе А. А. Раскопки «Древнего Херсонеса» Страбона / А. А. Зедгенидзе // АО 1985 г. / отв. ред. В. П. Шилов. – М. : Наука, 1987. – С. 330.

СЕВАСТОПОЛЬ И ЕГО БЛИЖАЙШАЯ ОКРУГА В СОЧИНЕНИЯХ МОСКОВСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО КРЫМУ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Zedgenidze A. A. Raskopki «Drevnego Khersonesa» Strabona / A. A. Zedgenidze // АО 1985 г. / отв. ред. V. P. Shilov. – М. : Nauka, 1987. – С. 330.

11. Бертье-Делагард А. Л. Раскопки предполагаемого местонахождения древнего Херсонеса / А. Л. Бертье-Делагард // МАР. – 1893. – № 12. – С. 55–64.

Bert'e-Delagard A. L. Raskopki predpolagaemogo mestonakhozhdeniya drevnego Khersonesa / A. L. Bert'e-Delagard // МАР. – 1893. – № 12. – С. 55–64.

12. Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация / А. Н. Щеглов // Проблемы истории и археологии Крыма : сб. науч. трудов БГИКЗ / ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1994. – С. 8–42.

Shcheglov A. N. «Staryu» Khersones Strabona. Ukreplenie na peresheyke Mayachnogo poluostrova: topografiya i fortifikatsiya / A. N. Shcheglov // Problemy istorii i arkheologii Kryma : sb. nauch. trudov BGIKZ / red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Tavriya, 1994. – С. 8–42.

13. Щеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) / А. Н. Щеглов // История и археология Юго-Западного Крыма / ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1993. – С. 10–38.

Shcheglov A. N. Osnovnye strukturnye elementy antichnoy mezhevoy sistemy na Mayachnom poluostrove (Yugo-Zapadnyy Krym) / A. N. Shcheglov // Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma / red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Tavriya, 1993. – С. 10–38.

14. Щеглов А. Н. О времени возникновения «старого» Херсонеса Страбона / А. Н. Щеглов // Античное общество : проблемы истории и культуры : тез. докл. научн. конф. 9–11 марта 1995 г. / СПбГУ, ист. ф-т. – СПб. : [изд. СПбГУ], 1995. – С. 46–49.

Shcheglov A. N. O vremeni vozniknoveniya «starogo» Khersonesa Strabona / A. N. Shcheglov // Antichnoe obshchestvo : problemy istorii i kultury : tez. dokl. nauchn. konf. 9–11 marta 1995 g. / SPbGU, ist. f-t. – SPb. : [izd. SPbGU], 1995. – С. 46–49.

15. Щеглов А. Н. Крепостные стены «старого» Херсонеса / А. Н. Щеглов // Фортификация в древности и средневековье : матер. методолог. семинара / ИИМК РАН. – СПб. : [ИИМК], 1995. – С. 44–49.

Shcheglov A. N. Krepostnye steny «starogo» Khersonesa / A. N. Shcheglov // Fortifikatsiya v drevnosti i srednevekov'e : mater. metodolog. seminar / ИИМК РАН. – СПб. : [ИИМК], 1995. – С. 44–49.

16. Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: 4 траншея 1967 года в вершине Казачьей бухты / А. Н. Щеглов // Бахчисарайский историко-археологический сборник / ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2001. – Вып. 2. – С. 53–77.

Shcheglov A. N. «Staryu» Khersones Strabona. Ukreplenie na peresheyke Mayachnogo poluostrova: 4 transheya 1967 goda v vershine Kazach'ey bukhty / A. N. Shcheglov // Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik / red.-sost. Yu. M. Mogarichev, I. N. Khrapunov. – Simferopol' : Tavriya-Plyus, 2001. – Вып. 2. – С. 53–77.

17. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический / С. Ю. Сапрыкин. – М. : Наука, 1986. – 248 с.

Saprykin S. Yu. Gerakleya Pontiyskaya i Khersones Tavricheskiy / S. Yu. Saprykin. – М. : Nauka, 1986. – 248 с.

18. Зубарь В. М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеиском полуострове : история раскопок и некоторые итоги изучения / В. М. Зубарь. – Киев : Стилос, 2007. – 318 с.

Zubar' V. M. Khora Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleyskom poluostrove : istoriya raskopok i nekotorye itogi izucheniya / V. M. Zubar'. – Kiev : Stilos, 2007. – 318 с.

19. Соловьев А. Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. Ю. Соловьев ; ИРЛ РАН. – СПб., 2011. – 24 с.

Solov'ev A. Yu. «Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu» V. V. Izmaylova v kontekste russkoy literatury puteshestviy kontsa XVIII – nachala XIX vekov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01 / A. Yu. Solov'ev ; IRL RAN. – SPb., 2011. – 24 с.

20. Прохорова И. Е. В. В. Измайлов – издатель и журналист первой трети XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / И. Е. Прохорова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1995. – 20 с.

Prokhorova I. E. V. V. Izmaylov – izdatel' i zhurnalist pervoy trety XIX v. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.10 / I. E. Prokhorova ; MGU im. M. V. Lomonosova. – М., 1995. – 20 с.

21. Прохорова И. Е. «Просвещение есть могущество» : В. В. Измайлов московские издания начала XIX в. / И. Е. Прохорова // ВМУ. – Сер. X : Журналистика. – 1993. – № 6. – С. 34–42.
 Prokhorova I. E. «Prosveshchenie est' mogushchestvo» : V. V. Izmaylov moskovskie izdaniya nachala XIX v. / I. E. Prokhorova // VMU. – Ser. X : Zhurnalistika. – 1993. – № 6. – S. 34–42.
22. Прохорова И. Е. В. В. Измайлов и его журнал «Российский музей» в системе периодической печати середины 1810-х гг. / И. Е. Прохорова // ВМУ. – Сер. X : Журналистика. – 1995. – № 2. – С. 76–80; № 3. – С. 68–74; № 4. – С. 66–74; № 5. – С. 69–79.
 Prokhorova I. E. V. V. Izmaylov i ego zhurnal «Rossiyskiy muzeum» v sisteme periodicheskoy pechati serediny 1810-kh gg. / I. E. Prokhorova // VMU. – Ser. X : Zhurnalistika. – 1995. – № 2. – S. 76–80; № 3. – S. 68–74; № 4. – S. 66–74; № 5. – S. 69–79.
23. Прохорова И. Е. В. В. Измайлов-цензор: регулирование литературно-журнального процесса / И. Е. Прохорова // ВМУ. – Сер. X : Журналистика. – 1998. – № 4. – С. 9–22.
 Prokhorova I. E. V. V. Izmaylov-tsenzor: regulirovanie literaturno-zhurnal'nogo protsessa / I. E. Prokhorova // VMU. – Ser. X : Zhurnalistika. – 1998. – № 4. – S. 9–22.
24. Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию : в 4 ч. / [Соч.] Владимира Измайлова. – [2-е изд.]. – М. : в тип. Христоф. Клаудия, 1805. – Ч. 3. – 142 с.
 Izmaylov V. V. Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu : v 4 ch. / [Soch.] Vladimira Izmaylova. – [2-e izd.]. – M. : v tip. Khristof. Klaudiya, 1805. – Ch. 3. – 142 s.
25. Даниленко В. Н. Владимир Измайлов едет на юг / В. Н. Даниленко // КНП. – 1998. – № 4. – С. 61–65.
 Danilenko V. N. Vladimir Izmaylov edet na yug / V. N. Danilenko // KNP. – 1998. – № 4. – S. 61–65.
26. Сушков Н. В. Московский университетский благородный пансион и воспитанники московского университета, гимназий его, университетского благородного пансиона и Дружеского общества / Н. В. Сушков. – М. : Унив. тип., 1858. – 122 с.
 Sushkov N. V. Moskovskiy universitetskiy blagorodnyy pansion i vospitanniki moskovskogo universiteta, gimnaziyu ego, universitetskogo blagorodnogo pansiona i Druzheskogo obshchestva / N. V. Sushkov. – M. : Univ. tip., 1858. – 122 s.
27. Ярославский В. И. Записки / В. И. Ярославский // Киевская старина. – 1887. – № 11. – С. 505–548.
 Yaroslavskiy V. I. Zapiski / V. I. Yaroslavskiy // Kievskaya starina. – 1887. – № 11. – S. 505–548.
28. Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами / А. Н. Муравьев. – Киев : тип. И. и А. Давиденко, 1871. – 35 с.
 Murav'ev A. N. Znakomstvo s russkimi poetami / A. N. Murav'ev. – Kiev : tip. I. i A. Davidenko, 1871. – 35 s.
29. Муравьев А. Н. Из моих воспоминаний / А. Н. Муравьев // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / [вступ. ст., сост. и подгот. текста С. А. Фомичева ; коммент. П. С. Краснова, С. А. Фомичева]. – М. : Худож. лит., 1980. – С. 113–114.
 Murav'ev A. N. Iz moikh vospominaniy / A. N. Murav'ev // A. S. Griboedov v vospominaniyakh sovremennikov / [vstup. st., sost. i podgot. teksta S. A. Fomicheva ; komment. P. S. Krasnova, S. A. Fomicheva]. – M. : Khudozh. lit., 1980. – S. 113–114.
30. Юркин И. Н. Демидовы : ученые, инженеры, организаторы науки и промышленности / И. Н. Юркин. – М. : Наука, 2001. – 333 с.
 Yurkin I. N. Demidovy : uchenye, inzhenery, organizatory nauki i promyshlennosti / I. N. Yurkin. – M. : Nauka, 2001. – 333 s.
31. Прохорова Т. А. Анатолий Николаевич Демидов и его «Путешествие в Южную Россию и Крым...» / Т. А. Прохорова // КНП. – 2009. – № 152. – С. 92–97.
 Prokhorova T. A. Anatoliy Nikolaevich Demidov i ego «Puteshestvie v Yuzhnuyu Rossiyu i Krym...» / T. A. Prokhorova // KNP. – 2009. – № 152. – S. 92–97.
32. Петрова Э. Б. Крымские путешествия : Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (к 200-летию юбилею Н. В. Гоголя) / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 328 с.
 Petrova E. B. Krymskie puteshestviya : N. N. Murzakevich, A. N. Demidov (k 200-letnemu yubileyu N. V. Gogolya) / E. B. Petrova, T. A. Prokhorova. – Simferopol' : Biznes-Infom, 2011. – 328 s.
33. Из плеяды первых : к 225-летию К. И. Габлица : библиографический список / сост. Р. И. Ушатая // КНП. – 2007. – № 98. – Т. 2. – С. 115–118.

**СЕВАСТОПОЛЬ И ЕГО БЛИЖАЙШАЯ ОКРУГА В СОЧИНЕНИЯХ МОСКОВСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО КРЫМУ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

- Iz pleyady pervykh : k 225-letiyu K. I. Gablitsa : bibliograficheskiy spisok / sost. R. I. Ushataya // KNP. – 2007. – № 98. – Т. 2. – С. 115–118.
34. Габлиц Карл-Людвик Иванович // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : типо-лит. И. А. Ефрона, 1892. – Т. 7 А (14) : Выговский – Гальбан. – С. 753.
- Gablits Karl-Lyudovik Ivanovich // Entsiklopedicheskiy slovar' / izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb. : tipolitografiya I. A. Efrona, 1892. – Т. 7 А (14) : Vygovskiy – Gal'ban. – С. 753.
35. Русские ботаники : биографо-библиографический словарь / сост. С. Ю. Липшиц ; отв. ред. В. Н. Сукачев ; Моск. о-во испытателей природы, Ботан. ин-т им. В. Л. Комарова АН СССР. – М. : Моск. об-во испытателей природы, 1947. – Т. 2 : Быков – Горленко. – 336 с.
- Russkie botaniki : biografo-bibliograficheskiy slovar' / sost. S. Yu. Lipshits ; otv. red. V. N. Sukachev ; Mosk. o-vo ispytateley prirody, Botan. in-t im. V. L. Komarova AN SSSR. – М. : Mosk. ob-vo ispytateley prirody, 1947. – Т. 2 : Выков – Горленко. – 336 с.
36. Дружинин С. А. К. И. Габлиц в Тавриде / С. А. Дружинин // Крымские каникулы : сб. для туристов и краеведов / сост. Л. А. Литвинова. – Симферополь : Таврия, 1985. – Кн. 2. – С. 224–230.
- Druzhinin S. A. K. I. Gablits v Tavride / S. A. Druzhinin // Krymskie kanikuly : sb. dlya turistov i kraevedov / sost. L. A. Litvinova. – Simferopol' : Tavriya, 1985. – Кн. 2. – С. 224–230.
37. Ена В. Г. Открыватели земли крымской : очерки об исследователях природы Крыма / В. Г. Ена. – Симферополь : Крым, 1969. – 135 с.
- Ena V. G. Otkryvateli zemli krymskoy : ocherki ob issledovatelyakh prirody Kryma / V. G. Ena. – Simferopol' : Krym, 1969. – 135 s.
38. Ена В. Г. Первая монография о природе Тавриды : к 215-летию выхода в свет книги К. И. Габлица / В. Г. Ена // Пилигримы Крыма : осень '2000 : путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : матер. : в 2 т. / V Крымская междунар. науч.-практ. конф., Крым, Симферополь, 7-8 окт. 2000 г. ; [редкол. : В. П. Казарин (ред.) и др.]. – Симферополь : Крым. арх., 2001. – С. 202–210.
- Ena V. G. Pervaya monografiya o prirode Tavridy : k 215-letiyu vykhoda v svet knigi K. I. Gablitsa / V. G. Ena // Piligrimy Kryma : osen' '2000 : puteshestiya po Krymu, puteshestvenniki o Kryme : mater. : v 2 t. / V Krymskaya mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Krym, Simferopol', 7-8 okt. 2000 g. ; [redkol. : V. P. Kazarin (red.) i dr.]. – Simferopol' : Krym. arkh., 2001. – С. 202–210.
39. [Болхитинов Е. А.]. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму / [Болхитинов Е. А.] // ОЗ. – 1822. – № 22. – Ч. 9. – С. 144–157. – Изд. под псевд. : Е.
- [Bolkhitinov E. A.]. O sledakh drevnego grecheskogo goroda Khersona, donyine vidimykh v Krymu / [Bolkhitinov E. A.] // OZ. – 1822. – № 22. – Ch. 9. – S. 144–157. – Izd. pod psevd. : E.
40. Юрочкин В. Ю. Первые отечественные исследователи крымских готов : [Электрон. ресурс] / В. Ю. Юрочкин, Н. С. Емельянова // Таврические студии : мат. междунар. научно-практ. конф. «Археология и история Боспора». – Режим доступа : <http://ts.uncat.crimea.ua/pdf4/27.pdf>.
- Yurochkin V. Yu. Pervye otechestvennye issledovateli krymskikh gotov : [Elektron. resurs] / V. Yu. Yurochkin, N. S. Emel'yanova // Tavricheskie studii : mat. mezhdunar. nauchno-prakt. konf. «Arkheologiya i istoriya Vospora». – Rezhim dostupa : <http://ts.uncat.crimea.ua/pdf4/27.pdf>.
41. Деремедведь Е. Н. Крым глазами путешественника Р. Лайелла / Е. Н. Деремедведь // КНП. – 2002. – № 43. – С. 163–169.
- Deremedved' E. N. Krym glazami puteshestvennika R. Layella / E. N. Deremedved' // KNP. – 2002. – № 43. – С. 163–169.
42. Лайелл Р. Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию / пер. А. И. Петрова // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., предисл. и ред. В. К. Гарданов. – Нальчик : Эльбрус, 1974. – С. 322–328.
- Layell R. Puteshestvie v Rossiyu, Krym, Kavkaz i Gruzuyu / per. A. I. Petrova // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. / sost., predisl. i red. V. K. Gardanov. – Nal'chik : El'brus, 1974. – С. 322–328.
43. Колесникова Н. Н. Путешествие в Крым Роберта Лайела в 1822 году / Н. Н. Колесникова // Пилигримы Крыма : осень '99 : путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : IV Крым. междунар. науч.-практ. конф., Крым, Симферополь, 16-17 окт. 1999 г. : матер. : в 2 т. / Крым. центр гуманитар. исслед. и др. ; [редкол. : В. П. Казарин и др.]. – Симферополь : Крым. Архив, 2000. – С. 22–29.
- Kolesnikova N. N. Puteshestvie v Krym Roberta Layela v 1822 godu / N. N. Kolesnikova // Piligrimy Kryma : osen' '99 : puteshestiya po Krymu, puteshestvenniki o Kryme : IV Krym. mezhdunar. nauch.-prakt.

konf., Krym, Simferopol', 16-17 okt. 1999 g. : mater. : v 2 t. / Krym. tsentr gumanitar. issled. i dr. ; [redkol. : V. P. Kazarin i dr.]. – Simferopol' : Krym. Arkhiv, 2000. – S. 22–29.

44. Колесникова Н. Н. Забытое свидетельство о Крыме : путешествие Роберта Лайелла / Н. Н. Колесникова, О. Колесникова // Крымский альбом : ист.-краевед. и лит.-худож. альманах / сост. Д. А. Лосев. – Феодосия ; М. : Коктебель, 2003. – С. 8–17.

Kolesnikova N. N. Zabytoe svidetel'stvo o Kryme : puteshestvie Roberta Layella / N. N. Kolesnikova, O. Kolesnikova // Krymskiy al'bom : ist.-kraeved. i lit.-khudozh. al'manakh / sost. D. A. Losev. – Feodosiya ; M. : Koktebel', 2003. – S. 8–17.

45. Орловская Н. К. О некоторых иностранцах, встречавшихся в Грузии с А. С. Грибоедовым / Н. К. Орловская // Новоспасский сборник : эпоха М. И. Глинки : музыка, поэзия, театр : матер. Всерос. науч.-практ. конф. 30 мая – 1 июня 2008 года / Смоленский гос. музей-заповедник ; [редкол. : Н. В. Деверилина, В. И. Елисеенкова, Г. В. Лобкова и др.]. – Смоленск : Смоленская гор. тип., 2008. – Вып. 5. – С. 243–250.

Orlovskaya N. K. O nekotorykh inostrantsakh, vstrechavshikhsya v Gruzii s A. S. Griboedovym / N. K. Orlovskaya // Novospasskiy sbornik : epokha M. I. Glinki : muzyka, poeziya, teatr : mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. 30 maya – 1 iyunya 2008 goda / Smolenskiy gos. muzey-zapovednik ; [redkol. : N. V. Deverilina, V. I. Eliseenkova, G. V. Lobkova i dr.]. – Smolensk : Smolenskaya gor. tip., 2008. – Вып. 5. – С. 243–250.

46. Lyall R. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia by Robert Lyall, M. D. F. L. S., member of the Royal Asiatic Society of London, of the Wernerian Natural History Society of Edinburgh, &c. &c. &c. : [in 2 vol.] / R. Lyall. – London : Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825. – Vol. 1. – 528 p.

47. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / П. С. Паллас ; пер. с нем. ; отв. ред. Б. В. Левшин ; сост. Н. К. Ткачева. – М. : Наука, 1999. – 246 с. – (Сер. : «Научное наследство» ; т. 27).

Pallas P. S. Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh / P. S. Pallas ; per. s nem. ; otv. red. B. V. Levshin ; sost. N. K. Tkacheva. – M. : Nauka, 1999. – 246 s. – (Ser. : «Nauchnoe nasledstvo» ; t. 27).

48. Могаричев Ю. М. Крым : «Пещерные города» / Ю. М. Могаричев. – Киев : Вища школа-XXI, 2010. – 280 с.

Mogarichev Yu. M. Krym : «Peshchernye goroda» / Yu. M. Mogarichev. – Kiev : Vishcha shkola-XXI, 2010. – 280 s.

49. Кошелев В. А. О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола / В. А. Кошелев // Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / сост., статья, примеч. В. А. Кошелева. – СПб. : Наука, 2002. – С. 191–230.

Koshelev V. A. O zhizni i sochineniyakh I. M. Murav'eva-Apostola / V. A. Koshelev // Murav'ev-Apostol I. M. Pis'ma iz Moskvy v Nizhniy Novgorod / sost., stat'ya, primech. V. A. Kosheleva. – SPb. : Nauka, 2002. – S. 191–230.

50. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году / [И. М. Муравьев-Апостол]. – СПб. : тип. состоящей при особенной канцелярии М-ва внутр. дел, 1823. – [4], XII, 337 с.

Murav'ev-Apostol I. M. Puteshestvie po Tavride v 1820 godu / [I. M. Murav'ev-Apostol]. – SPb. : tip. sostoyashchey pri osobennoy kantselyarii M-va vnutr. del, 1823. – [4], XII, 337 s.

51. Свиньин П. П. // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского русского ист. общ-ва А. А. Половцова. – СПб. ; М., 1896–1918. – Т. 18 : Сабанеев – Смыслов / изд. под наблюдением председателя Императорского русского ист. общ-ва А. А. Половцова. – СПб. : тип. В. Демакова, 1904. – С. 218–221.

Svin'in P. P. // Russkiy biograficheskiy slovar' / izd. pod nablyudeniem predsedatelya Imp. russkogo ist. obshch-va A. A. Polovtsova. – SPb. ; M., 1896–1918. – T. 18 : Sabaneev – Smyslov / izd. pod nablyudeniem predsedatelya Imp. russkogo ist. obshch-va A. A. Polovtsova. – SPb. : tip. V. Demakova, 1904. – S. 218–221.

52. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – С. 676.

Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina. – SPb. : Nauka, 2002. – S. 676.

53. [Свиньин П. П.] Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г. относительно археологии / П. П. Свиньин // ОЗ. – 1826. – Ч. 26. – Кн. 1. – № 72. – С. 102–125.
[Svin'in P. P.] Obozrenie puteshestviya izdatelya «Otechestvennykh zapisok» po Rossii v 1825 g. otnositel'no arkheologii / P. P. Svin'in // OZ. – 1826. – Ch. 26. – Kn. 1. – № 72. – S. 102–125.
54. Петрова Э. Б. Крымские путешествия : Шарль Жильбер Ромм : «Путешествие в Крым в 1786 году» / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 168 с.
Petrova E. B. Krymskie puteshestviya : Charl' Zhil'ber Romm : «Puteshestvie v Krym v 1786 godu» / E. B. Petrova, T. A. Prokhorova. – Simferopol' : Biznes-Infom, 2011. – 168 s.
55. Броневский В. Б. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 году / В. Б. Броневский. – Тула : в тип. губ. правления, 1822. – 192 с.
Bronevskiy V. B. Obozrenie Yuzhnogo berega Tavridy v 1815 godu / V. B. Bronevskiy. – Tula : v tip. gub. pravleniya, 1822. – 192 s.
56. Gamba J. F. Voyage dans la Russie méridionale : et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824 : [en 2 t.] / par le chevalier Gamba. – 2. éd. – Paris : chez C. J. Trouvé..., 1826. – Т. 1. – [4], lx, 444 p.
57. Elliott C. V. Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C. V. Elliott : in 2 vol. / C. V. Elliott. – London : R. Bentley, 1838. – Vol. 1. – 498 p.
58. Пассек В. В. Отрывки из путешествия по Крыму / В. В. Пассек // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком : [в 5 кн.]. – СПб. : в тип. Н. Греча, 1838–1842. – Кн. 1. – VIII, 280, [1] с.
Passek V. V. Otryvki iz puteshestviya po Krymu / V. V. Passek // Ocherki Rossii, izdavaemye Vadimom Passekom : [v 5 kn.]. – SPb. : v tip. N. Grecha, 1838–1842. – Kn. 1. – VIII, 280, [1] s.
59. Мурзакевич Н. Н. Николай Никифорович Мурзакевич : автобиография / прим. и биограф. очерк В. Д. Дабижа. – СПб. : тип. В. С. Балашева, 1889. – VIII, 233 с.
Murzakevich N. N. Nikolay Nikiforovich Murzakevich : avtobiografiya / prim. i biogr. ocherk V. D. Dabizha. – SPb. : tip. V. S. Balasheva, 1889. – VIII, 233 s.
60. Юргевич В. И. Исторический очерк пятидесятилетия императорского Одесского общества истории и древностей, 1839–1889 : к юбилею общества 14-го ноября 1889 года / В. И. Юргевич. – Одесса : тип. А. Шульце, 1889. – 121 с.
Yurgevich V. I. Istoricheskiy ocherk pyatidesyatiletia imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey, 1839–1889 : k yubileyu obshchestva 14-go noyabrya 1889 goda / V. I. Yurgevich. – Odessa : tip. A. Shul'tse, 1889. – 121 s.
61. Петрова Э. Б. Крымские путешествия : Н. Н. Мурзакевич / Э. Б. Петрова // МАИЭТ / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины ; отв. ред. : А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. – Симферополь : Таврия, 2007. – Вып. 13. – С. 614–632.
Petrova E. B. Krymskie puteshestviya : N. N. Murzakevich / E. B. Petrova // MAIET / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy ; otv. red. : A. I. Aybabin, V. N. Zin'ko. – Simferopol' : Tavriya, 2007. – Vyp. 13. – S. 614–632.
62. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina. – SPb. : Nauka, 2002. – 676 s.
63. Непомнящий А. А. Подвижники кримведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : изд-во «СГТ», 2006. – Т. 1. – 320 с. – (Сер. : «Библиография кримведения» ; вып. 7).
Nepomnyashchiy A. A. Podvizhniki krymvedeniya / A. A. Nepomnyashchiy. – Simferopol' : izd-vo «SGT», 2006. – T. 1. – 320 s. – (Ser. : «Bibliografiya krymvedeniya» ; vyp. 7).
64. Непомнящий А. А. Историчне кримвознавство (кінець ХVIII – початок ХХ століття) : біобібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бізнес-інформ, 2003. – 456 с.
Nepomnyashchiy A. A. Istorichne krimoznavstvo (kinets' XVIII – pochatok XX stolittya) : biobibliografichne doslidzhennya / A. A. Nepomnyashchiy. – Simferopol' : Biznes-inform, 2003. – 456 s.
65. Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах / [сочинение] Н. С. Всеволожского. – М. : в тип. Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической академии, 1839. – Т. 1. – [4], 495, IV.

Vsevolozhskiy N. S. Puteshestvie cherez Yuzhnyuyu Rossiyu, Krym i Odessu v Konstantinopol', Maluyu Aziyu, Severnyuyu Afriku, Mal'tu, Sitsiliyu, Italiyu, Yuzhnyuyu Frantsiyu i Parizh v 1836 i 1837 godakh / [sochinenie] N. S. Vsevolozhskogo. – M. : v tip. Avgusta Semena, pri Imp. Mediko-khirurgicheskoy akademii, 1839. – T. 1. – [4], 495, IV.

66. Зонтаг А. П. Воспоминание о первых годах детства Василия Андреевича Жуковского / А. П. Зонтаг // Русская мысль. – 1883. – Кн. 2. – С. 266–285.

Zontag A. P. Vospominanie o pervykh godakh detstva Vasiliya Andreevicha Zhukovskogo / A. P. Zontag // Russkaya mysl'. – 1883. – Кн. 2. – С. 266–285.

67. Мисайлиди Л. Е. Крымская тема в творчестве Н. Г. Чернецова и В. А. Жуковского / Л. Е. Мисайлиди // Крымский текст в русской культуре : мат. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 4–6 сент. 2006 г. / РАН ; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) ; под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. – СПб. : изд-во Пушкинского Дома, 2008. – С. 89–98.

Misaylidi L. E. Krymskaya tema v tvorchestve N. G. Chernetsova i V. A. Zhukovskogo / L. E. Misaylidi // Krymskiy tekst v russkoy kul'ture : mat. mezhdunar. nauch. konf. Sankt-Peterburg, 4–6 sent. 2006 g. / RAN ; In-t russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) ; pod red. N. Buks, M. N. Virolaynen. – SPb. : izd-vo Pushkinskogo Doma, 2008. – S. 89–98.

68. Пыпин А. Н. История русской этнографии : в 4 т. / А. Н. Пыпин. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1890. – Т. 1. – 430 с.

Pypin A. N. Istoriya russkoy etnografii : v 4 t. / A. N. Pypin. – SPb. : tip. M. M. Stasyulevicha, 1890. – T. 1. – 430 s.

69. Срезневский В. И. Вадим Васильевич Пасек и его письма к И. И. Срезневскому (1837–1839) / В. И. Срезневский // РС. – 1893. – № 5. – С. 379–402.

Sreznevskiy V. I. Vadim Vasil'evich Passek i ego pis'ma k I. I. Sreznevskomu (1837–1839) / V. I. Sreznevskiy // RS. – 1893. – № 5. – S. 379–402.

70. Пасек Т. П. Из ранних лет, из жизни дальней. Воспоминания Т. П. Пасек (1810–1842) / Т. П. Пасек // РС. – 1872. – Т. 6. – № 12. – С. 607–648; 1873. – Т. 7. – № 3. – С. 291–335.

Passek T. P. Iz rannikh let, iz zhizni dal'ney. Vospominaniya T. P. Passek (1810–1842) / T. P. Passek // RS. – 1872. – T. 6. – № 12. – S. 607–648; 1873. – T. 7. – № 3. – S. 291–335.

71. Андреевский Н. А. О значении древней истории / Н. А. Андреевский // Богословский вестник. – 1899. – Т. 2. – № 6. – С. 181–193.

Andreevskiy N. A. O znachenii drevney istorii / N. A. Andreevskiy // Bogoslovskiy vestnik. – 1899. – T. 2. – № 6. – S. 181–193.

72. Кирилин Д. С. Из истории первого археологического общества Южной России – Харьковского общества наук / Д. С. Кирилин // ВДИ. – 1979. – № 4 (150). – С. 209–215.

Kirilin D. S. Iz istorii pervogo arkheologicheskogo obshchestva Yuzhnoy Rossii – Khar'kovskogo obshchestva nauk / D. S. Kirilin // VDI. – 1979. – № 4 (150). – S. 209–215.

73. Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии / А. А. Формозов. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 128 с.

Formozov A. A. Ocherki po istorii russkoy arkheologii / A. A. Formozov. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1961. – 128 s.

74. Голомбиевский А. А. Дневник поездки по России в 1841 году / А. А. Голомбиевский // РС. – 1913. – Т. 155. – № 9. – С. 508–518.

Golombievskiy A. A. Dnevnik poezdki po Rossii v 1841 godu / A. A. Golombievskiy // RS. – 1913. – T. 155. – № 9. – S. 508–518.

75. Перевощиков Д. М. Путешествие из Петербурга в Крым и обратно / Д. М. Перевощиков // Современник. – 1853. – № 1. – Отд. 6. – С. 17–22.

Perevoshchikov D. M. Puteshestvie iz Peterburga v Krym i obratno / D. M. Perevoshchikov // Sovremennik. – 1853. – № 1. – Otd. 6. – S. 17–22.

Список сокращений

АН	– Академия наук
АО	– Археологические открытия (Москва)
Бахч.	– Бахчисарайский райсовет

СЕВАСТОПОЛЬ И ЕГО БЛИЖАЙШАЯ ОКРУГА В СОЧИНЕНИЯХ МОСКОВСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО КРЫМУ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

БГИКЗ	– Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник (ныне – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник)
ВДИ	– Вестник древней истории (Москва)
ВМУ	– Вестник Московского университета (Москва)
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИРЛ	– Институт русской литературы
КНП	– Культура народов Причерноморья (Симферополь)
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МАР	– Материалы по археологии России (Санкт-Петербург)
МГУ	– Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
НАН Украины	– Национальная академия наук Украины
ОЗ	– Отечественные записки (Санкт-Петербург)
ООИД	– Одесское общество истории и древностей (Одесса)
<i>Севаст.</i>	– Законодательное собрание города Севастополя
<i>Симф.</i>	– Симферопольский райсовет
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
РАН	– Российская академия наук
РС	– Русская старина (Санкт-Петербург)
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ТУАК	– Таврическая ученая архивная комиссия (Симферополь)
УЗ ТНУ	– Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (ныне – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь).

Petrova E. B., Prochorova T. A. Sevastopol and its neighborhood in the writings of Moscow travelers through the Crimea in the late XVIII – early XIX century / E. B. Petrova, T. A. Prochorova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 1. – P. 48–77.

The historical fates of twin-cities Moscow and Sevastopol were inextricably linked during the past two centuries. Start of long-term friendship between the two Russian cities was laid in the late XVIII century, when the first guests from Moscow (among them statesmen P. I. Sumarokov and I. M. Murav'ev-Apostol, scientist K. I. Gablits, historian N. N. Murzakevich, writers P. P. Svin'in and V. V. Passek) visited Sevastopol and examined the historical and architectural monuments, located near it. In their writings voyageurs told contemporaries about the southern capital of the Russian fleet. Today it is a valuable historical source, transporting us to Sevastopol and the surrounding area of two centuries ago.

Keywords: Moscow, Sevastopol, Crimea travelers of the late XVIII – early XIX century, historical and architectural monuments of Sevastopol and its surrounding area.

УДК 86.38

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЗАНА В СВЕТЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРЕДАНИЯ¹

Спивак И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Ispivaq@rambler.ru*

Анализируется мусульманское предание, связанное с возникновением азана. На базе сообщений Ибн Хишама, ал-Бухари и других источников автором выявляются особенности формирования традиции об азане. Обилие фантастических деталей в рассказе Ибн Хишама позволяет высказать предположение о его вторичном по отношению к другим источникам характере. Анализ религиозной практики доисламского населения Аравии свидетельствует, по мнению автора, об отсутствии в ней прототипов ежедневной регламентации ритуальных действий в форме устного призыва. Упоминание «рога иудеев» в мусульманской традиции об азане также не дает оснований для предположений о прямых влияниях и заимствованиях. Единственной традицией, где во времена пророка Мухаммада существовал призыв к молитве в форме ударов в било (колокол), являлось христианство. На примере сообщения Ибн Биби о мусульманском завоевании г. Судак и проникновении ислама на Крымский полуостров автор показывает устойчивую оппозицию (азан – колокол), сформировавшуюся в мусульманской традиции. В целом, по мнению автора, предание о возникновении азана следует рассматривать как повествование о возникновении отличительного знака ислама по отношению к другим конфессиональным общинам, рассказ об одном из этапов формирования религиозной идентичности мусульман.

Ключевые слова: азан, Ибн Хишам, иудеи, колокол, муаззин, Мухаммад, предание, ритуальная практика, г. Судак, христианство, шофар.

История формирования и особенности мусульманского священного предания всегда оставались в ряду актуальных проблем исламоведения. Очевидно, что вопросы, связанные с мусульманским преданием, в силу специфики источниковой базы, особенно важны для исследователей, изучающих ранние периоды истории ислама – время деятельности пророка Мухаммада и формирования исламской религиозной системы. Наглядным свидетельством повышенного интереса к обозначенной проблематике у отечественных востоковедов является выпущенный Институтом востоковедения РАН совместно с научно-издательским центром «Ладомир» в 2009 г. фундаментальный том мусульманской священной истории, посвященный жизни пророка Мухаммада [1]. Ранее мы уже касались ряда частных вопросов, связанных с особенностями изображения конфессиональных групп иудеев и христиан Аравии первой половины VII в. в тексте «Жизнеописания пророка Мухаммада» Ибн Хишама [2, с. 84–92]. Целью настоящего обращения к материалам мусульманского священного предания является рассмотрение вопроса о закономерностях отражения в нем некоторых особенностей ритуальной практики ислама. В отечественной историографии уже затрагивались проблемы, связанные с ритуальными установлениями раннего ислама, такими, например, как запрет на употребление вина и запрет на вкушение свинины [3, с. 36–43]. Предметом нашего интереса является круг вопросов, касающихся формирования дневного ритуального цикла в исламе, имеющего со

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России 1783–1825 гг.»

времени совершения Мухаммадом хиджры в качестве внешнего признака словесный призыв к молитве. О серьезности восприятия этого регламентирующего признака авторами мусульманского предания говорит, например, история резни, устроенной Халидом б. ал-Валидом в племени бану джазима, когда в качестве оправдания своим действиям он сослался на то, что «выжидал полдня, не нападая, пока не убедился, что джазимиты не возглашают призыва на молитву, и лишь после этого атаковал их» [4, с. 163].

История происхождения азана, как она представлена в тексте «Жизнеописания посланника Аллаха» Ибн Исхака – Ибн Хишама, выглядит следующим образом. «К Пророку, когда он приехал в Медину, приходили люди, чтобы молиться в назначенное время без специального призыва. Пророк тогда задумал сделать рог, подобно рогу иудеев, при помощи которого призывали к молитве. Потом отказался от этого. Затем велел сделать гонг. Был сделан гонг, при помощи которого он собирался призывать мусульман к молитве» [5, с. 170]. Следом помещен рассказ о чудесном видении, явившемся во сне Абдаллаху б. Зайду б. Саалаба б. Абд Раббихи, результатом которого стало появление устного призыва на молитву. «Приходил человек, одетый в два плаща зеленого цвета, а в руке он нес гонг. Я спросил его: «О раб Аллаха! не продашь ли ты этот гонг?». Он спросил: «А что ты с ним будешь делать?». Я ответил: «Будем при его помощи призывать к молитве». Он тогда сказал: «Хочешь, укажу тебе на нечто лучшее, чем это?». Я спросил: «А что же?». Он сказал: «Ты говори: «Аллах велик! Аллах велик! Аллах велик! Аллах велик! Свидетельствую, что нет божества кроме Аллаха! Свидетельствую, что Мухаммад – посланник Аллаха! Спешите к молитве! Спешите к молитве! Спешите к блаженству! Спешите к блаженству! Аллах велик! Аллах велик! Нет божества, кроме Аллаха» [5, с. 170]. Функцию дополнительного аргумента в пользу того, что избранная форма призыва к молитве – результат божественной воли, выполняет приведенная здесь же история, в соответствии с которой, Омар б. аль-Хаттаб увидел тот же самый сон накануне покупки двух деревьев для изготовления гонга. Известно, что одинаковые по содержанию сны, приснившиеся разным людям, во многих религиозных традициях рассматриваются как данное во сне откровение. Вероятно, для усиления этого эффекта предание было «обогащено» дополнительными деталями. «В версии Ж 706 (Ибн-Маджа. И. С.) сообщается также о стихах, которые Абдаллах сложил по этому поводу. Из них следует, что незнакомец являлся ему три ночи кряду. Повествуют и о похожем видении, посетившем Абу-Бакра (аль-Касталлани/І:323). Варианты: подобного видения были удостоены семь ансаритов; свыше десятка человек; четырнадцать человек» [1, с. 336]. Следует предположить, что эту же функцию в тексте Ибн Хишама выполняет приведенное свидетельство Убайда б. Умайра аль-Лайси о том, что когда Абдаллах пришел к Мухаммаду рассказать о своем сне, «к Пророку уже пришло откровение об этом» [5, с. 170].

Среди фантастических деталей в версии, переданной Ибн Хишамом, обращает на себя внимание загадочная фигура «советчика» Абдаллаха б. Зайда – «человека, одетого в два плаща зеленого цвета». Указание на цвет его одежд позволяет, как кажется, провести отождествление между ним и «одним из четырех «бессмертных» мусульманской мифологии» – ал-Хадиром (Хизром), который надежно ассоцииру-

ется в мусульманском предании с зеленым цветом и олицетворяет возрождающуюся растительную жизнь [6, с. 262]. Он упомянут как «раб из рабов Аллаха» и спутник пророка Мусы в суре «Пещера» (XVIII, 60–82) [7]. «Мудрый спутник пророка остался в Коране безымянным. Предание же затем дало ему имя ал-Хадир» [8, с. 112]. Анализ коранического отрывка позволяет утверждать, что в нем соединены легенды из двух более ранних источников – одна из версий Романа об Александре, в передаче Иакова Саругского (V–VI вв.) и притча о путешествии Иошуа бен Леви с пророком Илией, восходящие, в конечном счете, к эпосу о Гильгамеше [9, с. 238]. Обилие фантастических деталей в рассказе Ибн Хишама, а главное – идеологическая направленность его редакции первоначального текста Абу Абдаллаха Мухаммада б. Исхака [10, с. 9–11] – заставляют высказать предположение о вторичности сообщаемых им сведений относительно возникновения азана.

Несколько иначе – без упоминания о сверхъестественном вмешательстве – эту историю зафиксировали в своих сборниках хадисов ал-Бухари (350) и Муслим (193): «Передают, что Абдуллах ибн Умар, да будет доволен Аллах ими обоими, сказал: «В первое время после переселения мусульман в Медину они заранее собирались друг с другом и дожидались молитвы, примерно определяя время их начала, поскольку никто не призывал их на молитву. Однажды они стали обсуждать этот вопрос и кто-то сказал: «Заведите такой же колокол, как у христиан». Кто-то другой сказал: «Нет, лучше рог наподобие рога иудеев». Что же касается Умара, то он сказал: «А не поручить ли вам кому-нибудь призывать людей на молитву?». «Тогда посланник Аллаха велел: «О Биляль, встань и призови людей на молитву» [11; 12].

Как видно, в вопросе о выборе формы азана оба рассказа донесли до нас колебания членов мусульманской общины между двумя позициями, которые можно условно обозначить как «положительную» и «отрицательную», по отношению к христианам и иудеям. Выбор последней был не случаен. Не желая подражать и тем самым уступать первенство в религиозных вопросах христианам и иудеям, Мухаммад, согласно распространенной точке зрения, обратился к той практике, которая существовала еще в доисламской Аравии [13, с. 14]. Относительно надежные свидетельства о ее распространенности восходят ко времени так называемых «лжепророков», то есть спустя примерно десять лет после того, как она была принята Мухаммадом. Хорошо известно, что устный призыв к молитве для своих приверженцев практиковал «лжепророк» мусульманской традиции Мусайлима [4, с. 184; 14, с. 571]. Своему аззину призывал на молитву сторонников «лжепророчицы» Саджах [15, с. 202; 16, р. 738–739]. Относительно сходства религиозных практик Мухаммеда и его оппонентов высказывались различные точки зрения. Его объясняли как подражанием Мухаммаду со стороны «лжепророков», даже откровенным «скоморошничеством» [17, с. 50; 18, с. 255], так и «общей базой представлений и верований, на почве которых рождался арабийский монотеизм» [4, с. 183]. В этой связи следует отметить, что источники мусульманской традиции не зафиксировали ничего подобного азану в религиозной практике арабов эпохи джахилии. Хишам б. Мухаммад ал-Калби приводит следующие формы религиозного почитания в доисламской Аравии: установка и обход идолов, кровавые жертвоприношения, посвящение идолам части урожая, ритуальные возлияния, кормление идолов, многочисленные и разнообраз-

ные «дары», приносимые в наиболее почитаемые святилища, обривание волос перед идолами, посвящение языческим божествам животных, многочисленные индивидуальные стихотворные обращения к божествам [19]. Не упоминается ничего подобного принятому в исламе дневному циклу обязательных молитв, с их четкой временной регламентацией – призывом к молитве. Возможно, некий намек на существование в языческой Аравии практики, сходной с исламским азаном, можно усмотреть в сообщении аш-Шахрастани о религии ханифов. «Среди арабов были такие, кто верил в Аллаха и последний день и ожидал пророчества... И среди тех, кто познал явный (божественный) Свет и чистое происхождение, признал ханифскую религию и ожидал пророческого предводителя, – Зайд б. Амр б. Нуфайл, который, опираясь спиной на ал-Кабу, говорил: «О люди! Идите сюда, ко мне, ибо не осталось из придерживающихся религии Ибрахима никого, кроме меня» [20, с. 37]. Однако этот устный религиозный призыв не выполнял главной функции азана – временной регламентации религиозных действий. Следы такой регламентации у доисламских арабов можно обнаружить только в годовом, а не дневном, как в исламе, ритуальном цикле. Так, хорошо известна доисламская практика выделения запретных месяцев и периодичность обрядов хаджа. В тесной связи с регламентацией религиозной деятельности находилось обыкновение устного объявления о календарных вставках, получивших последующее осуждение в кораническом тексте (IX, 37) [7]. Рассказывая о лунно-солнечном счете времени у доисламских арабов аль-Бируни сообщает: «...на “каламмасов” из племени Бену Кинана была возложена обязанность по завершении паломничества читать на ярмарке проповедь и производить вставку месяцев, называя следующий вставной месяц именем текущего месяца» [21, с. 79]. Таким образом, мы не находим надежных свидетельств о существовании у доисламских арабов практики ежедневной регламентации религиозных действий, внешним выражением которой являлся бы голосовой призыв.

Вопрос о происхождении азана становится еще более интересным, если учесть тот факт, что вопреки утверждениям мусульманской традиции, трубление в шофар в иудейской ритуальной практике не выполняет функции ежедневного призыва к молитве. Как известно, предписание трубить в шофар связано с годовой календарной обрядностью. Трубными звуками, прежде всего, отмечены праздник Рош а-Шана и последний (предновогодний) месяц календаря элул, когда осуществляется ежедневное, кроме Шаббата, трубление в шофар, завершение Йом Киппура [22, с. 250–251, 258]. В талмудическую эпоху был распространен обычай трубить в шофар накануне Шаббата. «Учили наши наставники: шесть раз трубят в рог накануне субботы, в первый раз – для того, чтобы народ прекратил свою работу в поле, во второй – для горожан и торговцев, в третий – чтобы зажгли светильник (в честь субботы) – таково поучение рабби Натана; рабби Йегуда га-Наси говорил: в третий – чтобы сняли тфилин, и задерживаются для того, чтобы поджарить маленькую рыбку или положить на (горячую) печь лепешку хлеба, и трубят непрерывно (ткиа), и начинают праздновать субботу. Сказал раббан Шимон бен Гамлиэль: “Что нам делать с вавилонянами, которые сначала трубят непрерывно (ткиа), а потом прерывисто (труа) и сразу после этого начинают праздновать субботу?”» (Шаббат 35б) [23, с. 84–85]. Таким образом, в иудейской традиции, с которой Мухаммад мог столкнуться

вплотную после совершения хиджры, отсутствует каждодневное трубление в шофар. В крайнем случае, речь может идти только об употреблении шофара в качестве инструмента еженедельной регламентации обрядовых действий, связанных с наступлением субботы.

В этой связи следует отметить, что совершая хиджру, Мухаммад достиг Мединского оазиса (Куба) 12 раби I/24 сентября [4, с. 88], что должно соответствовать месяцу тишрей (сентябрь – октябрь) иудейского лунно-солнечного календаря, во время которого «шофар звучит не раз» [24, с. 88]. Важно помнить, что семантически трубление в шофар связано не с временной регламентацией обрядовых действий, а с верой в апотропейные функции трубного звука: «... в архаических обществах апотропейную функцию часто выполнял шум: в еврейской традиции, в частности, звуки шофара. В Талмуде прямо говорится, что в шофар трубят, чтобы нагнать страх на Сатана (Rosh ha-Shan. 16 A-B» [25, с. 295]. В этой связи небезынтересно обратиться к следующему хадису, переданному аль-Бухари(352): «передают со слов Абу Хурайры, да будет доволен им Аллах, что посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “когда произносится призыв к молитве, шайтан отступает, с шумом испуская ветры, чтобы не слышать этого призыва, а когда призыв завершается он снова подступает. И он отступает во время икамы, а когда объявление о начале молитвы завершается, он подступает, чтобы встать между человеком и сердцем его и внушать ему: «Вспомни о том-то и том-то», о чем тот и не помышлял (до молитвы, и он делает это) для того, чтобы человек оставался (в подобном) положении, не ведая, сколько (ракатов) молитвы он совершил”» [11].

Вряд ли в данном случае у нас есть основания говорить о заимствованиях, ибо вера в апотропейную функцию ритуальных действий присуща самым разнообразным религиозным традициям, важнее другое – отождествление в рамках мусульманской традиции иудейской общины со звуком шофара.

Обычай ударять в било для призвания верующих в храм распространился в христианской церкви после эпохи гонений. «В эпоху Константина Великого верных сзывали в храм ударами молотка в било (деревянная доска) и клепало (железная полоса)... Легенда связывает начало употребления колоколов в христианской церкви с епископом Нолы (где впоследствии был центр производства небольших колоколов), св. Павлином (вторая пол. IV– первая пол. V вв. – *И. С.*), которому эту идею внушил будто бы вид полевого колокольчика» [26, с. 787]. Во времена пророка Мухаммада в христианских церквях Востока верующих созывали на молитву ударами друг о друга двух деревянных досок, за которыми в арабо-мусульманской традиции закрепилось название накус, позже перенесенное и на колокола [1, с. 334]. Таким образом, по нашему мнению, ближайšie аналогии мусульманскому азану следует искать именно в христианской практике призыва верующих на молитву. О том, что в мусульманской традиции прочно установилась оппозиция азан – колокола, свидетельствуют и значительно более поздние по отношению к VII в. тексты. В качестве примера приведем свидетельство хронологически, территориально и этнически никак не связанное с Аравией времен пророка Мухаммада. Ибн Биби (ум. 1272 г.), рассказывая о завоевании войсками правителя Румского султаната Ала ад-Дина Кей-Кубада города Судака, сообщает: «...султан разрешил простить жителей Судака в

их преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов там были михраб, минбар и шариат, установленный пророком, да будет над ним благословение и мир!... Войска приняли парадный вид. Был приготовлен богато отделанный минбар, глава амиров возложил на голову священный Коран, положенный на золотое блюдо, в руку взял султанский штандарт. Так с торжественностью вошли в город. На высоком месте города муэzzин произнес призыв к молитве; разбили христианский колокол (выделено мною. – *И. С.*) и меньше чем в две недели выстроили прекрасную соборную мечеть» [27, с. 58].

Сказанное не может не вызвать вопрос: какую функциональную нагрузку в контексте рассказа о возникновении азана выполняет упоминание о иудеях и шофаре? Для ответа на этот вопрос еще раз обратим внимание на тот факт, что для авторов мусульманского предания не столь важно подлинное назначение трубных звуков в ритуальной практике иудаизма. Гораздо важнее то, что звук шофара являлся отличительной чертой, символом иудейской общины. Таким образом, рассказ о возникновении азана – это не только повествование о решении мусульманской общины проблемы временной регламентации дневного ритуального цикла. По нашему мнению, это, прежде всего, рассказ о возникновении отличительного знака ислама по отношению к другим конфессиональным общинам, рассказ об одном из этапов формирования религиозной идентичности мусульман. Под этим углом зрения становятся явными некоторые особенности, присущие как мусульманскому преданию в целом, так и той его части, которая касается истории азана. Например, очевидно, что авторы предания преследуют апологетическую цель, которая состоит в доказательстве превосходства ислама. Достижению этой цели (наиболее явно – в тексте Ибн Хишама) подчинено и противопоставление азана колоколам и шофару, и упоминание о чудесных сновидениях с участием ал-Хадира, и слова самого ал-Хадира о том, что азан лучше рога иудеев и била христиан.

Список использованных источников и литературы

1. Ефремова Н. В., Ибрагим Т. К. Жизнь пророка Мухаммада / Н. В. Ефремова, Т. К. Ибрагим. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2009. – 1062 с.
Efremova N. V., Ibragim T. K. Zhizn proroka muxammada / N. V. Efremova, T. K. Ibragim. – М.: Nauchno-izdatelskij centr «ladomir», 2009. – 1062 s.
2. Спивак И. А. Христиане Аравии в изображении Ибн Хишама / И. А. Спивак // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. (Исторические науки). – Симферополь, 2014. – Т. 27 (66). – № 4. – С. 84–92.
Spivak I. A. Xristiane Aravii v izobrazhenii Ibn Xishama / I. A. Spivak // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. (Istoricheskie nauki). – Simferopol, 2014. – Т. 27 (66). – № 4. – С. 84–92.
3. Шифман И. Ш. О некоторых установлениях раннего ислама / И. Ш. Шифман // Ислам. Религия, общество, государство. – М.: Наука, 1984. – С. 36–43.
Shifman I. Sh. O nekotoryx ustanovleniyax rannego islama / I. Sh. Shifman // Islam. Religiya, obshhestvo, gosudarstvo. – М.: Nauka, 1984. – С. 36–43.
4. Большаков О. Г. История Халифата. – Т. 1: Ислам в Аравии (570–633) / О. Г. Большаков. – М.: Наука, 1989. – 312 с.
Bol'shakov O. G. Istorija Halifata. – Т. 1: islam v Aravii (570–633) / O. G. Bol'shakov. – М.: Nauka, 1989. – 312 s.
5. Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка Мухаммада / Хишам Ибн / пер. Н. А. Гайнуллина. – М.: Издательский дом «УММА», 2002. – 485 с.

- Ibn Hisham. Zhizneopisanie Proroka Muhammada / Hisham Ibn / per. N. A. Gajnullina. – М.: Izdatel'skij dom «УММА», 2002. – 485 s.
6. Пиотровский М. Б. ал-Хадир / М. Б. Пиотровский // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 262.
Piotrovskij M. B. al-Xadir / M. B. Piotrovskij // Islam: Enciklopedicheski slovar. – М.: Nauka, 1991. – S. 262.
7. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – Баку: Язычы, 1990. – 744 с.
Koran / per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku: Jazychy, 1990. – 744 s.
8. Пиотровский М. Б. Коранические сказания / М. Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1991. – 219 с.
Piotrovskij M. B. Koranicheskie skazaniya / M. B. Piotrovskij. – М.: Nauka, 1991. – 219 s.
9. Емельянов В. В. Гильгамеш. Биография легенды / В. В. Емельянов. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 358 с.
Emelyanov V. V. Gilgamesh. Biografiya legendy / V. V. Emelyanov. – М.: Molodaya gvardiya, 2015. – 358 s.
10. Пиотровский М. Б. Мухаммад и начало ислама. Введение / М. Б. Пиотровский // Хрестоматия по исламу. – М.: Наука, 1994. – С. 9–11.
Piotrovskij M. B. Muhammad i nachalo islama. Vvedenie / M. B. Piotrovskij // Hrestomatija po islamu. – М.: Nauka, 1994. – S. 9–11.
11. Аль-Бухари М. Сахих. Свод хадисов имама аль-Бухари. Мухтасар полный вариант / М. аль-Бухари / Пер. с арабск. В. А. Нирша. – М.: Умма, 2003. – 960 с.
Al-Buxari M. Saxix. Svod xadisov imama al-Buxari. Muxtasar polnyj variant / M. al-Buxari / Per. s arabsk. V. A. Nirsha. – М.: Umma, 2003. – 960 s.
12. Муслим. Сахих: Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири / Пер. с арабск. В. А. Нирша. – М.: Умма, 2011. – 1216 с.
Muslim. Saxix: Kratkoe izlozhenie, sostavlennoe imamom al-Munziri / Per. s arabsk. V. A. Nirsha. – М.: Umma, 2011. – 1216 s.
13. Резван Е. А. Азан / Е. А. Резван // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 14.
Rezvan E. A. Azan / E. A. Rezvan // Islam: Enciklopedicheski slovar. – М.: Nauka, 1991. – S. 14.
14. Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата / В. В. Бартольд. – М.: Вост. лит., 2002. – 784 с.
Bartol'd V. V. Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata / V. V. Bartol'd. – М.: Vost. lit., 2002. – 784 s.
15. Пиотровский М. Б. Саджах / М. Б. Пиотровский // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 202.
Piotrovskij M. B. Sadzhah / M. B. Piotrovskij // Islam: Enciklopedicheski slovar. – М.: Nauka, 1991. – S. 202.
16. Vacca V. Sadjah / V. Vacca // The Encyclopaedia of Islam. – V. 8. – Leiden: E. J. Brill, 1995. – P. 738–739.
17. Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / Г. Э. фон Грюнебаум. – М.: Наука, 1986. – 216 с.
Grjunebaum G. Je. fon. Klassicheskij islam. Ocherk istorii (600–1258) / G. Je. fon Grjunebaum. – М.: Nauka, 1986. – 216 s.
18. Мюллер А. История Ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов / А. Мюллер. – М.: ООО «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2004. – 911 с.
Myuller A. Istoriya Islama: Ot doislamskoj istorii arabov do padeniya dinastii Abbasidov / A. Myuller. – М.: ООО «Izdatelstvo Astrel», «Izdatelstvo AST», 2004. – 911 s.
19. Ал-Калби Хишам б. Мухаммад Книга об идолах / Хишам б. Мухаммад ал-Калби // Пер. с арабск., В. В. Полосина. – М.: Наука, 1984. – 64 с.
Al-Kalbi Xisham b. Muxammad Kniga ob idolax / Xisham b. Muxammad al-Kalbi // Per. s arabsk., V. V. Polosina. – М.: Nauka, 1984. – 64 s.
20. Прозоров С. М. «Верования арабов во времена ал-джахилийи» аш-Шахрастани / С. М. Прозоров / Коментированный пер. с арабск. // Письменные памятники Востока. – 2005. – № 2 (3). – С. 26–46.

Prozorov S. M. «Verovaniya arabov vo vremena al-dzhaxiliji» ash-Shaxrastani / S. M. Prozorov / Kommentirovannyj per. s arabsk. // Pismennye pamyatniki Vostoka. – 2005. – №2 (3). – S. 26–46.

21. Бируни Абу Рейхан Памятники минувших поколений / Абу Рейхан Бируни // Избранные произведения. – Т. 1. – Ташкент: Изд-во АНУзССР, 1957. – 488 с.

Biruni Abu Rejhan Pamyatniki minuvshix pokolenij / Abu Rejhan Biruni // Izbrannye proizvedeniya. – T. 1. – Tashkent: Izd-vo ANUzSSR, 1957. – 488 s.

22. Носенко Е. Э. Евреи / Е. Э. Носенко // Клендарные обычаи и обряды народов Передней Азии. Годовой цикл. – М.: Наука, 1998. – С. 229–292.

Nosenko E. E. Evrei / E. E. Nosenko // Klendarnye obychai i obryady narodov Perednej Azii. Godovoj cikl. – M.: Nauka, 1998. – S. 229–292.

23. Гафни И. М. Евреи Вавилонии в талмудическую эпоху / И. М. Гафни. – М. – Иерусалим: Издательство «Мосты культуры – Гешарим», 2003. – 396 с.

Gafni I. M. Evrei Vavilonii v talmudicheskuyu epoxu / I. M. Gafni. – M. – Ierusalim: Izdatelstvo «Mosty kultury – Gesharim», 2003. – 396 s.

24. Носенко Е. Э. «...Вот праздники Бога» (историко-генетическое исследование еврейских праздников) / Е. Э. Носенко. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001. – 230 с.

Nosenko E. E. «...Vot prazdniki Boga» (istoriko-geneticheskoe issledovanie evrejskix prazdnikov) / E. E. Nosenko. – M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. – 230 s.

25. Носенко Е. Э. Культ умерших и почитание предков: их место и роль в еврейской традиции / Е. Э. Носенко // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении. – М.: Наследие, 1999. – С. 278–299.

Nosenko E. E. Kult umersnix i pochitanie predkov: ix mesto i rol v evrejskoj tradicii / E. E. Nosenko // Folklor i mifologiya Vostoka v sravnitelno-tipologicheskom osveshhenii. – M.: Nasledie, 1999. – S. 278–299.

26. Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 1: А–К / Ред. кол.: С. С. Аверинцев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 863 с.

Xristianstvo: Enciklopedicheskij slovar. – T. 1: A–K / Red. kol.: S. S. Averincev. – M.: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya, 1993. – 863 s.

27. Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) / А. Ю. Якубовский // Византийский Временник. – 1927. – Т. XXV. – С. 53–76.

Yakubovskij A. Yu. Rasskaz Ibn al-Bibi o poxode maloazijskix turok na Sudak, polovcev i russkix v nachale XIII v. (Cherty iz torgovoj zhizni poloveckix stepej) / A. Yu. Yakubovskij // Vizantijskij Vremennik. – 1927. – T. XXV. – S. 53–76.

Spivak I. A. The emergence of the azan in the light of the Muslim tradition // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 1. – P. 78–85.

The article is devoted to the analysis of Muslim legends associated with the appearance of the adhan. On the basis of the message Ibn Hisham, al-Bukhari and other sources, the author reveals peculiarities of the formation of the tradition about adhan. The abundance of fantastic details in the story of Ibn Hisham allows us to assume its secondary character to other sources. The analysis of the pre-Islamic religious practices of the population of Arabia is evident, in the opinion of the author, about the lack of prototypes of daily regulation of ritual actions in the form of an oral appeal. The record of «the horns of the Jews» in the Muslim tradition about adhan also gives grounds for assumptions about direct influences and borrowings. The only tradition that during the time of Prophet Muhammad there was a call to prayer in the form of beats in beat (the bell) was Christianity. By the example of the message of Ibn Bibi about the Muslim conquest of the city of Sudak and the penetration of Islam on the Crimean Peninsula, the author shows steady opposition (azan – bell) formed in the Muslim tradition. Overall, according to the author, the legend about the origin of the adhan should be seen as a narrative of the emergence of a distinctive sign of Islam towards other religious communities, the story of one of the stages in the formation of religious identity of Muslims.

Keywords: adhan, Ibn Hisham, Jews, bell, muezzin, Muhammad, tradition, ritual practice, Sudak, Christianity, shofar.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Конкин
Денис Валерьевич** кандидат исторических наук, заведующий отделом Новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Лейбенсон
Юлия Тарасовна** аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Непомнящий
Андрей Анатольевич** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Никифоров
Михаил Андреевич** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
- Петрова
Элеонора Борисовна** доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Прохорова
Татьяна
Александровна** старший научный сотрудник Научно-фондового отдела Историко-археологического заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Российская Федерация).
- Спивак
Игорь Александрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, заместитель декана исторического факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Конкин Д. В.

Имперские подходы в решении мусульманских проблем:
на примере учреждения и деятельности «Комиссии для приведения в
известность вакуфов в Крыму» (1871 год) 3

Лейбенсон Ю. Т.

Античная интеллектуальная традиция в Северном Причерноморье
в средние века 12

Непомнящий А. А.

Научно-исследовательское общество изучения Крыма
(1935–1937): провал проекта советской краеведческой организации..... 28

Никифоров М. А.

О проблемах интеграции Крыма в состав Российской империи в
правление Екатерины II 38

Петрова Э. Б., Прохорова Т. А.

Севастополь и его ближайшая округа
в сочинениях московских путешественников по Крыму
конца XVIII – первой половины XIX века 48

Спивак И. А.

Возникновение азана в свете мусульманского предания..... 78

Сведения об авторах 86